

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 45 НОЯБРЬ 1979

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ 62-я ГОДОВЩИНА
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!**

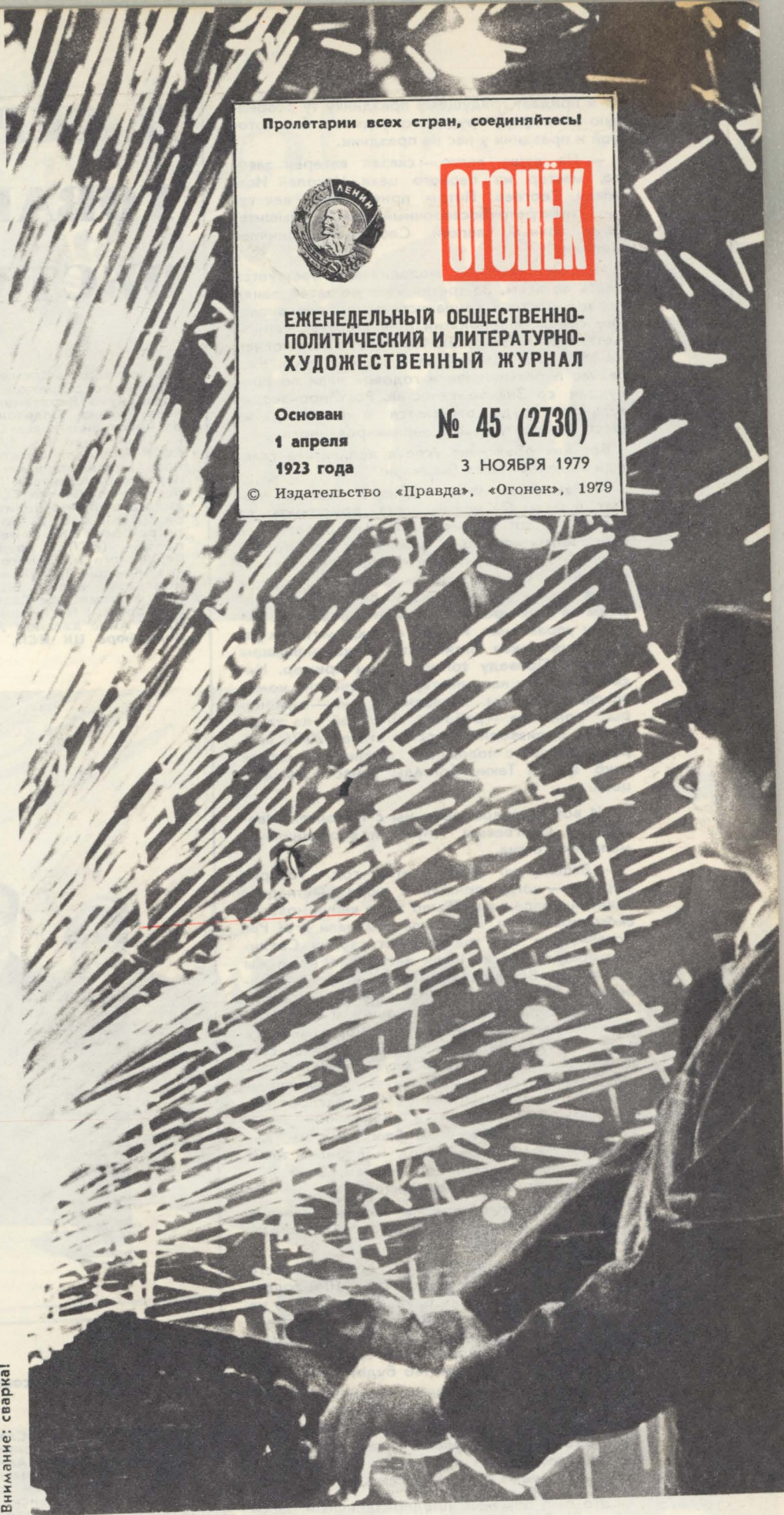
Из призывов ЦК КПСС к 62-й годовщине Великой
Октябрьской социалистической революции

Бригадир сварщиков Игорь Комлев (в центре). Его бригада победила в социалистическом соревновании в честь 62-й годовщины Октября.

Внимание: сварка!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 45 (2730)

3 НОЯБРЯ 1979

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1979

ПРАЗДНИЧНАЯ МЕЛОДИЯ

Ю. КОЗЛОВ,
Фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Праздничное настроение чувствуется в эти дни на Московском трубном заводе, как, наверное, и на всех предприятиях страны. Однако вызвано оно не только тем, что через несколько дней на календаре появится красная цифра «7». К этому добавляется и естественная радость хорошо поработавших людей. Она

то и придает грядущему празднику ту особенную атмосферу трудового подъема, без которой и праздник у нас не праздник.

— На душе легко,— сказал ветеран завода, мастер из первого цеха Николай Иванович Сергеев. Потом прислушался, как гудит электротрубосварочный стан.— Слышите? Звук ровный, легкий. Словно праздничная мелодия!

И действительно, мелодия эта чувствуется здесь во всем. За третий квартал завод занял первое место в социалистическом соревновании среди предприятий Министерства черной металлургии. За девять месяцев перевыполнен на 1600 тонн годовой план выпуска труб. Уже сейчас перевыполнен и годовой план по продукции со Знаком качества. Рост производительности труда ожидается к концу года на шесть процентов выше запланированного.

Вот как объясняет успехи коллектива главный инженер Павел Гаврилин:

— Завод наш почти в центре Москвы. Может, и рады бы новые цеха пристроить, да тесновато. Вот и растем главным образом за счет интенсификации производства. Что это значит? Ну, во-первых, оснащаемся самым современным оборудованием. Сейчас завод как раз в стадии реконструкции. Во-вторых, внедряем на всех уровнях автоматизированную систему управления. И еще: с каждым годом растет творческая активность и квалификация рабочих. Приведу только один пример. Несколько лет у нас действуют творческие комплексные бригады. Половина в них — инженеры, половина — рабочие. В одной из таких бригад производительность стана 20-76 возросла на два с половиной миллиона метров труб в год! Такие бригады у нас в каждом цехе.

...И вот в первом цехе мы с Николаем Ивановичем Сергеевым слушаем «праздничную мелодию» стана.

— Вспоминаю сорок третий год,— говорит Сергеев,— когда пришел я сюда шестнадцатилетним паренком. Было это в канун ноябрьского праздника. Как тогда отмечали его? Работаем, а в цех транслируют сводки Совинформбюро. Войска наши наступают, ну, и мы стараемся. Военное время... Он вдруг удивленно оглядывается, словно впервые видит свой цех, станы, вспыхивающие и гаснущие огоньки на пультах.— Как, однако, изменился завод... С двадцатью пятью НИИ сейчас сотрудничаем. Трубы наши идут в автомобильную, химическую, мебельную промышленность, в машиностроение. И на экспорт — в двадцать шесть стран. А главное-то — люди какими стали! Во многом благодаря им, думающим, грамотным, завод и добился таких высоких показателей. Вот, скажем, Олег Жуков, бригадир электросварщиков...

...С Олегом Жуковым мы познакомились в момент для рабочего человека самый приятный: когда дело ладится.

Олегу двадцать пять лет. Его бригада вместе с другими стала на вахту в честь 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. Одно из обязательств — вывести стан на проектную мощность к первому декабря, то есть на месяц раньше запланированного срока. И, судя по всему, это обязательство будет выполнено.

— Учился в авиационном техникуме,— рассказал Олег,— а вот работать пришел на трубный. Окончил подготовительные курсы — и на стан. Сначала монтировали, теперь уже пустили. Масштаб работы привлекает. Есть над чем подумать, к чему руки приложить.

...Это был обычный предпраздничный рабочий день. Гудели станы. Во дворе отгружали заказчикам готовые трубы. У главного инженера заканчивалось производственное совещание. А в дирекции и в парткоме составлялся праздничный приказ. Там были добрые слова и о моих сегодняшних собеседниках. Главные же герои приказа — те, кто уже выполнил четырехлетние задания пятилетки, и еще бригада сварщиков Игоря Комлева — победительница социалистического соревнования в честь 62-й годовщины Октября. Уточнялась и программа торжественного собрания: приказ, чествование ветеранов, праздничный концерт...

Завод готовился к празднику. А рабочий день продолжался...

В СЕРДЕЧНОЙ, ТОВАРИЩЕСКОЙ ОБСТАНОВКЕ

24 октября в Кремле начались переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, члена Политбюро ЦК КПСС, министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецова, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева с Генеральным секретарем ЦК Йеменской социалистической партии (ИСП), Председателем Президиума Верховного народного совета Народной Демократической Республики Йемен Абдель Фаттахом Исмаилом, членом Политбюро, секретарем ЦК ИСП Мухаммедом Салехом Мутыйя, членом Политбюро ЦК ИСП, министром рыбных ресурсов НДРЙ Анисом Хасаном Яхья, кандидатом в члены Политбюро ЦК ИСП, министром иностранных

А. Ф. Исмаил, является поддержка, оказываемая демократическому Йемену Советским Союзом.

А. Ф. Исмаил выразил горячее одобрение внешнеполитических инициатив КПСС и Советского правительства, изложенных в речи Л. И. Брежнева в Берлине.

Л. И. Брежнев высказал высокую оценку творческой созидательной деятельности Йеменской социалистической партии в интересах южной половины народа, мира и безопасности в районе юга Аравийского полуострова и во всем районе Ближнего Востока.

Переговоры прошли в сердечной, товарищеской обстановке.

25 октября в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание советско-южнойеменских документов.

Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Респуб-

Подписание советско-южнойеменских документов.

дел НДРЙ Салехом Мухаммедом, кандидатом в члены Политбюро ЦК ИСП, министром обороны НДРЙ Али Ахмедом Насером Антаром.

В теплой, товарищеской атмосфере состоялась обмен мнениями о дальнейшем развитии советско-южнойеменских отношений в политической, экономической, научно-технической, культурной и других областях. Было с удовлетворением отмечено успешное развитие этих отношений, основывающихся на общности задач борьбы против империализма и его пособников, за мир и социальный прогресс.

В тот же день в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил Абдель Фаттаху Исмаилу орден Дружбы народов.

25 октября переговоры в Кремле завершились.

Стороны выразили удовлетворение благоприятным развитием и перспективами дальнейшего укрепления связей между КПСС и ИСП, отношений между Советским Союзом и НДРЙ в интересах народов обеих стран.

Одним из главных факторов революционного развития НДРЙ и ее укрепления, подчеркнул

лик и Народной Демократической Республики Йемен подписали:

за Союз Советских Социалистических Республик — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев;

за Народную Демократическую Республику Йемен — Генеральный секретарь ЦК Йеменской социалистической партии, Председатель Президиума Верховного народного совета НДРЙ Абдель Фаттах Исмаил.

Был подписан план связей между Коммунистической партией Советского Союза и Йеменской социалистической партией на 1980—1983 годы. План подписали — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и член Политбюро ЦК ИСП, секретарь ЦК ИСП Мухаммед Салех Мутыйя.

Подписан также протокол между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Народной Демократической Республики Йемен об экономическом и техническом сотрудничестве. Его подписали: по уполномочию правительства СССР — председатель ГКЭС С. А. Скачков; по уполномочию правительства НДРЙ — министр строительства НДРЙ Хейдар Абубакр аль-Атас.

Во время вручения награды.

Фото А. ГОСТЕВА

Проводы на Внуковском аэродроме.

СВЕТ ОКТЯБРЯ ПОВСЮДУ

Владимир КУДРЯВЦЕВ

Великая Октябрьская социалистическая революция — главное событие XX века, начало всемирно-исторического поворота человечества от капитализма к социализму. Такая оценка Октября находит свое подтверждение и воплощение в повседневных явлениях современности. Куда бы ни был обращен наш взор — на Европу или Америку, на Азию или на Африку, на просторы Тихого океана с его многочисленными островами, — повсюду пробивают себе дорогу в жизнь идеи, рожденные Октябрем, гением его великого вождя и организатора — Владимира Ильича Ленина.

Сила этих идей заставляет врагов прогресса делать все от них зависящее, особенно по линии пропаганды, для того, чтобы приуменьшить значение идей Октября для развития мирового революционного процесса, процесса преобразования общества. Империалисты, неокOLONIZаторы, расисты — все они обуреваемы тщетными надеждами превратить Октябрь в памятник истории или доказать недоказуемое, а именно, что Октябрь — это чисто русское явление, которое теряет свою притягательность за рубежами нашей страны. Но повседневная действительность не оставляет от этого камня на камне.

Существует социалистическая система, с которой вынуждена считаться империалистическая реакция. И не только считаться — ведь она не может противопоставить идеям социализма ничего существенного, кроме грубой силы. А эта сила, как показывают события в странах, подобных Никарагуа, уже не срывает. Идеи социализма все с большей масштабностью овладевают широчайшими массами в освободившихся от колониализма странах, разочаровываются в капиталистическом пути развития, на который их толкают неокOLONIZаторы с их «косметической демократией», неспособной скрыть капиталистическую гниль. Жизнь направляет их на путь социалистической ориентации, как это демонстрируют во все большем числе африканские страны.

Еще в те далекие годы Ленин с его поразительной интуицией предупреждал о том, что «история вообще, история революции в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов». Посмотрите на карту мира, задумайтесь над теми событиями, которые происходят во всех ее уголках, и перед вами раскроется приведенная мысль Ильича, только в уже материализованном виде. И никакие трудности, никакие временные отступления, никакие старания империалистов, все больше рассчитывающих на вооруженную силу, даже в таких наиболее наглых формах, как «корпус быстрого реагирования» США, ничто не может приостановить мировой революционный процесс, происходящий на наших глазах в неповторимом разнообразии.

Ставший началом всемирно-исторического поворота, Октябрь включил в понятие перехода от капитализма к социализму и обеспечение человечеству мира. Только социализм может создать на земле условия, которые исключили бы войны как способ решения международных конфликтов. Не случайно первым внешнеполитическим актом рожденного Октябрем Советского государства был ленинский Декрет о мире. И разве не свет Октября озаряет в наше время внешнюю политику Советского Союза, других социалистических стран, первейшей задачей которой стало достижение всеобщего мира, обеспечение безопасности народов? Объективное существование порожденной Октябрем системы социализма позволяет всем борцам за мир и безопасность опираться на такую могучую материальную силу, какой является реальный социализм.

Именно он, реальный социализм, обеспечил всему миру политическую разрядку, под знаком которой ныне развиваются все международные события. Но политическая разрядка недостаточна для того, чтобы сделать ее самой необратимым фактором мира. Ее нужно подкрепить разрядкой военной. И в этом направлении действует наследие Октября — содружество социалистических государств, от которого исходят инициативы в деле укрепления мира и предотвращения новой мировой ядерной войны. Не кто иной, как Советский Союз, выдвинул ряд предложений, которые исключили бы использование вооруженной силы или угрозы ее применения в международных отношениях. Не кто иной, как Советский Союз, предложил ряд существенных мероприятий, которые приостановили бы, а затем и вообще ликвидировали бы гонку вооружений. Не кто иной, как Советский Союз, устами Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева выдвинул предложение о готовности в одностороннем порядке сократить свои войска и вооружения в Центральной Европе с тем, чтобы положить начало решительному сокращению вооруженных сил и вооружений в этой части континента.

Нет, не по силам империалистам и их прихвостням замутить своей грязной пропагандой свет Октября, не по силам сделать его «чисто русским», национально ограниченным! И то, что империализм все чаще хватается за оружие, свидетельствует о его прогрессирующей исторической дряхлости, ибо он бессилен скрыть от народных масс тот единственный путь спасения, который перед ними 62 года назад открыл Октябрь.

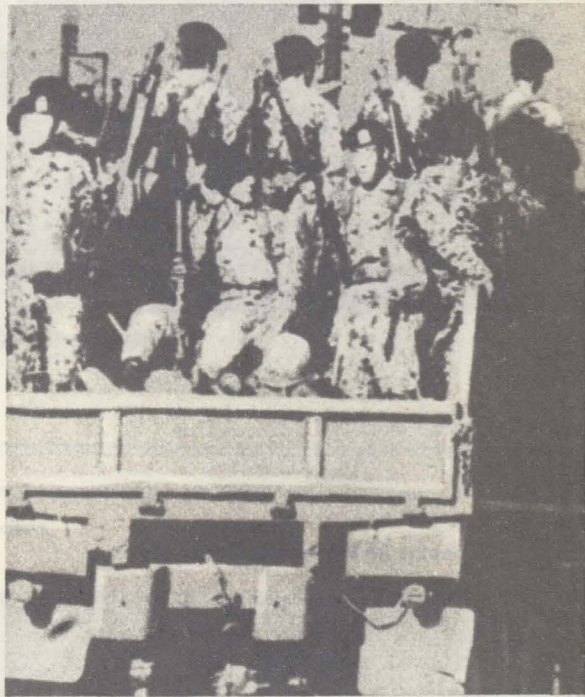
Да здравствует 62-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

СЛОВО — ЗА ЗАПАДОМ

Как сообщила парижская газета «Эно», в Западную Европу выехала высокопоставленная американская делегация, цель которой — убедить страны НАТО «занять общую позицию» по вопросу о размещении на их территории новых американских ядерных ракет.

Эти факты самым убедительным образом разоблачают фальшь утверждений милитаристских кругов НАТО и послушных им органов буржуазной пропаганды о пресловутом нарастании советской военной угрозы. Истина состоит в том, что уже сегодня земля Западной Европы буквально перенасыщена американским ядерным оружием, число зарядов которого достигает уже 8 тысяч единиц. И эту истину никому не дано извратить. Выступая в Берлине, товарищ Л. И. Брежнев предложил конкретную программу мер военной разрядки в Европе, которая служит свидетельством нашего миролюбия и доброй воли. Сокращение по сравнению с нынешним уровнем количества ядерных средств средней дальности, развернутых в западных районах нашей страны, при условии,

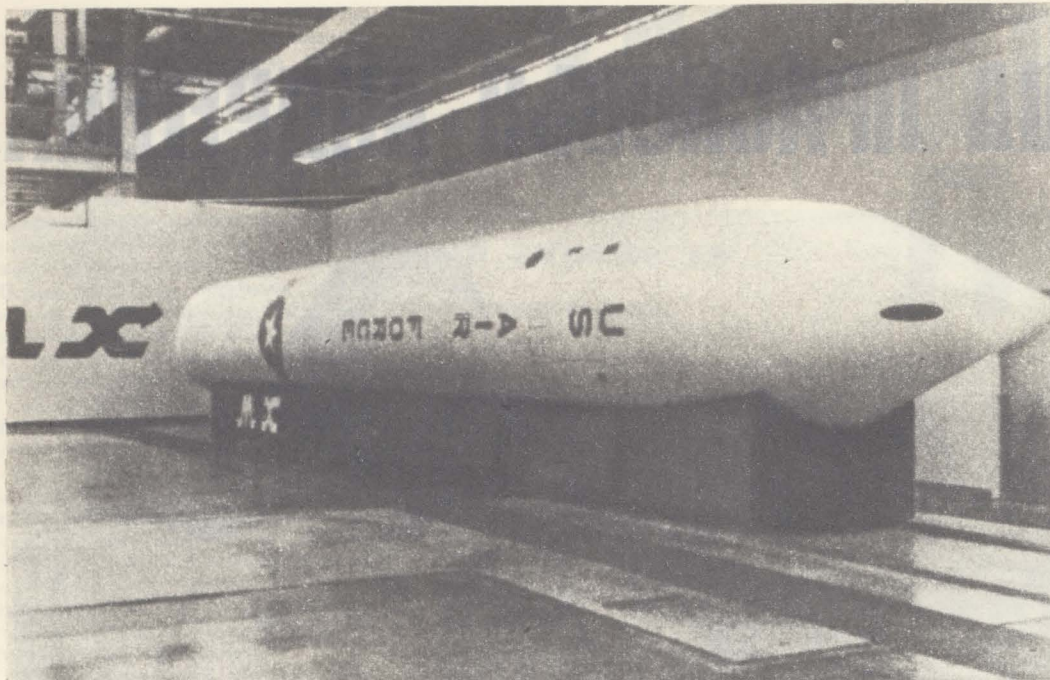

ЮЖНАЯ КОРЕЯ

КОНЕЦ ДИКТАТОРА

В Южной Корее введено чрезвычайное положение. 26 октября ее марионеточный президент Пак Чжон Хи был убит директором южнокорейского ЦРУ Ким Дэ Кю. По сообщениям сеульских властей, убийство диктатора было запланировано, в стране совершен очередной переворот. Судя по всему, Вашингтон решил просто заменить свою марионетку. И это понятно, ведь народное возмущение марионеточным режимом в Южной Корее приняло такие масштабы, что грозило не только смести сам режим, но и нанести удар по интересам

что в Западной Европе не будут дополнительно размещены американские ядерные средства средней дальности; решение Советского Союза в одностороннем порядке сократить в Центральной Европе свои вооруженные силы на 20 тысяч человек, вывести оттуда тысячу танков и определенное количество другой военной техники; предложение о дальнейшем расширении мер доверия в Европе — все эти проинициативированные подлинным миролюбием инициати-

вы вновь свидетельствуют об авангардной роли Советского Союза в борьбе за мир и безопасность в Европе и во всем мире. И если на Западе есть элементарное желание договориться, то основа для этого с нашей стороны налицо.

На снимке: так выглядит пресловутая ракета «МХ», одна из тех, которые Вашингтон намерен разместить в Западной Европе.

ШВЕЦИЯ

КОГДА НЕЧЕМ ДЫШАТЬ

Перенаселенность и отсутствие элементарных условий человеческого существования — бич всех крупных капиталистических городов. В шведской столице стало в последнее время попросту трудно дышать. Центр города перенасыщен частными автостоянками, владельцы которых меньше всего думают о том, как влияют выхлопные газы на здоровье людей. В ходе проведенного опроса 55 процентов опрошенных высказались за запрет водителям въезжать в центр Стокгольма.

На снимке: мать и дитя в противогазах — таким оригинальным способом протестует против загрязнения окружающей среды одна из жительниц Стокгольма.

США в этой стране, практически оккупируемой их войсками. Наблюдатели обращают внимание на то, что убийство Пак Чжон Хи произошло вскоре после возвращения в Сеул американского посла, отозванного для того, чтобы продемонстрировать недовольство США развитием обстановки в Южной Корее. Отмечается также, что встреча американского посла с шефом ЦРУ Южной Кореи, застрелившим марионетку, произошла буквально за несколько часов до убийства.

О характере переворота говорит и заявление исполняющего обязанности президента, премьер-министра Цой Ха. Последний поспешил заверить, что «в отношениях Южной Кореи с США и другими ее союзниками не будет никаких изменений».

На снимке: войска патрулируют улицы Сеула.

САЛЬВАДОР

БЕЗ РОМЕРО

Десятки лет Вашингтон безраздельно властвовал в Центральной Америке. Именно с его благословения приходили и уходили генералы, обрекавшие население больших и малых государств региона на бесправие, нищету и жестокую эксплуатацию во имя прибылей американских корпораций. Но всему приходит конец. Уже двадцать лет уверенно идет по пути социализма революционная Куба. Избавился от диктатуры и иностранного засилья народ Никарагуа. 1 октября поднят национальный флаг над зоной Панамского канала — республика Панама частично вернула юрисдикцию над важнейшим водным путем, проходящим через ее территорию. И, наконец, на борьбу за свободу поднялся народ самой маленькой страны Центральной Америки — Сальвадора.

Свергнутый в Сальвадоре генерал-диктатор Карлос Умберто Ромеро был достойным собратом палача никарагуанского народа Сомосы, бесславный конец которого широко известен. Как и Никарагуа, Сальвадор был ареной жесточайших политических репрессий, массового подавления борьбы трудящихся за свои права. Не далее как в сентябре антинародный режим Ромеро варварски расправился с крестьянами одной из областей страны — в департаменте Ла-Пас были обнаружены десятки обезглавленных трупов восставших, изрешеченных пулями, а позже — тела четырех крестьянских руководителей. Это было последней каплей, переполнившей чашу народного гнева.

Вашингтон, однако, предпринял максимум усилий, чтобы не допустить в Сальвадоре коренных социально-политических перемен и направить в нужное ему русло дальнейшее развитие событий. В сущности, переворот в Сальвадоре произошел с его молчаливого согласия. К власти пришла военная хунта, которая отнюдь не спешит выполнять требования народа. Когда тысячи людей в столице и других городах страны, узнав о свержении Ромеро и замене его хунтой полковников, вышли на улицы, национальная гвардия, поддерживавшая переворот, открыла по демонстрантам стрельбу. Руководство вооруженных сил национального сопротивления Сальвадора охарактеризовало переворот как очередной маневр Вашингтона и местной реакции. Тем временем в Сальвадоре продолжают массовые манифестации, участники которых требуют немедленно освободить всех политических заключенных, провести широкую чистку государственного аппарата, армии и служб безопасности с целью выявления и удаления сторонников фашист-

ского диктатора. Будущее покажет, смогут ли Вашингтон и его ставленники удержать свои позиции в этом государстве.

На снимке: демонстранты на улицах Сан-Сальвадора требуют восстановления демократических прав для всех трудящихся.

«Международная панорама» подготовлена по материалам ТАСС, журналов «Штерн» и «Ньюсуик», газет «Вархайт» и «Свенска дагбладет».

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

Ноябрьская Саметь припорошена нежным снегом. Волжские ветры пока мягки и светлы — зима только подступила, словно медлит укрывать надолго окрестные поля и леса. Знакомый костромской пейзаж. И колхоз местный тоже давно знаком — «12-й Октябрь», где председательствует («верховодит», говорят мужики Самети) не одно десятилетие Прасковья Андреевна Малинина. Нынче быть здесь большим гостям! Хозяйка отмечает юбилей. В колхозе давно убрались с урожаем, и теперь над деревней запах первого снега тонко смешался с запахами пирогов с рыбой да капустой...

Малинину любят, хорошо знают не только в Костроме и не только в области. Знают в стране о знаменитом дойном стаде колхоза, о достижениях героев труда Самети, многие помнят яркие выступления Прасковьи Андреевны по радио и телевидению, наконец, популярна ее книга «Волжские ветры» — исповедь мудрой крестьянки, деревенской женщины, отмеченной печатью незаурядности во всем. Прасковья Андреевна талантлива удивительно, это характер самобытный, напористый, деятельный, вожаковский. Она и лошадь обрывает, и первотелку раздоит, и в хоре запекает, и лекцию для студентов «Каравая» прочтет, и может ночь просидеть над рукописью книги или письмами избирателей. О Малининой не раз говорилось: самородок! Это, конечно, так. Но из книги Прасковьи Андреевны видно, как судьба ее тесно переплелась с судьбой отечественной, с историческими деяниями революции, коллективизации, власти подлинно народной. Малинина пишет:

«Если для молодого поколения путь, который проделала наша Родина за шестьдесят лет под руководством Коммунистической партии, — это история, то для меня — реально прожитая жизнь. И я подумала: моя академия — это шестьдесят лет Советской власти. За эти годы я, бывшая батрачка,

стала руководителем колхоза, дважды удостоена звания Героя Социалистического Труда, имею шесть орденов Ленина, звание лауреата Государственной премии, коммунисты области избирали меня делегатом пяти партийных съездов. А ведь таких, как я, у нас много!»

Мысль понятна, и все-таки хо-

чется заметить: таких, как Прасковья Андреевна, не много. Тем она и любя тысячам знакомых и не обязательно знакомых с нею персонально соотечественников, что Малинина — личность, и личность это выдающаяся, иначе и не скажешь.

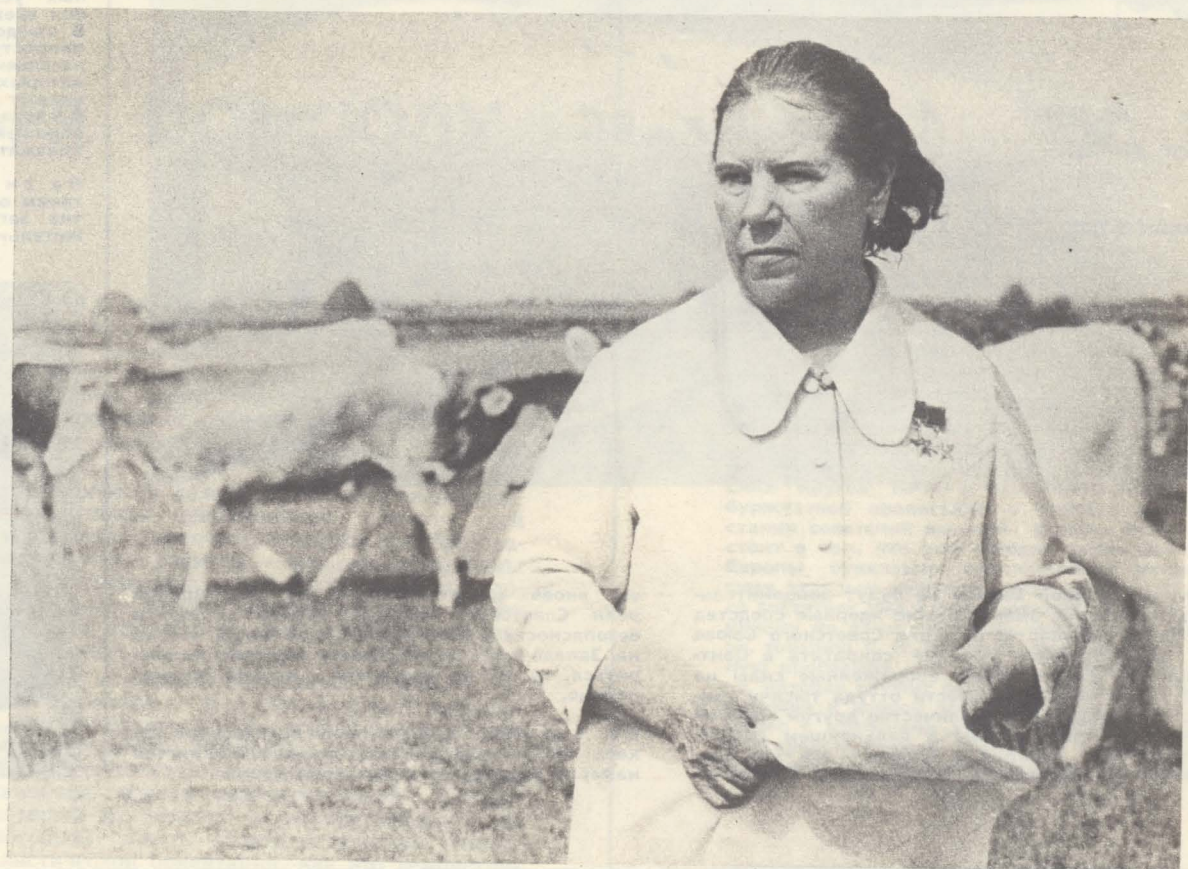
Огоньковцы с удовольствием присоединяются ко всем, кто в эти

дни горячо поздравляет Прасковью Андреевну Малинину с 75-летием, и желают ей прежней бодрости, активности, долгих лет жизни деятельной и плодотворной.

Н. БЫКОВ

Фото А. Награльяна.

«ОГОНЕК» ПОЗДРАВЛЯЕТ НАША ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

1979

№ 83 (5299)
Вторник, 16 октября
Цена 1 коп.

Печатается в издательстве
Центрального Комитета
КПСС

«СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ» — 50 ЛЕТ

Полвека назад, 6 ноября 1929 года, вышел первый номер «Советской культуры» (тогда она называлась «Рабочий и искусство»). С тех самых пор газета является деятельным помощником Коммунистической партии в идейно-вос-

питательной ее работе с массами, в решении тех сложнейших насущных проблем, которые ставила и ставит жизнь.

Все, чем за это время жила и волновалась страна, все заботы и трудности, которые героически

преодолевал ведомый партией советский народ, определяло необходимый круг задач газеты: духовных, нравственных, идеологических прежде всего.

Именно эта прочнейшая связь с массами, живое и деятельное участие в делах народа, в его борьбе и свершениях сформировали идейно-творческое направление газеты, выявили ее черты и самый облик, дав ей и широкий авторский актив и еще более широкого, поистине всенародного читателя, тружеников идеологического фронта, работников культуры городов и сел.

«Советская культура» является не только своеобразным зеркалом, отражающим поистине гигантский рост культурного уровня советского народа, строящего коммунизм, но и занимает активную жизненную позицию по отношению ко всем отрядам работников современной культуры, и особенно литературы и искусства.

В Отчетном докладе товарища Л. И. Брежнева XXV съезду КПСС вдохновенно сказано: «...Художественное слово, переливы красок, выразительность камня, гармония звуков вдохновляют современников и передают потомкам память сердца и души о

нашем поколении, о нашем времени, его тревожениях и свершениях».

Тут ясная программа всей творческой жизни страны, а значит, и газеты: утверждение прекрасного, сокровенных законов, согласно которым художник создает красоту, познание этих законов широкими массами. Нынче, когда народ поднялся на самые высокие вершины грамоты, культуры истинной, все эти задачи ему под силу! «Советская культура» делает своего читателя полноправным участником борьбы за красоту подлинную: за новые крупные, серьезные произведения искусства, воплощающие образ героя-современника, дающие нам мощный духовный стимул в борьбе за счастье Родины, за мир во всем мире.

Такова программа неустанных и всегда продолжающихся поисков газеты. Такова тактика и стратегия всей ее идейно-политической воспитательной работы со своим активом — читателями и корреспондентами.

Богатый положительный опыт, накопленный коллективом редакции за годы жизни «Советской культуры», — залог дальнейших ее успехов.

Ч

етверть века назад на землях северного и восточного Казахстана, веками дремавших, появились временки-вагончики и брезентовые палатки, заурчали моторы тракторов. Сотни и тысячи новоселов стали первопроходцами целины, положив начало всенародному подвигу, великие результаты которого особенно явно ощущимы сегодня, в наши дни — с дистанции времени, с позиций общегосударственного опыта ведения сельскохозяйственного производства.

Двадцатипятилетию героического освоения целины посвящается масштабный, эпический фильм «Вкус хлеба», созданный в результате многолетнего совместного труда кинематографистами студий «Мосфильм» и «Казахфильм». Эта кинотетралогия встанет наособицу среди созданий отечественного кинематографа: так ярко, крупнотемно целину на экране не показывали.

Дело даже не в размахе съемок, хотя и они впечатляют. Значение нового фильма заключается в его конкретных образах, во вбравших и общенародное и личное. Большой хлеб был добыт — и добывается! — умом и руками людей, полных бескорыстия и энтузиазма. Здесь сплавлены воедино волевой порыв народа и научная прозорливость.

В процессе съемок режиссер А. Сахаров (сценарий А. Лапшина, А. Сахарова, Р. Тюрина и В. Черных) на первый план выдвигал заботящие нас всех проблемы взаимоотношений коллектива и личности, высокой гражданской ответственности за порученное дело.

Три биографии прочерчены сквозь все пространство объемной четырехсерийной картины: это директор совхоза, секретарь райкома партии и директор института целинного земледелия. Каждый вылеплен как бы по отдельности — выпукло и подробно, но впечатление разноречия не возникает: драматургия картины подвижна, насыщена острейшими конфликтами, дискуссиями, психологическими поединками.

Директор целинного совхоза Степан Сечкин в исполнении Сергея Шакурова — человек незаурядный, фронтовик, сын потомственных ярославских землепашцев; это натура в высшей степени целеустремленная, самоотверженная, готовая на крайность в интересах дела. Сечкин — первоцелинник, он начинает на пустом месте, с нуля; начинает горячо, даже надсадно, трудится на износ, но при этом не боится улыбки, щедро пользуется юмором, неожиданным, но всегда оправданным. Это мастерски проведенная роль.

Менее известен широкому зрителю артист В. Рыжаков, играющий Ерошина, партийного вожака. Подчеркнем, что Ерошин, как и его друг, директор совхоза Сечкин, тоже фронтовик, сражался в составе танкового батальона под Прохоровкой, трижды горел. Нет, не случайно авторы фильма выводят на экране фронтовиков, ветеранов тяжелейшей войны. Зритель чувствует, понимает, какой закаленный, могучий народ шел на битву за хлеб, освоение целины. Шел именно на битву, как на фронте, хотя теперь не рвались снаряды, не пикировали

ХЛЕБ ДОБЫВАЮТ ЛЮДИ

на экране тв

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА

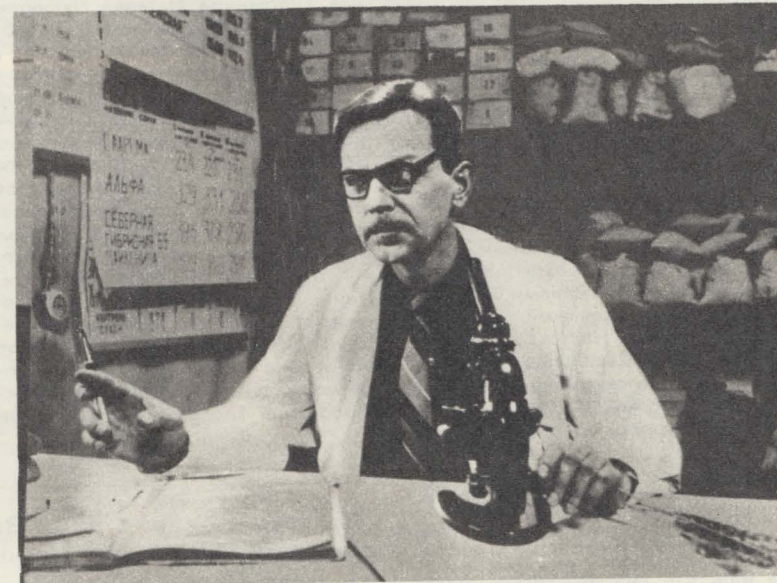

Сечкин — С. Шакуров, Сатаева — Н. Аринбасарова.

Ерошин (с п р а в а) — В. Рыжаков.

Игнатьев — Э. Романов.

вражеские бомбардировщики...

Рыжаков играет сдержанно. Секретарь райкома склонен поразмышлять, прежде чем действовать. Порыву он предпочитает осмотрительность. Но это не значит, что он инертен, излишне осторожен, — просто нельзя ему ошибаться. Он должен быть всегда уверен в своих решениях, ведь ему вести за собой людей.

И, наконец, директор института Игнатьев. В исполнении Э. Романова мы видим человека делового и высокообразованного. Ему более всего чужда фраза, демагогия. Его волнует будущее земли, и он заглядывает за пределы сиюминутной выгоды на десятилетия вперед. Так фильм о прошлом определяет будущее и устремляется к будущему.

Число действующих лиц фильма огромно. И это оправданно: кинотетралогия воспекает подвиг общенародный.

Именно подвиг. В своей книге «Целина» Леонид Ильич Брежнев вспоминает имена погибших первоцелинников Василия Рагузова и тракториста Даниила Нестеренко, Героя Советского Союза, который погиб, утонув при переправе через степную речку, скованную слабым льдом. В картину «Вкус хлеба» включен драматический момент гибели молодого добровольца, аспиранта Струнникова... Неохотно покорялась стихия человеку, встречала метелями и засухой, черными бурями, эрозией почвы. Фильм не настаивает на том, что герои имеют реальных прототипов, но отталкивались авторы эпопеи все-таки от реального опыта, от реальных человеческих судеб. Да и само название кинотетралогии взято из книги Федора Трофимовича Моргуна «Хлеб и люди». Сын полтавского крестьянина, Моргун одним из первых приехал на целину, взяв с собой черенок яблоньки — отцовское благословение. Он посадил этот черенок в голой казахской степи, принес сюда жизнь и опыт предшествующих поколений, он прикипал сердцем к новой земле своей. Моргун был назначен директором совхоза, который со временем стал одним из самых знаменитых на целине, и судьба этого первопроходца, конечно же, отразилась в образах основных героев фильма, как отразилась центральная мысль книги. «Пройдут годы, — сказано здесь, — возмужают будущие поколения, народ сложит новые песни и легенды. Но в памяти наших потомков наряду с грозными днями Октября, героическими буднями первых пятилеток, беспримерным всенародным мужеством в годы военных испытаний навсегда сохранится великий подвиг целинников».

Ю. ПЕТРОВ

ШУШЕНСКОЕ И ШУШЕНЦЫ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Г. РОЗОВА

Удивительное чувство испытываешь, подъезжая к Шушенскому. Кажется, ведь не первый раз здесь. Так отчетливо помнится и дом Зырянова и дом Петровой. Как свой, видится у окна стол под белой скатертью, на нем портрет Марии Александровны, листки, исписанные бисерным почерком. Видится керосиновая лампа с зеленым абажуром, привезенная Надеждой Константиновной... Все как будто бы врезалось в память до мелочей, навсегда...

Но вот перед тобой расстилается шоссе, зимой заметенное выюгами, а сейчас в щедром золоте необыкновенно теплой осени. Справа, где летом розовым снегом цвела гречиха, идет пар от свежеспаханной, пригретой октябрьским солнцем земли, слева — сосновый, совсем шишкинский бор. И ты ловишь себя на мысли: а ведь по этой самой дороге, которая была не такая гладкая и ровная, а ухабистая, в колдобинах, и которая сокрыта ныне под лентой асфальта, ехал Ленин. И останавливаешься. Стоишь долго у верстового столба на косогоре. Обдумываешь будто бы заново: «До Санкт-Петербурга 5924 версты». 6279, значит, километров. «В. И. Ленин, следуя в Сибирскую ссылку из Петербурга в Шушенское, находился в пути 81 день».

Окрест такая ширь, что дух захватывает. Блестит чистая как слеза Оя в зеленых берегах, синее Енисей со своими протоками. Раскинулись луга со стогами, черные под паром пашни до самых гор, стоящих зубчатой стеной где-то там, по краю. «...На них можно только глядеть, когда облака не закрывают их... точь-в-точь как из Женевы можно глядеть на Монблан», — писал Ленин.

И снова дорога. Полезащитные полосы, березовые рощи, необозримые поля — земля Шушенского района. Из десяти тысяч квадратных километров ее территории сельскохозяйственных угодий менее десяти процентов, а пашни и того меньше — всего пять с небольшим. Тут главным образом лесостепи, таежные и подтаежные сильно пересеченные местности Западного Саяна. Климат суровый, и хотя это юг края, Сибирь остается Сибирью: сорокаградусные зимы, жаркие, засушливые лета. Упоминания о них не раз встречаются в переписке Ульяновых с родными — «Жары стоят сугубые...» «Жары стоят сильные и несколько мешают охоте...» А в августе в уборочную страду не-

редко затяжное ненастье. Так было и в этом году: хоть плачь, хоть негодуй — целый месяц, до середины сентября, шли ливневые дожди. И все же — об этом с радостью узнаю часом позже в райкоме партии — район выполнил свои обязательства. Как раз при мне шла продажа хлеба государству сверх плана. Это первый трудовой рапорт шушенцев приближающемуся 110-летию со дня рождения Ильича. «Помогает, конечно, нам уборка по-ипатовски. Но самое главное, — говорил мне еще в прошлый раз первый секретарь райкома партии Алексей Андреевич Мухомад, — все наши хозяйства — пять совхозов и колхоз — достигли высокой культуры земледелия. Каждый год проходят в Красноярске переаттестацию и каждый раз подтверждают ее. Совхоз «Сибирь» устойчиво получает самые высокие в Восточной Сибири урожаи — довел уровень намолота зерновых до 27—31 центнера на круг. Если же говорить о направлении в развитии сельского хозяйства, то оно, как и у наших соседей, с начала десятилетия пятилетия специализируется на производстве молока и овощей, необходимых бурно растущим промышленным центрам Саянского территориально-производственного комплекса».

И в самом деле, дальнего, «из Европы», гостя в этих местах, если придет вовремя, непременно попотчуют «мурашом» — небольшим, но очень сладким тонкокожим арбузом с собственной бахчи, необыкновенно нежными и мясистыми помидорами, сладким перцем, а то и ранетками. Еще ведь Надежда Константиновна выращивала на грядках «всякую всячину» вроде дынь, помидоров, редиски, салата и укропа... А еще раньше декабрист Фаленберг разбил даже табачную плантацию...

Но вот и само Шушенское. На въезде оно открывается нарядными корпусами птицефабрики — она дает семьдесят с лишним миллионов яиц в год, а будет еще больше, когда построят ее вторую очередь, — и комплексом молочноконсервного комбината. Продукция их известна далеко за пределами Красноярья. Шушенская «сгущенка» идет и на экспорт.

Немного в стороне, в сосновом бору, островком светлеют корпуса совхоза-техникума, история которого теснейшим образом переплелась с дорогами именами В. И. Ленина и Н. К. Крупской, которые ему присвоены. Надежда Константиновна принимала самое деятельное участие в открытии в Шушенском техникума. В совхозе есть Ленинское поле, но о нем в свой час...

Неподалеку школа-интернат, поселок строителей, больничный городок, современный автовокзал — бетон и стекло. Но можно путнику причалить на «Ракете» и к пристани прекрасного речного вокзала или, что еще быстрее, приле-

теть из Красноярска самолетом... Много дорог ведет в Шушенское! Хожу по оживленным улицам. Пронесется «Жигули», «Волги» и «Москвичи», а из грузовиков — больше всего «КамАЗов». Заглядываю в магазины с открытой выкладкой товаров. Узнаю и не узнаю обновленные кварталы...

Возле фонтана появился Дом торговли, а за ним — Узел связи, наискосок — шестизатяжная гостиница «Турист» с рестораном и кинозалом, еще одна гостиница строится. Здесь ряд новых пятиэтажных домов и широкая улица, а была ведь несколько лет назад пустошь как будто. «Ленинской искре», местной газете, просто позавидуешь: у нее великолепнейший просторный корпус — целый Дом печати. Кроме того, строится вычислительный центр, новое здание школы искусств, крытый рынок...

Радуюсь всему новому, оценивая придирчиво и ревниво, будто это в твоём родном городе, принадлежит тебе. Так хочется, чтобы все было здесь наилучшим образом — потому что всему народу принадлежит Шуша!

Потому и нескончаем сюда людской поток. Как-то за два летних месяца — девяносто тысяч. Можно себе представить, что это такое, если все население поселка — семнадцать с половиной тысяч. Из Мемориального музея-заповедника экскурсанты идут к памятнику Ильичу, открытому в преддверии XXV съезда КПСС. Со временем здесь разрастется парк «Дружба», заложенный совсем недавно, в сентябре, участниками Всесоюзной творческой конференции писателей «С. Лениным, по ленинскому пути», посвященной 110-й годовщине со дня рождения Ильича. Шушенцы с понятной взволнованностью и теплотой готовятся к этой дате. Проводятся фестивали и семинары, комсомольцы выпускают устный журнал «В Шуше, у подножия Саяна». Фабрика сувениров, одно из самых молодых здесь предприятий, изделия которого — резьба, гравировка, чеканка, лаки пользуются все большим спросом, — любовно подготавлила памятную медаль. Молодая художница Наталья Чувицова разработала сувениры — резьба по дереву — «Песчаная горка» и «Шушенское».

У сотрудников музея-заповедника 1980-й год вообще особый — исполняется пятьдесят лет — полвека! — со дня его существования. И, конечно же, с чувством особой открытости и вдохновения везде трудятся люди: животноводы, мелиораторы, полеводы, строители, работники бытового обслуживания... Свои достижения приурочивают к этой знаменательной дате и ученые. Да, да, Шушенское не только культурный и историко-мемориальный центр. Здесь расположена географическая науч-

но-исследовательская станция и недавно созданные лаборатории государственного заповедника. Первая решает самые актуальные вопросы: например, не будут ли застаиваться в Хакасско-Минусинской котловине выбросы промышленных предприятий, которые здесь строятся, и как они повлияют на его флору и фауну. Благородную задачу охраны величественной, во многом еще девственной природы бесконечно дорогих, связанных с пребыванием Ленина мест, призван решать и заповедник — один из крупнейших в стране. Здесь немало животных и растений, занесенных в «Красную книгу». На всей его территории — Шушенский и Ермаковский районы вплоть до молодого моря, образованного плотинами Саяно-Шушенской ГЭС, — уже созданы кордоны.

Но вернемся к будущему парку «Дружбы», что в центре Шушенского...

Сейчас тут заканчивается строительство детской музыкальной школы. На очереди выставочный зал. Материалов для экспозиций тут более чем достаточно — в Шушенском живет заслуженный работник культуры РСФСР, а в прошлом простой рабочий, дробильщик Норильского горно-металлургического комбината Иван Варламович Рехлов, страстный собиратель произведений искусства, основатель Народной картинной галереи.

На первый взгляд в этом нет ничего особенного — в тысячах сел нашей страны созданы свои галереи, выставки и музеи. Проникновение искусства в гущу масс, в их повседневную жизнь мы воспринимаем сегодня как явление само собой разумеющееся. И все же в ряду подобных галерей и музеев Шушенская занимает особое место. Она неповторима своими коллекциями, масштабами просветительской работы, наконец, историей своего возникновения. В ее фондах более десяти тысяч высококачественных репродукций с картин русских художников и мастеров мирового изобразительного искусства, около пяти тысяч подлинных живописных полотен и графических листов советских художников, большое собрание книг по искусству.

Предмет особой гордости галереи — коллекция на ленинскую тему, а такая ее экспозиция, как «Ленин и ленинские места в Сибирь», — одна из самых обширных в стране.

Только за пять лет дирекция и Художественный совет Шушенской народной картинной галереи организовали и провели 402 выставки, которые посетило около миллиона человек из больших и малых городов и поселков Сибири и Дальнего Востока.

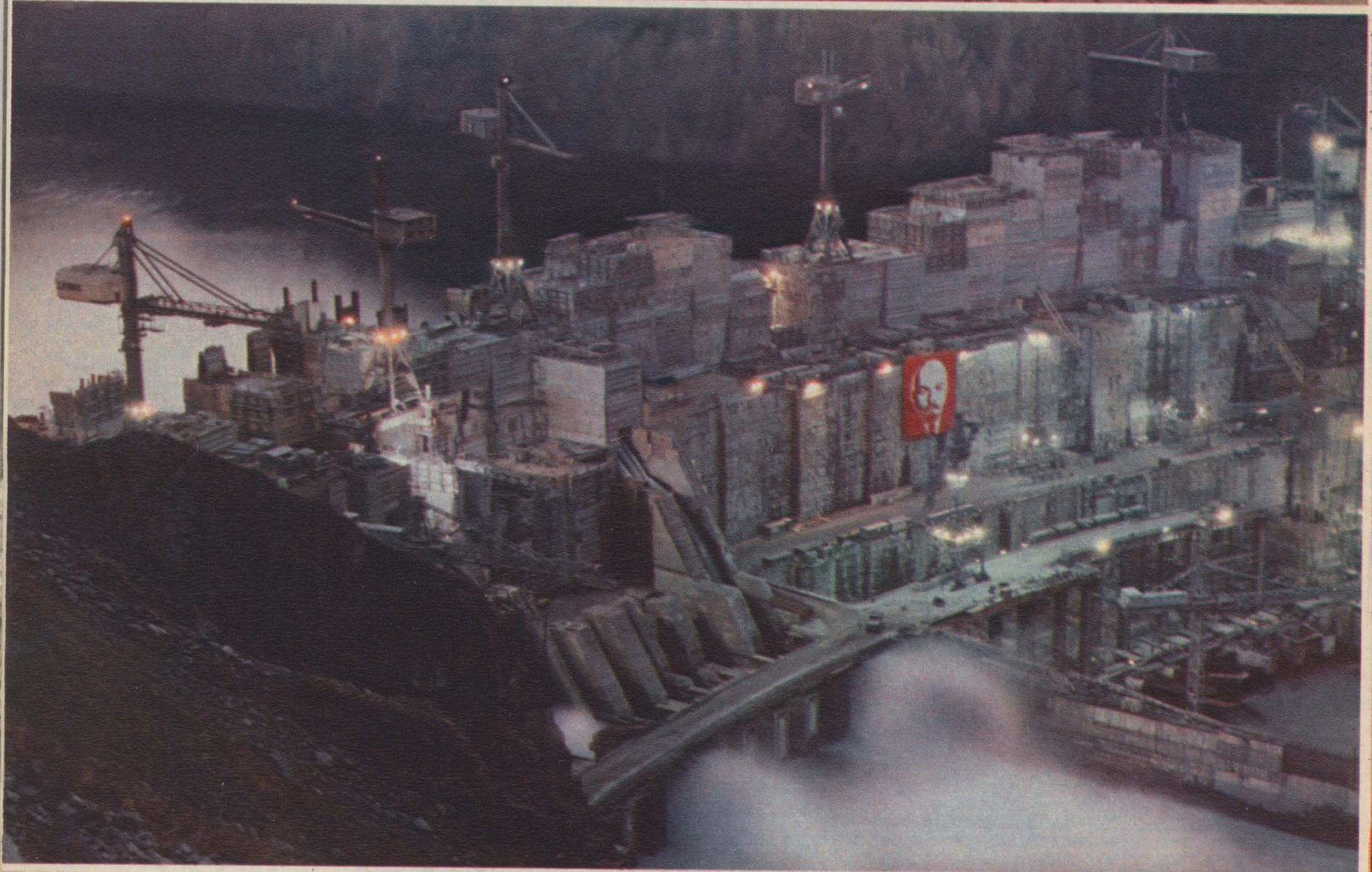
В создании экспозиций и лекций, посвященных В. И. Ленину, приняли личное участие такие выдающиеся советские живописцы и графики, как А. Герасимов,

За этим столом в доме Зырянова работал В. И. Ленин *
Комната Владимира Ильича и Надежды Константиновны
в доме Петровой.

П. Васильев, Н. Жуков, А. Лактионов, Д. Налбандян, многие политические и общественные деятели мира. Пополнения поступают из Парижа и Стокгольма, Сиднея и Вашингтона... Передвижные выставки из Шушенского едут во Францию, ГДР, Польшу, Монголию...

Навстречу мне по улице идет группа смешливых девушек. Каблучки. Сборчатые юбки с воланами и в складках. Модные прически. Ничем не отличишь от жительниц больших городов. Кто они? Старшеклассницы? Учащиеся ГПУ? Разрисовщицы фабрики сувениров? Закройщицы? А может быть, по-старому — птичницы, по-новому — операторы? Пристально вглядываюсь в их оживленные, счастливые лица. Местные или пришлые, приехали ли с родителями в Шушенское издалека — таких людей немало сейчас здесь... Ах, как бы мне хотелось найти среди них прямых внуков, может быть, правнуков тех, кто жил здесь тогда, восемьдесят лет назад, при Ленине!

— Найдете. Есть такие! — обнадёживает Мария Самсон, молодая сотрудница музея-заповедника.

Мы шли с ней старой сельской улицей, восстановленной в своей первоизданности. Мария обратила мое внимание на хозяйский двор среднезажиточного крестьянина. Конная молотилка. Вейлка. Стога. Бороны.

— А там вот жил безлошадный крестьянин. Бедняк. Видите, какая у него крохотная избушка? Сапожник. Кстати, шил охотничьи сапоги Владимиру Ильичу. Сын этого сапожника — известный в наших местах человек, Николай Васильевич Шпрунг. Он живет в Минусинске. Сможет многое вам рассказать.

— А вы, Мария, откуда?

— Родилась в Хакасии, в горах. А вот Вера Николаевна Потылицына, старший научный сотрудник, можно сказать, родственница тех самых Зыряновых и Петровых, у которых квартировал Ленин. Каким-то образом породнились их семьи. Вера пришла к нам сразу после школы. Сначала экскурсоводом. Потом окончила заочно истфак. Сейчас, к сожалению, ее нет. С агитпоездом ЦК ВЛКСМ «Молодогвардеец» уехала в Тюмень, читает там лекции. Но в совхозе-техникуме вы найдете прямых наследников. Зыряновы из деревни Корнилово, например. Нет, они не родственники Аполлона Долмановича, у которого жил Ленин. Однофамильцы. Тут много было Зыряновых. Корниловский Зырянов, вероятно, имеет отношение к Ленинскому полю. Знаете, это когда в двадцать втором году...

Весна 1922 года. Первая мирная весна Страны Советов. В костявых тисках разрухи и голода Поволжье. Умирают дети...

Вот какое решение принимают в те тяжкие дни шушенцы на своем сельском сходе, сами еще не оправившись от ран, нанесенных кулацкими бандами и колчаковцами:

«...Поздравляем Вас, глубокоуважаемый вожь Владимир Ильич, с днем Вашего рождения. От всего сердца желаем Вам долгие

годы жизни, успешной борьбы на благо трудящихся до полного их освобождения от гнета капитала.

Торжественное заседание просит Вас не отказать в принятии почетного членства Шушенской комячейки, сельсовета... Пролетарское заседание преподносит Вам, Владимир Ильич, именинный подарок в виде засева хлеба силами крестьян Шушенской вол. в количестве пятидесяти десятин, урожай которого будет адресован в пользу голодающих детей Поволжья».

Поле выбрали самое доброе, с ласковым именем Гладкое, неподалеку от деревни Корнилово, на землях, ныне принадлежащих совхозу-техникуму. Урожай был собран по тем временам отменный — чуть ли не сам-десять. Почти пять тысяч пудов пшеницы снарядили тогда шушенцы на станцию Сон красным обозом. Сами погрузили в вагоны и с надежным своим провожатым отправили на Самарщину. Столь велика была любовь их и благодарность вожьду революции, человеку, которого они знали, а кое-кто еще и помнил лично, столь горячо желание участвовать в общем деле строительства новой жизни.

Я спрашиваю у Валентины Ивановны Зыряновой, главного диспетчера совхоза-техникума (она коренная корниловская, и дед там жил, сейчас в избе, им построенной, живет отец).

— Ваш отец, Иван Васильевич, принимал участие в том засеве?

— Нет, мальчонкой еще был. Это наш дед, Василий Зырянов, принимал участие. Тогда вручную сеяли. Отец наш один из первых сел на трактор, еще на колесном работал, потом ему гусеничный дали. Теперь Николай, брат мой, на тракторе и комбайне работает.

— Лучший механизатор первого отделения, — добавляет секретарь парторганизации совхоза-техникума Григорий Гаврилович Бовкун. — Работа очень сложная. Суперэлит, элита. Мы выращиваем семена для всего Красноярского края. На том Ленинском поле комсомольцы поставили стелу и замуровали в ней капсулу с обращением к молодежи 2022 года — в тот год исполнится сто лет со дня первого посева. Только самым лучшим молодым механизаторам района доверят засеять это поле, снять с него урожай.

Сама Валентина Ивановна Зырянова — студентка-заочница сельскохозяйственного института.

Такие вот они, шушенцы третьего поколения, — работают, учатся, умножают дела дедов своих и отцов.

Николаю же Васильевичу Шпрунгу довелось быть не только свидетелем, но и участником еще одного знаменательного события в жизни Шушенского. Относится оно к 1924 году. Сын шушенского сапожника, члена комбеда, к тому времени уже имел солидный стаж работы по найму — пришлось ему заботиться о своем хлебе насущном с восьмью лет от роду. Семья была у отца огромная, шестнадцать детей. Николай рано вступил в комсомол, его избрали секретарем комсомольской ячейки, членом Ермаковского — тогда Шу-

шенское входило в Ермаковский район — РК ВЛКСМ. От той поры сохранился у него мандат. Уникальный этот рукописный документ датирован августом 1924 года, за № 92. Им подтверждалось: Шпрунг имеет право проводить общие собрания, информировать и инструктировать ячейки. Одновременно сельсоветам предлагалось «оказывать содействие в подаче однокопной подводы без оплаты прогонов».

А событие то произошло 30 июня 1924 года. Еще кровоточила, свежа была рана в сердце народа, потерявшего любимого вождя. Именно тогда представители шушенских товариществ по совместной обработке земли в знак памяти Ильича, верности его идее электрификации страны вынесли решение: «Признать необходимым организацию дела постройки турбинной установки на реке Шуше, как первый опыт коллективного строительства, имеющего целью развитие сельского хозяйства и улучшение культурных условий жизни крестьян».

Николай Васильевич очень хорошо помнит ту сходку и свои поездки «без оплаты прогонов» по селам для выполнения этого решения. По проекту, разработанному в губземотделе, мощность электростанции должна была составить всего двадцать киловатт, а высота плотины на Шуше два с половиной метра, в сто раз меньше, чем у ее гигантской именитой теперешней соседки. Макет ее есть в Минусинском краеведческом музее. Однако и этот очень скромный проект осуществить тогда не удалось — не было в стране ни такой турбины, ни медного провода, ни средств... Мечта шушенских крестьян сбылась без помощи Надежды Константиновны Крупской в конце тридцатых годов. Мощность станции была пятьдесят киловатт, и она стала первой сельской ГЭС во всей округе.

А сегодня в Шушенское вливается энергия и Саяно-Шушенской ГЭС, которая строится по заветам Ильича.

«Примечательно, что именно эта стройка дала новые примеры коммунистического отношения к труду», — сказал в обращении к ее участникам Л. И. Брежнев, имея в виду тесное сотрудничество сибиряков и ленинградцев. Как же приятно было на днях узнать, что указом Президиума Верховного Совета СССР удостоен высшей награды — ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» вожак комплексной бригады имени Юрия Гагарина Валерий Позняков. Четыре года назад он и бригадир слесарей-сборщиков Ленинградского металлического завода, Герой Социалистического Труда Владимир Чичеров от имени своих коллективов подписали договор на верную рабочую дружбу.

Сегодня, когда пишутся эти строки, готовится дать ток могучее «дитя» содружества — второй энергоблок Саяно-Шушенской ГЭС. На подходе — третий. Девиз и сибиряков и ленинградцев ныне — пятилетнее задание к 110-й годовщине со дня рождения Ильича!

Между прочим, Николай Васильевич Шпрунг к Саяно-Шушенской ГЭС, к ее самым первоначальным истокам тоже имеет если не прямое, то косвенное отношение. Его богатая, насыщенная кипучей дея-

тельностью биография комсомольского, а потом партийного работника складывалась так, что в 1928 году он был избран секретарем райкома комсомола Бейского района. К этому району относилась вся зона сооружения ГЭС. Тогда там работали экспедиции, изучали дебит Енисея и его дно, бурили скважины в районе Карлова ручья, Джойского и Кибикского логов. Изыскателям и геологам надо было оказывать помощь — снаряжать лодки, направлять комсомольцев. Бюро райкома слушало отчеты экспедиции о проделанной работе, решало, чем еще можно помочь.

В суровом 1943 году партия направила Шпрунга в Минусинск — надо было поднимать сельское хозяйство района, давать фронту больше хлеба, мяса, шерсти. Впоследствии ему будет присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Так, сам того не ведая — да и никто тогда еще не мог того предсказать, — он оказался в городе, которому десятилетия спустя предстояло перестраиваться на рельсы все той же энергетики, работать на энергетике, с которой так неожиданно уже в третий раз сталкивала его судьба.

Ветеран партии и труда, теперь уже персональный пенсионер, встречается с молодежью электротехнического комплекса, который создается в Минусинске. С гордостью обнаруживает в лабораториях и цехах заводов и на стройке своих земляков-шушенцев. Их тут уже немало. Заместитель секретаря комитета комсомола всего производственного объединения Николай Горев — из Шушенского. Его отец — шофер «Скорой помощи», мать — фельдшер. А сын вот стал конструктором Всесоюзного электротехнического института имени В. И. Ленина. Кто бы мог подумать, что в заштатный некогда городок придет большая наука!

Николай Васильевич живет совсем рядышком со знаменитым музеем Мартыанова, в котором не раз бывал Владимир Ильич Ленин во время своих наездов в «город-село», как он называл Минусинск. Здесь в библиотеке он брал книги. Анализируя экономику России, лежащей во тьме, он думал о будущем, о значении электричества не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Немного позднее он будет говорить об электрической революции.

Ныне в местах сибирской ссылки Ильича уже работает и продолжает строиться одна из крупнейших в мире гидроэнергостанций, создается комплекс электротехнических заводов, электричество прочно вошло в быт деревни, в практику сельскохозяйственного производства.

Создаются такие мощные узлы энергетики, как КАТЭК и Экибастуз. Вся Сибирь и Дальний Восток становятся электрическими. Единая энергосистема страны — это уже реальность.

И все пошло от той самой поры, когда допоздна светились окна пятистенного дома, что стоял поперек улицы глухого сибирского села. По словам Степана Щипачева:

Уж за полночь, окно бело от снега. А он все пишет, строчки торопая. Сквозь вьюги девятнадцатого века. Двадцатый век, он разглядел тебя.

Речной вокзал в Шушенском. * Растет плотина Саяно-Шушенской ГЭС * Во Дворце культуры в Черемушках репетиция...

У меня проверяют документы, отбирают репортерскую сумку, провожают до подъезда. Еще минута-другая — и вместе с хранителями бесценных кладовых долго спускаюсь по каменной лестнице. Здесь, в этих таинственных подземных переходах, кажется, что время остановилось. Здесь забываешь, что там, наверху, за десятком метров земной тверди светит солнце, шелестит трава, поют птицы. А в этих глухих холодных помещениях-боксах замерла жизнь. Со скрипом открываются массивные чугунные двери комнат-сейфов. Нет, это не хранилища государственного банка, не запасы крупнейшего музея. Здесь хранится сама История...

— И самые драгоценные ее минуты, — говорит директор Центрального Государственного архива кинофотодокументов Опп Николаевич Тягунов, как бы взвешивая на ладони ролик с лентой, — спрессованы здесь, в этих десятках метров пленки, которые запечатлели первый день Советского государства. Представьте себе Дворцовую площадь, еще не разобраны баррикады...

Так началось знакомство с одним из крупнейших архивных учреждений нашей страны, созданным после правительственного декрета от 1 июня 1918 года о реорганизации и централизации архивного дела.

Широко известны слова В. И. Ленина, сказанные им в беседе с А. В. Луначарским о том, что производство новых фильмов, проникнутых коммунистическими идеями, отражающими советскую действительность, надо начинать с хроники. И вот сегодня, спустя десятки лет от начала новой эры человечества, все основные ее события бережно сохраняются в действительно бесценных кладовых ЦГАКФД: миллионы метров пленки как бы навечно остановившейся истории Советского государства, сотни тысяч фотографий, запечатлевших самые значительные и самые уникальные ее события.

В общем, если и мечтали фантасты и писатели о машине времени, то она существует именно здесь, в этом небольшом кинозальчике подмосковного архива. Правда, сотрудники «Огонька» попросили включить эту «машину времени» в своем, более просторном зале. И пригласили работников Центрального архива кинофотодокументов на очередное заседание творческого клуба.

Работники архива привезли уникальные пленки, которые они редко извлекают из своих анналов, например, целый фильм, посвященный выдающейся русской балерине Анне Павловой. Или кадры, на которых запечатлен отважный Георгий Седов, отправляющийся во главе экспедиции на Северный полюс. Перед собравшимися открылась Москва начала века, прошли Константин Циолковский, Федор Шляпин, Владимир Маяковский...

М. И. Калинин во время пребывания на Восточном фронте. 1919 год.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Ю. А. Гагарин на пресс-конференции для участников II Московского международного кинофестиваля.

Фотографии из Государственного архива кинофотодокументов.

Особое волнение вызвал ролик, посвященный В. И. Ленину. Конечно, многое уже знакомо по фотографиям, по кинохронике, но сразу увидеть все кадры, запечатлевшие вождя революции, — редкий случай. А старший археограф архива Инна Михайловна Фурманова рассказала еще об удивительном факте, напоминающем историю детективного поиска.

— Не так много было съемок Владимира Ильича Ленина — всего тринадцать, но тем не менее даже в этих кинодокументах нам удалось сделать своего рода открытие. Среди нескольких сюжетов, снятых при жизни Ленина, есть один, который всем хорошо

известен: В. И. Ленин выступает с балкона Моссовета перед бойцами, отправляющимися на фронт. Во всяком случае, так эта съемка называлась некоторое время назад.

Наши сотрудники, сопоставляя время и место съемки, пришли к выводу, что это не совсем точно. Да, Ленин выступает с речью с балкона Моссовета, но только не перед бойцами, уходящими сражаться за молодую республику, а в день памяти злодейски убитых немецких революционеров Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Что явилось причиной сомнений?

Тут следует заметить, что рань-

ше очень часто пленки поступали в архивы без сопроводительных документов, не имели титров, в которых могли быть зафиксированы место и дата съемки, а также кого она изображает. Поэтому многие датировки устанавливались произвольно, ошибочно. Так случилось и с данной съемкой В. И. Ленина. Операторы добросовестно сняли траурный митинг, который собрал тогда чуть ли не пол-Москвы. Этот сюжет вошел в первый советский киножурнал, называвшийся «Кинонеделя». Впоследствии режиссеры, не имея возможности копировать с оригиналов кадры, просто вырезали нужные им моменты и использовали их в новых лентах по совершенно другому поводу.

Но наши сотрудники обратили внимание на одну деталь — снег, который лежал на крышах противоположных Моссовету зданий. Снег в октябре 1918 года? Решили обратиться в Институт метеорологии, где незамедлительно дали справку: в этот день снега в Москве не было. Следовательно, это никак не кадры выступления Ильича перед бойцами, отправляющимися на фронт. Теперь во всех печатных источниках, в хронике зафиксировано точное название знаменательных кадров.

Большое значение для истории имеют и фотодокументы, их сохранность, их централизация. О коллекциях фотомастеров рассказывает заведующий отделом комплектования ЦГАКФД Михаил Борисович Зак:

— Кто не слышал имени фотомастера Петра Адольфовича Оцуца! Имя его получило большую известность благодаря созданию исторической фотолетописи семнадцатого года, летописи гражданской войны, фотографической Ленинианы. В. И. Ленин, читающий газету «Правда». Эта фотография знакома нам с детства. И таких ленинских кадров у Оцуца тридцать пять.

Часть архива выдающегося мастера попала к нам в архив. Среди работ есть одна, ставшая хрестоматийной, — группа красногвардейцев во дворе Смольного. Известно имя одного из них — Николай Рябов, впоследствии он стал генералом Советской Армии. Объектив Оцуца оставил нам образы Свердлова, Калинина, Дзержинского, Цюрупы, Ворошилова, Фрунзе, Котовского, Пархоменко, Горького, Луначарского, Барбюса.

Попал к нам и фотоархив другого крупного мастера, Николая Ивановича Свищова-Паоло, до глубокой старости увлеченного своим любимым делом.

Огоньковцы слышали рассказ о многомесячной работе в архиве группы режиссеров во главе с Романом Карменом, которые делали двадцатисерийный фильм «Великая Отечественная». Его авторами были просмотрены почти все кадры военных лет. И часть того успеха, который выпал на долю этого фильма у кино- и телезрителей, можно адресовать сотрудникам архива. Некоторые из этих кадров — блокадный Ленинград, бой под Москвой, водружение знамени Победы над рейхстагом, нюрнбергский эпилог — точно вернули нас на десятки лет назад...

...Отдернуты шторы зала, в окна брызнул яркий солнечный свет. Путешествие в прошлое на машине времени завершилось.

Феликс МЕДВЕДЕВ

ВЛЮБЛЕННЫЙ В ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО

М. МИНОКИН,
доктор филологических наук

Хорошо ли знаем мы, люди последней трети XX века, жизнь и книги замечательного русского советского писателя, одного из тех, кто стоял у истоков новой литературы, — Всеволода Иванова? Быть может, триумфально промчавшийся сквозь годы героического «Бронепоезд 14-69», как в фокус, собрал читательское и зрительское внимание, и как-то в тени остались многие романы, повести одного из самых талантливых учеников Горького.

И вот теперь, когда завершено издание восьмитомного собрания сочинений В.С. Иванова, мы можем заново окинуть взглядом его путь и во многом по-новому, по-настоящему оценить место в советской литературе этого писателя.

Он пришел в большую советскую литературу в начале двадцатых годов и сразу заявил о себе очень самобытно. «Новый Горький» — так его тогда встретили проницательные критики. «Партизаны», «Бронепоезд 14-69», «Цветные ветра», «Голубые пески», «Возвращение Будды», «Седьмой берег» — эти книги поставили В.С. Иванова в один ряд с Фурмановым, Леоновым, Фединым, Сейфуллиной, Лавреневым... Повесть «Бронепоезд 14-69» только в течение первого десятилетия выдержала пятнадцать изданий, а пьеса того же названия была поставлена почти всеми театрами Советского Союза. Пока рапповские критики ломали головы над схоластическим вопросом: «правый» или «левый» попутчик В.С. Иванов, можно ли его зачислить в разряд крестьянских писателей или отнести к буржуазному крылу? — читатель уже сумел оценить революционное содержание его произведений. Он воспринял книги вчерашнего рабочего типографии и красногвардейца как поэтические гимны революции и интернациональной солидарности людей труда. Вот почему «Бронепоезд 14-69» заговорил более чем на двадцати иностранных языках, в том числе на немецком, французском, английском, итальянском, японском, китайском, болгарском, чешском, венгерском. На произведения В.С. Иванова откликнулись Ромен Роллан, Теодор Драйзер, Андерсен-Нексе, Анна Зегерс, Юлиус Фучик, Луи Арагон...

«Бронепоезд 14-69», давший первый победный салют на прославленной сцене Художественного театра, затем прогремел на театральных рельсах Ленинграда, Харькова, Минска, Парижа, Праги, Сиднея. В то время как популярность писателя росла, вульгарная критика делала все воз-

можное, чтобы умалить значение «Партизанских повестей», приписывая их автору преклонение перед анархией и воспевание жестокости. Так была брошена тень даже на лучшую повесть партизанского цикла — «Бронепоезд», увидевшую свет раньше «Чапаева», «Разгрома», «Донских рассказов». И несколько раз В.С. Иванов вынужден был переделывать повесть, равно как и «Цветные ветра».

Вот почему можно с удовлетворением отметить, что в первом томе собрания сочинений в первоначальном виде напечатаны и «Бронепоезд», и «Цветные ветра», и «Партизаны». Произошло то, что часто случается у реставраторов древней живописи: под снятым слоем поздней записи засверкали краски подлинного искусства. Теперь читатель «Партизанских повестей» видит работу мастера во всей ее полноте. В то же время в партизанской трилогии нашлось место четко очерченным характерам Никиты Вершинина и Васьки Окорока, Кубди и Селезнева, Никитина и Калистрата. На этой добротной основе и возникла драма «Бронепоезд», поставленная К.С. Станиславским к 10-й годовщине Великого Октября. Нет слов, писатель создал классическую пьесу, однако она не «отменила» ранней оригинальной повести, как это пытаются доказать некоторые критики даже в наши дни.

Если мы говорим: современному читателю возвращен первый вариант повести «Бронепоезд», то у нас еще больше оснований сказать то же самое о романе «Голубые пески», который после своего рождения в 1923 году никогда в первоначальном виде не переиздавался и о котором Горький в свое время сказал: «Эта книга, несколько растянутая, дает очень яркую и широкую картину гражданской войны и Сибири...»

В новом собрании сочинений любознательный читатель откроет для себя и В.С. Иванова-рассказчика (только во втором и третьем томах разместились около шестидесяти рассказов, написанных в 20-х и 30-х годах). Жанр рассказа, жанр короткой повести были для писателя главными формами, в которые отливались его богатые наблюдения и впечатления. Ранние рассказы объединялись в свое время в сборники «Рогульки» и «Седьмой берег», большинство по тематике примыкает к «Партизанским повестям» и «Голубым пескам», некоторые из них в переработанном виде превратились в отдельные эпизоды этих произведений. С крупными вещами их особенно роднят темы революционного гуманизма и пафос интернациональной солидарности. «Амулет», «Подкова», «Лога», «Киргиз Темербей» — эти и другие рассказы населены русскими и украинцами, казахами и монголами, китайцами и корейцами, чехами и мадярами. Все эти новеллы выдержаны в романтическом ключе, пленяют поэтической экзотикой: стилистика их орнаментальна, фраза ритмична, эпос чудесно переплетается с лирикой, словарь до предела насыщен метафорами.

Путь В.С. Иванова не был ровен, не все время вел в гору. Случались заминки, даже срывы, но это не были формалистические заблуждения, как частенько утверждали критики. Писатель любил экспериментировать, и порою его постигали неудачи, что он тяжело

переживал. Так, в первой половине 30-х годов он не завершил работу над романами «Кремль», «У» и «Похождения факира». Собственно говоря, последний роман начат был хорошо, его первую книгу похвалил Горький, но последующие части романа оказались слабее, и в этом признался сам автор и оставил работу над книгой. Вскоре он приступил к новому значительному произведению — «Пархоменко». К «Похождениям факира» В.С. Иванов вернулся через двадцать лет. Странно, что критики, с таким пафосом нападавшие на первые книги романа, не удостоили вниманием новый, полностью заверченный вариант произведения.

Жаль, что «Похождения факира» до сего времени не вышли у нас отдельным изданием. А ведь современной молодежи в особенности будет интересно прочитать эту умную книгу, как говорил Горький, о воспитательном значении «трудной жизни», о скитаниях, ошибках, открытиях молодого человека в предреволюционное время.

Великую Отечественную войну В.С. Иванов встретил с таким надежным оружием, как «Бронепоезд» и другие партизанские повести, «Пархоменко». Его книги читались в тылу и на фронте, фильм «Александр Пархоменко» за годы войны обошел все отечественные экраны. Когда писатель посещал части действующей армии, его там встречали как автора подлинно народных книг. Вместе с нашими войсками В.С. Иванов прошел Белоруссию, Польшу, часть Германии, он находился в Берлине, когда там еще гремели ожесточенные бои. После войны он в качестве корреспондента присутствовал на Нюрнбергском процессе над фашистскими главарями, рассказывал о нем миллионам читателей газеты «Известия», примерно в это же время он пишет роман «При взятии Берлина», продолжая свою постоянную работу над героической темой.

Второй тематической линией в творчестве В.С. Иванова следует признать философско-романтическую. Она зародилась еще в сибирский период, в дни создания «Алтайских сказок», позднее условно-романтическая манера находит выражение в романах «Похождения факира» и «У», еще позднее, после войны, — в романах «Вулкан» и «Эдесская святая», а также в цикле фантастических повестей (они впервые под одной обложкой собраны в пятом томе).

В цикл входят «Сокол», «Медная лампа», «Сизиф, сын Эола», «Агасфер», «Пасмурный лист», «Опаловая лента» и неоконченные «Сокровища Александра Македонского». Во всех этих повестях и новеллах разрабатываются «вечные» темы счастья, любви, смысла жизни, страданий и жажды познания. Восходят они к разным источникам: одни к мифам, другие к восточным легендам, третьи к литературным памятникам, в частности к «Тысяче и одной ночи» и «Декамерону». В годы напряженной работы над новеллами, в которые писатель вложил свой большой поэтический опыт и жизненную мудрость, он оставил в дневнике запись: «Нужно отбросить

все лишнее... Нужно оставить чувства, страсти, столкновения... Нужно создать романтизм... надо искусство проповедническое и значительное романтическое». Этой мыслью он и руководствовался, создавая свои философские повести, хотя в 40—50-х годах они выглядели необычно. В.С. Иванов ведет нас в прошлое, проводит через разные эпохи, знакомит с самыми различными цивилизациями Запада и Востока. Погружаясь в давние исторические миры, он становится с мыслителями и поэтами, политиками и полководцами, авантюристами и странниками, переосмысливает как подлинные факты истории, так и мифологические сюжеты, легендарные события и литературные образы, — примером подобной модификации может служить миф о Сизифе или бродячий сюжет об Агасфере. Но наполнены они большим оптимистическим содержанием, подлинно гуманистическим пафосом.

На протяжении всего творческого пути В.С. Иванова привлекала тема творческого труда, образ человека-творца. В 20-х годах на эту тему появились рассказ «Хозяин» и повесть «Хабу», в следующем десятилетии — роман «Путешествие в страну, которой еще нет» и пьеса «Поле и дорога», в 40—50-х годах — «Пасмурный лист» и «Матвей Ковалев». Лебединой песней писателя стала повесть «Хмель, или Навстречу осенним птицам», опубликованная незадолго до его смерти. Если в «Хабу» В.С. Иванов просто фантазировал о строительстве железной дороги в Сибири, то в «Хмеле» он уверенно заявил, что дорога необходима, и она будет вскоре построена. Лет через десять в тех краях началось строительство Байкало-Амурской магистрали!

Незадолго до смерти Всеволод Иванов записал: «Мне 68 лет. Первые свои статьи и стихи я стал писать с 1913 года, то есть пятьдесят лет тому назад. Шесть лет спустя я выпустил свою первую книгу рассказов «Рогульки», два года спустя я был уже в Петрограде, и там издательство «Космист» напечатало мою повесть «Партизаны». С той поры я много выпустил книг. Я пишу их историю потому, что они имеют огромную ценность (то есть я думаю, что имеют — втайне думаю — но я, по-видимому, ошибаюсь, ошибаюсь и поэтому предпочитаю об этом не говорить, да и что толку?).

Чему бы я хотел научить молодых авторов? Упорству. Я не думаю, что любви к искусству нужно учить, любовь есть любовь, ее нужно добиваться.

И хотя жаль, что не вошли в восьмитомник пьесы В.С. Иванова, заверченный вариант «Похождения факира» и роман «При взятии Берлина», хотя оставляют желать лучшего комментарии ко многим произведениям, это собрание сочинений значительно обогащает наше представление о художественном наследии В.С. Иванова.

ЦЕЛЬ

Считанные годы остались до начала третьего тысячелетия. Каким тогда будет окружающий нас сегодня мир? Какие сюрпризы готовит человеку природа? Как изменится наша жизнь: в каких домах мы будем жить, чем питаться, что носить, на чем ездить? Как и чему будем учиться? Какой пользоваться связью? Как будем трудиться и отдыхать? Что ждет нашу планету? И еще множество подобных вопросов волнует нас.

За ответами мы решили обратиться к видным советским ученым. Их выступления будут печататься под новой рубрикой — «ЭТЮДЫ О БУДУЩЕМ». Начинаем ее с разговора о человеке будущего. Сегодняшний наш собеседник — действительный член Академии медицинских наук СССР лауреат Государственной премии СССР В. В. КУПРИАНОВ.

Конечно, цель всего творенья — мы,
Источник знания и прозренья — мы...

Омар Хайям.

— Василий Васильевич, вам нравится, как устроен современный человек?

— Конечно. Он красив, у него элегантный вид, ибо ходит он на двух ногах. Правда, за эту элегантность человек расплачивается несовершенством кровообращения: мозг расположен выше сердца, и его снабжение кровью происходит не совсем так, как хотелось бы.

— Значит, недостатки у человеческого организма все-таки есть. Некоторые его органы могли бы быть и получше. Диапазон звуков, которые мы улавливаем на слух, очень ограничен. Ультразвук, например, в отличие от дельфинов мы совершенно не воспринимаем. Мы неспособны, как комар, ощущать магнитное поле. Наше обоняние не идет ни в какое сравнение с обонянием собаки и так далее. Может быть, в будущем все же удастся «улучшить человека», как утверждают некоторые специалисты?

— Действительно, отдельные органы и системы человека далеки от идеала. Но в своей совокупности они представляют собой создание весьма совершенное. И не забывайте, что подчиняются они деятельности такого могучего органа, как наш мозг, — ничего более ценного природе создать не удалось. Но главное здесь, наверное, то, что мы пока очень робко подступаем к использованию возможностей нашего организма, его интеллекта. А резервы эти поистине безграничны. Думаю, когда-нибудь мы научимся ими пользоваться.

— В мире есть немало ученых, которые считают, что эволюция человека еще не закончена и что ему предстоит еще измениться и развиваться. Предсказывают, например, резкое

уменьшение нижней челюсти, сокращение числа зубов до двух десятков, ногам предвещают значительное уменьшение.

— Видите ли, надо четко разделять два понятия: эволюцию человека как вида и изменение человека как личности. Физические, анатомические показатели личности могут меняться в очень широких пределах. Ослепшие люди, как известно, приобретают обостренные обоняние и осязание. Безрукие обладают развитой мускулатурой пальцев ног. А возьмите атлетическую гимнастику. Путем жестоких тренировок можно так развить свое тело, что оно превратится буквально в нагромождение мышц. И наоборот, человек, всю жизнь считавший, что работать мышцами ниже его достоинства, может довести себя до дистрофического состояния. Но, заметьте, дети и того и другого появятся на свет совершенно нормальными, на них никак не скажутся физические данные их родителей.

Древние перуанцы моделировали свои головы — головку новорожденного зажимали между двух дощечек. В результате получался так называемый акроцефалический череп — в виде башни. Уверяли, что это приближает человека к богу. А в раскопках на территории Крыма найдены черепа седловидные. Или вспомните средневековый китайский обычай — заковывать стопы женщин в колодки, чтобы ноги остались маленькими. Но все эти усилия никак не могли повлиять на генетический аппарат. Каждое новое поколение возвращалось к точке отсчета, отмеченной природой.

Изменения вида происходят чрезвычайно медленно. С тех пор, как человек поднялся с четверенек, каких-то заметных изменений в строении его тела не произошло. Думаю, не следует их ожидать и в будущем.

— Один немецкий ученый подсчитал, что в теле человека существует более ста рудиментарных органов, обреченных на умирание. В самом деле, зачем нам мышцы ушной раковины, волосы на теле?

— Я думаю, что природа все-таки пока мудрее нас. И сколько человек ни пытался вмешиваться в ее дела, всегда это выходило ему боком.

Взять хотя бы аппендикс. Долгое время большинство врачей были убеждены, что он не только не нужен, но даже опасен. В ряде стран даже появился закон, обязывающий удалять его чуть ли не всем подряд. Но вот последние исследования показали, что этот «вредный» отросточек так же необходим организму, как селезенка или лимфатические узлы, что он повышает наш иммунитет. То же самое можно сказать и о миндалинах.

Я совершенно убежден, что в человеческом организме нет ничего ненужного, все в нем взаимосвязано. Другое дело — мы пока не всегда понимаем значение этих связей. Когда-нибудь поймем.

— Уже сегодня у многих вызывает опасение, что в теле человека нередко обнаруживаются такие химические элементы, как стронций, кадмий и другие, совершенно несовместимые с его природой и, конечно, наносящие ему вред. Это результат все более интенсивной промышленной деятельности. В будущем она станет значительно больше. Не грозит ли это человеку «химизацией», которая повлечет за собой видоизменение его?

— Мы пока точно не знаем, какое действие окажет на организм отложение тех или иных микроэлементов. Но, конечно, если мы допустим, что они смогут изменить наш генетический аппарат, это будет величайшим преступлением человека против человека.

Я верю в разум человека, в его способность предотвратить отравление планеты. Наша Кон-

ституция впервые в истории человечества законодательно установила меры для сохранения здоровых условий будущим поколениям людей. Наверняка и другие страны последуют этому гуманному примеру.

— Период существования на Земле рода homo sapiens вмещает в себя примерно полторы тысячи людских поколений. Но вся цивилизация, которая нас окружает, — метро, самолеты, лазеры, атомные и прочие станции, телевидение — появилась при жизни одного поколения, нашего. Мы люди совершенно иного мира, иной эпохи. Интеллектуальное, психическое, эмоциональное напряжение у нас совсем другое, неизмеримо выше, чем в прошлом даже веке. Наверное, в человеке эти факторы должны вызвать какие-то существенные изменения?

— Согласен, техническая революция предъявляет человеку совершенно новые требования. Сегодня он постоянно пребывает в условиях эмоционального напряжения. А в недалеком будущем характер его труда приведет к тому, что он постоянно будет в состоянии интеллектуального напряжения.

Сегодня у некоторых из нас отмечаются рассогласования различных функций организма. Чаще всего не справляется сердечно-сосудистая система. Но справедливости ради надо сказать, что виновата в этом не только она сама, а и нервная система. Это наш мозг не готов к восприятию возросших нагрузок. Значит, изменения, перестройка должны будут происходить не в самой кровеносной системе, а в тех участках мозга, которые отвечают за ее работу.

У нашего поколения резко возросло число так называемых болезней цивилизации: инфарктов, гипертоний, атеросклерозов и тому подобного. Это неудивительно — сравните физические нагрузки человека прошлого и нашего современника. А ведь природа создавала человека в расчете на то, что он всю жизнь будет двигаться. Вот природа и мстит ему: за комфорт, за удобства он расплачивается...

— А что же в будущем, когда наша жизнь достигнет полной кибернетизации?

— Сейчас начали создавать такие приспособления, которые вынуждают работать мышцы человека, мало двигающегося по роду своей деятельности. Например, оператору ЭВМ, чтобы нажать на кнопку, придется с силой надавить на рычаг. Возможно, в будущем такое направление и сохранится, но я уверен, что управление собственным физическим развитием человек способен взять в свои руки. Старая мудрость «Жизнь — это движение» станет одним из законов его существования.

Посмотрите, сегодня мы уже не можем обойтись без утреннего умывания, чистки зубов, без ежедневного душа. А ведь это вошло в привычку человека сравнительно недавно. Точно так же человек будущего не сможет обходиться без ежедневной гимнастики, спортивных игр, туризма, длительных прогулок...

— В последнее время много пишут и говорят об акселерации, причину которой специалисты видят и в перемешивании различных этнических групп населения, и в увеличении потребления белковой пищи, и в урбанизации. Появились предсказания, что к концу третьего тысячелетия средний рост женщин достигнет двух метров сорока сантиметров, а мужчин и того больше. Может быть, акселерацию стоит считать признаком ускорившейся эволюции?

— В самом деле, статистика показывает, что за полвека школьник в европейской части нашей страны стал выше в среднем на пятнадцать сантиметров. Что же будет дальше? На совсем недавней всесоюзной научной конференции по проблемам, связанным с человеком, в нескольких докладах прозвучало сооб-

ВСЕГО ВОРОНЕЖЬ...

ЭТЮДЫ
о будущем

шение о том, что темпы акселерации и у нас в стране и за рубежом резко снизились. Это как раз согласуется с теорией, которую выдвинул мой коллега профессор Б. А. Никитюк.

Есть в физиологии такая закономерность: слабое раздражение возбуждает биологическую деятельность, среднее усиливает, а сильное уже тормозит ее. То экологическое неравновесие между человеком и окружающей средой, которое возникло несколько десятилетий назад, вызвало ускоренное физическое развитие. Оно достигло апогея где-то в 50—60-е годы. Сегодня наш организм как бы свихнулся с этим неравновесием, чрезмерное возбуждение уже не действует на него.

Эта идея мне кажется убедительной. Так что, думаю, нам не придется в скором будущем перестраивать детские сады, ясли и школы из-за того, что они не соответствуют росту наших детей. Пик акселерации уже миновал, и, видимо, люди XXI, XXII и даже XXX веков вряд ли будут заметно отличаться от нас по росту и по весу.

Несколько лет назад мир был потрясен сообщением о том, что начаты опыты по выращиванию человеческого зародыша в пробирке. Появится ли в будущем необходимость создания детей в искусственных условиях?

Эти опыты находятся в самом зачаточном состоянии. Вполне возможно, что в недалеком будущем удастся производить оплодотворение яйцеклетки в пробирке и пересадку зародыша в утробу матери. Скорее всего, это не повредит ее здоровью. Тогда, я думаю, человечество не пойдет дальше отдельных операций лишь в тех случаях, когда муж или жена неспособны к зачатию. Есть, правда, предположение, что в будущем станет возможным создание хранилищ мужских и женских половых клеток, взятых от идеальных (здоровых, красивых) людей, а потом путем различных комбинаций будут воспроизводиться идеальные дети. Это так называемая человеческая инженерия.

Но надо сказать, что популяции обречены на вырождение, если слишком узок их круг. История уже знает примеры подобного вырождения — на его грани одно время находились царствующие семьи в Европе, в которых было принято браки заключать только между собой.

Как бы ни были велики успехи человеческой инженерии, уверен, что «человек из пробирки» не станет самоцелью общества.

Представители евгеники утверждают, что наши потомки научатся создавать людей с нужными качествами, что станет возможным «проектирование» математиков, поэтов, музыкантов в тех пропорциях, которые будут необходимы обществу...

Да, идея здесь в том, что человек будущего якобы не захочет мириться со случайностями природы. Не знаю, не уверен в этом. Мне лично кажется, что в случайности есть своя прелесть. Человек прекрасен своей неповторимостью. Запрограммированное же производство людей напоминает мне выведение цыплят в инкубаторе. В научной фантастике описаны лаборатории, где эмбрион подвергают действию необходимых веществ, чтобы развивался человек с нужными свойствами. С какими же? Это люди не очень умные, покладистые, неспособные увлекаться прекрасным — словом, добротные исполнители чужой воли. Такие и нужны хозяевам предприятий, чтобы легче было ими командовать. Кстати, не такая уж это и фантастика. На Западе уже существуют подобные проекты, их осуществление находится под строгим сек-

ретом. Их авторы с точки зрения морали не далеко ушли от гитлеровцев с их изуверскими опытами над пленными, которых они пытались превращать в послушных роботов.

— Сегодня освоение космоса во многом сдерживается неприспособленностью человеческого организма к жизни в невесомости. Но уже есть проекты космических поселений. Наверняка человеку придется каким-то образом «подгонять» либо свой организм под космическую среду, либо наоборот.

— Скорее все-таки наоборот. Мне кажется, человек начнет строить в космосе города не раньше, чем сумеет создать там условия, близкие к земным, то есть искусственную гравитацию и атмосферу. Иначе люди просто разбежнутся оттуда. Человек всеми силами будет стремиться воссоздать там картину родной планеты: ее краски, ее запахи, ее звуки. Все это заложено в нем настолько глубоко, что длительное пребывание в иной обстановке неминуемо скажется на его психике.

— Как известно, моря и океаны хранят огромные богатства, недоступные пока человеку: редкие металлы, нефть, пищевые продукты, которых человечеству уже сейчас не хватает. Несомненно, в будущем начнется освоение морских глубин, создание подводных городов, заводов. Жак-Ив Кусто как-то высказал мысль, что жить в таких городах будут люди с искусственными жабрами, а чтобы противодействовать глубинному давлению, им придется удалить легкие и в кровеносную систему вводить специальный патрон, который поставит бы в кровь кислород. Это напоминает уже некоего киборга — сплав человека и машины.

— Уверен, что люди не пойдут таким путем. Да, земная жизнь зародилась в воде. Возможно, когда-нибудь люди, незначительная их часть, туда и вернутся, то есть поселятся на дне моря. Но это не значит, что они заменят такой совершенный дыхательный орган, как легкие, на менее совершенный — жабры. Это было бы потерей для человека. Тюлени и моржи, млекопитающие, долгое время жившие на суше и вернувшиеся потом в море, обладая легкими, сумели приспособиться к жизни под водой: они очень экономно расходуют кислород.

Думаю, человек обойдется без этого. К нему на помощь придет техника: удобные аппараты искусственного дыхания, специальные костюмы против кессонной болезни и так далее.

— Каким же все-таки вы представляете себе человека будущего?

— Позвольте прежде небольшое отступление. Антропология определяет в развитии человека два скачка. Первый — это его выделение из мира животных и переход к производству орудий труда. Образовался человек умелый — гомо габилис. Он был скорее человекообразным животным, чем животноеобразным человеком.

Второй скачок привел к появлению гомо сапиенса, человека мыслящего, осознающего себя и свое положение.

Недавно я выдвинул гипотезу о неизбежности третьего скачка, в результате которого сформируется новый тип человека. Оставим за ним название гомо сапиентиссимум — человек мудрейший. Он образуется не как результат изменений в строении тела, — правда, хочется верить, что он будет красивее и здоровее нас. Главные изменения произойдут в его мозгу.

— Мозг не сильно увеличится в объеме, как предсказывают некоторые специалисты?

— Думаю, что в ближайшее тысячелетие этого ожидать не стоит. Сто тысяч лет назад объем мозга у человека составлял 1450 кубических сантиметров, у нас его объем почти такой же или даже меньше, примерно на

100 кубических сантиметров. Это уменьшение вызвано преобразованиями центров ассоциации мозга. Можно только предполагать, что в будущем увеличатся лобные доли, с которыми, как известно, связана интеллектуальная и общественная деятельность. Но какие именно структурные изменения произойдут в мозгу человека, с достоверностью утверждать пока трудно.

— Но что вы, Василий Васильевич, имели в виду, когда связывали третий предполагаемый скачок в развитии человека с его мозгом?

— Можно сказать, что наш мозг построен из особой, социальной материи. Ведь человек — порождение общественных отношений. В будущем эволюционировать будет не человек, а общество. Ибо в биологическом развитии человека нужды нет — его возможности настолько велики, что их вполне хватит на всю обозримую историю человечества. А в социальном отношении человеку предстоит еще долго совершенствоваться. Так что переход к новому человеку — это прежде всего переход социальный. В мозгу гомо сапиентиссимум не останется места для формаций, порождающих низменные чувства, агрессивные эмоции, преступные мысли. Например, ударить своего ближнего, оскорбить его, солгать, сподличать покажется человеку несусветной дикостью, и решиться на это он не сможет даже под страхом наказания.

Такая «структура» мозга явится следствием новых, коммунистических отношений. Новое, красивое общество породит и нового, красивого человека. Это будет скачок из царства необходимости в царство свободы, где человеку представятся неограниченные возможности для самых благородных и возвышенных устремлений.

Интеллект человека в значительной степени будет определяться временем, затраченным на отдых — не на безделье, а на творческий, активный отдых, способствующий развитию личности.

— Значит ли это, что рабочий день, как предполагают некоторые, будет сведен к минимуму, к двум-трем часам?

— Ни в коем случае. В будущем, когда научно-техническая революция полностью избавит человека от тяжелых, однообразных действий, когда труд будет служить средством выразить себя, свои способности и таланты, думаю, не возникнет нужды в противопоставлении труда и отдыха. Возможно, наоборот, ограничение в труде станет одним из самых жестоких наказаний для человека.

— Если немного развить вашу идею о третьем скачке, то можно прийти к выводу, что представители вида гомо сапиентиссимум, человека будущего, на земле уже есть и были.

— Совершенно верно. Думаю, в их число можно внести десятки, сотни, может быть, тысячи здравствующих ныне людей: хлеборобов, рабочих, ученых, художников. Вы, наверное, встречали их в жизни. К сожалению, этих людей намного меньше, чем хотелось бы, но ведь нам приходится бороться с тяжким наследием прежней истории человечества.

В нашем обществе, так же как и в самом человеке, заложены потрясающие силы, скрыты необыкновенные возможности, только их надо привести в движение. И тогда человек раскроется во всей своей красоте. Оглядываясь на сегодняшнее время, люди будут удивляться: неужели они могли быть такими несовершенными!

Не знаю, как вы, а я человеку будущего немного завидую.

Беседу вел С. ВЛАСОВ

Николай Егорович с дочерью Леной.

После смены.

О Г Н Е В О Й

**наш
современник**

Ник. РОДИЧЕВ

**Фото
И. ГАВРИЛОВА**

На Волгоградском тракторном около трехсот корпусов и цехов, начиненных всевозможной, самой современной техникой. Однако трактор — изделие кузнеца. В основных своих деталях железный пахарь куется, как ковались орудия земледелия с незапамятных времен. И кусок металла — исходный материал, и горн, и наковальня, и брызги окалины от удара молота по размягченному в печи железу... И мудрый прищур ведун в фартуке у наковальни, от опыта которого (именно от опыта!) зависит удача, — все это увидишь здесь в натуре, не напоказ.

Конечно, молот у нынешнего коваля поуверситее былого, от двух до десяти тонн, огонь в печи раздувается отнюдь не кожаным мехом, не уголек под ним тлеет — полыхает газовое пламя. Кузнеца иной раз называют бригадиром, поскольку два, а то и три подручных у него да нагревальщик с подавальщиком. И все же лучшего слова, чем «кузнец», человеку у наковальни не придумали. И потому, скажем, и Николай Егорович Брызгунов, Герой Социалистического Труда, носитель громких титулов по своему положению в обществе, на вопрос о занимаемой должности и профессии, невзирая на то, что он числится бригадиром в цехе тяжелых молотов, коротко отвечает: «Кузнец».

Вот он, весь на виду со своей негромкой биографией: мальчишка, родившийся накануне войны в крестьянской семье на хуторе Булгаково близ Ахтубы, затем пастушок в летние месяцы, ученик местной семилетки, разнорабочий в поле... В подростковые годы Колю, как многих его ровесников, потянуло в город. А там — учеба в ремесленном по ускоренной программе, затем — подручный кузнеца и сам кузнец... К молоту стал двадцать два года назад, в том же звании у молота и сейчас. Однако кузнецов на заводе сотни! Был среди них до недавнего времени еще один Брызгунов — Иван, мастер первой руки. А Герой Социалистического Труда из широкого круга сверстников, однофамильцев и мастеров он один — Николай Брызгунов! Случайно ли это?.. Давайте повнимательнее приглядимся к Николаю Егоровичу.

При всей внешней простоте событий в жизни этого человека очень даже непростым, всегда углубленным, часто творческим было отношение его к главному занятию — к делу. Он был подпаском, а улучал минуту-другую, чтобы протиснуться в хуторскую кузницу, где колдовал у огня тамошний умелец Иван Ефремыч. Николай зорко наблюдал за полетом молота в жилистых руках старца. Казалось чу-

Н. Е. Брызгунов (с п р а в а) со своим другом А. В. Пузановым.

ТАЛАНТ

дом видеть, как из бросового куска железа по велению сказочного, с подпаленной боро-дою деда рождалась на наковальне очень нужная в хозяйстве вещь: тятка, подкова, а то и лемех к плугу.

Практика учащихся ремесленного началась в плохо приспособленных тогда, разрушенных войной цехах. Удары молотов сотрясали всю территорию завода. Это нешуточно напоминало бомбежку, не раз пережитую в дет-стве.

Пареньки из группы Николая заколебались в выборе профессии, стали по одному отсеиваться. А Коля Брызгунов оказался среди самых стойких, несдающихся. Но и крепкие по натуре ребята, глядишь, застревали в подручных надолго: хоть и жарко в подручных, да меньше спросу! Брызгунов походил под руку старших годик-другой и стал к молоту. Не сам стал — позвали, уверили, что сможет, что уче-ба у него шла «в самый раз».

Николай набрал в бригаду таких же юных, горячих характерами и тут же объявил, что поддерживает почин московских комсомоль-цев — станет бороться вместе со своими ребятами за звание бригады коммунистического труда. На Волгоградщине они были первыми, кто боролся за это звание.

Девятнадцатого ноября — Николай помнит такие даты — на открытом партийном собра-нии молодой бригадир дал обещание не уронить чести волжан в соревновании с москвичами, а на другой день юные кузнецы выдали поковок на четыре с половиной сменных зада-ния! Парни, конечно, понимали: одними про-центами здесь не обойтись. Кто в вечернюю школу записался, подобно бригадиру, кто в техникум подал бумаги или на курсы масте-ров. Зорче стали приглядываться к своему по-ведению вне завода. Звание им присвоил го-родской комитет комсомола — тогда еще не был в деталях определен статус почетного зва-ния для целого коллектива энтузиастов. На вопрос о том, как же сложилась дальнейшая судьба его помощников, Николай Егорович удовлетворенно отвечает:

— Не разлюбили парни горячей профессии. Александр Моисеев теперь старший мастер в цехе, Виктор Чернышев давно возглавляет бригаду, отменный коваль... Вячеслав Панкратов — наладчик молотов, это тоже одна из важнейших профессий в кузнечном.

Теперь, верно, у читателя возникло впечатле-ние, что Брызгунов — этаким богатырем? Нет. Николай Егорович невысок ростом, подобно многим южанам смугл лицом, неширок в ко-сти, богатырем не назовешь. В густых волосах

редкие, но все же приметные нити седины. Гля-дя на него, как-то трудно представить себе, что человек этот за час наполняет готовыми изде-лиями тележку емкостью в пять-шесть тонн. Выходит, что «поняничить» на своих руках же-лезных младенцев ему приходится в день тонн под тридцать! Попробуй-на перетаскать с ме-ста на место такую поклажу! Но кузнец не грузчик, который зачастую бесечно перевали-вает с одного места на другое нечто совсем не знакомое ему. Пристально наблюдая за игрой молота между станинами агрегата, кузнец дол-жен успеть подхватить из рук ближайшего по-мощника раскаленную заготовку, ловко и точно опустить этот очередной «дар судьбы» в подго-товительный ручей на наковальне-штампе, схо-ду нанести мощный и целенаправленный удар!.. Затем уплотненную поковку перенести в кле-щах в окончательный ручей штампа. Наблю-дая все это, комментатор футбола сказал бы восхищенно: «Удар!.. Еще удар!» И каждое дви-жение рук, не выпускающих увесистой поков-ки, полагается сопроводить, как у пианиста, нажимом ноги на педаль молота, чтобы удар по-лучился нужной силы и, если угодно, тональ-ности...

Были в цехе кузнецы, которые лущили на исполинской наковальне обычные орехи. Ни-колай Егорович закрывает паровым молотом слегка раскрытый спичечный коробок. Орехи колоть не пробовал...

Коленчатые валы, распределительные валики, балансиры, шестерни — это все давно освоено и Николаем Егоровичем и его подручными. При норме семьсот они успевают отковать за сме-ну тысячу и побольше поковок. Не стоит его и спрашивать: за что вы любите свою про-

фессию? Николай Егорович лишь весело отзовется, кивнув вслед покотившейся решетчатой вагонетке с поковками:

— Сразу видно: кое-что для плана сделал! Достаются и такие заготовки — их кузнец впервые в глаза видит, да и то на чертеже! А копаться в приготовлениях некогда, задание на целую смену получено вместе с чертежом. Недавно поступил заказ. Нечто фигурное, со сферической поверхностью. Но вот сделал, вроде получилось, а извлечь из штампа — никак!.. Пришлось смазывать ручей для привередливой поковки специальным раствором. Выручила сметка, многолетний опыт. Вспомнил и уроки Ивана Ефремыча в детстве...

Брызгунов знает: скоро пойдут совсем новые детали для новых машин. Их вынашивают конструкторы, часть уже на подступах к цехам. Первые пробы ковать ему, его дружке — Михаилу Кузьмичу Аркатову и Адольфу Васильевичу Пузанову: с них по обыкновению начинается здесь все. У заводских проходных для всеобщего обозрения уже выставлены остоны будущих кабин для будущего супертрактора ДТ-75С.

Сейчас Николай Егорович чаще изготавливает коленчатые валы — самую ответственную деталь в ходовой части трактора. В месяц на пресс-молот норма тридцать две тысячи. И валы идут! С перевыполнением! Снова парни в бригаду подобрались один к одному: Николай Клементьев, Петр Глухов, Юрий Левин, Тихон Землянухин... Этот постарше других — нагревательщик.

* * *

Живет Николай Егорович в небольшой квартире на Спартановке, где конечная остановка популярной в Волгограде транспортной линии «десятки». На смену кузнец ходит вместе с женой Марией Николаевной: она работает подручной кузнеца в соседнем цехе на штамповке мелких деталей. Цех этот потише, и все здесь по сравнению с «мужниным» цехом скромнее, спокойнее, уютнее...

Наведя Брызгуновых на Спартановке, я могу с полной убежденностью сказать: это не только вросшие в свою профессию люди, это семья, где умеют обращаться одинаково нежно и с железом и с человеческим сердцем. Не случайно оба они, Николай Егорович и Мария Николаевна, при всем при том, что труд их нелегкий, здоровы, выглядят свежо и молодо и настроение у обоих жизнеутраченное.

Марию Николаевну с ее неугасающей улыбкой и девичьим румянцем на полных щеках в цехе зовут просто Машенькой. А Машенька Брызгунова, кажущаяся мне совсем юной девушкой, родила и воспитала троих детей! Двое уже взрослые: сын Саша — в армии, дочь Аня — прядильщица на камвольном в Краснодаре. Самая младшая, Леночка, ходит в пятый класс. А Машеньке, их маме, нет еще и сорока (как раз собиралась отметить в те дни тридцать восемь)...

Истовые кузнецы, Брызгуновы не утратили способности в опаленных гудящим пламенем бундах по-родительски радоваться первым самостоятельным шагам незаметно повзрослевших детей. Добрую славу для своей фамилии «кует» потихонечку и самая младшая, принося «пятерки». У старших детей есть свои успехи: сын хорошо служит, дочь старательно работает, учится. Вот письмо с комбината: «Уважаемые Мария Николаевна и Николай Егорович! Администрация, партийная организация, профком и комсомольская организация сердечно благодарят Вас за хорошее воспитание Вашей дочери, Ани...»

А давно ли в заводском комитете Волгоградского тракторного ровесники Маши сочиняли примерно такое же послание ее родителям на Рязанщину?

Николай Егорович отдыхал летом на юге, на обратном пути завернул в Краснодар, к дочери. Письмо получить — неплохо, да ведь родительскому глазу на месте виднее. Не захвалили бы девчонку... Да нет, видно. Это Аня настояла, чтобы отец шел на курсы мастеров: «Ты у меня, папа, совсем еще молодой!»

* * *

В те полузабытые уже дни и недели, когда выпускник ремесленного училища Коля Брызгунов начал работать подручным, другой паренек, Михаил Аркатов, двумя годами старше, пришедший в цех раньше, выглядел в глазах ровесников Брызгунова кузнечным старожилем. Михаил уверенно обращался с нагревательной печью, безбоязненно становился к молоту, когда бригадира по каким-нибудь делам отзывали в заводоуправление. Позже Михаил возглавил бригаду. Николай с восхищением поглядывал на этого бойкого, смышленного пар-

ня. Аркатова часто хвалили на летучках, называя его в ряду с кадровыми рабочими: Николаем Афанасьевичем Захаровым, Василием Никифоровичем Агарковым, Ильей Федоровичем Богородиным... Именно Захарову были обязаны Михаил и многие другие своей профессиональной выучкой. И было чему учиться!.. Всем дала загадку неказистая на вид деталь — рычажок отводки. Много поковок шло в брак, даже вызывающе много! Принаравливались к зловредному рычажку этому и так и эдак. И лишь Захаров, умевший выверить собственными руками весь процесс изготовления, доискался причины брака: оказывается, когда несешь поковку от печи до гибочного ручья, нельзя менять положение рук! Неси тем боком, как взял с жару! Каприз да и только: не тем боком прислонил железку к наковальне!.. Вот так и доходили до всех премудростей. Николай глядел на Захарова с обожанием.

Но вот пришло время Аркатову идти на военную службу. Смышленных, рано повзрослевших парней тех лет, не успевших познакомиться с старшими, привлекала героическая офицерская профессия. Юных сталинградцев охотно зачисляли в военные училища, оставляли в войсках на сверхсрочную. И пока Михаил проходил действительную, в цехе свихнулся с мыслью, что молоденький кузнец тот больше не вернется на завод. А Николай Брызгунов за эти годы уже вырос до бригадира. И вдруг — встреча! В одинаковых спецовках, в одной смене. Только молоты у них разные...

Брызгунов был запевалой в борениях молодых кузнецов за почетное коммунистическое звание. Михаил Аркатов поддержал друга и тоже вступил в соревнование. Это еще больше сблизило их. Интересной и не лишеной сложностей оказалась дружба двух талантливых рабочих, больше двадцати лет стоящих по соседству у молотов. Они нередко оказывались соперниками: то один был впереди, то другой. Награждали за выдающиеся успехи в восьмой, затем в девятой пятилетке их обоих. М. К. Аркатов получил орден Трудового Красного Знамени, Н. Е. Брызгунов — орден «Знак Почета»... Но не будем спешить с перечислением наград.

К осени 1968 года на заводе сложилась редкая по своей остроте ситуация: все цехи вроде бы выполняют план, отдельные идут даже с опережением заданий, но общезаводской план по сбору машинокомплектов оказался под угрозой срыва... На заседании парткома корпуса тяжелых молотов бригадир М. К. Аркатов выступил с дерзким предложением: не довольствоваться прежней нагрузкой на станки, которую определили в былые времена нормировщики, а довести выработку на каждом молоте до проектной и добиваться качества продукции на уровне государственного стандарта!.. Михаил Кузьмич заботился прежде всего об отдаче своего молота и своего цеха и, конечно же, не мог предположить, насколько важным окажется его почин для всех станочников завода и что затем он будет подхвачен другими предприятиями отрасли. Впрочем, клич Михаила Аркатова тогда еще прозвучал неким вызовом. Раздались и возражения. Техника-то ведь не у всех одинакова! В цехе стояли и молоты-перестарки, их пора было списывать.

Очень важно было в ту пору, чтобы кто-либо из кузнецов, знающих себе цену, сказал веское слово в поддержку Аркатова, принял его расчеты как делные, возможные. И Николай Егорович Брызгунов, тогда еще совсем молодой коммунист, работавший на молоте старой конструкции, втайне надевавшийся, что технику эту вот-вот уберут, отказался от своих надежд и пошел за Аркатовым. Возможно, он вспомнил события десятилетней давности, когда сам очень нуждался в опоре на твердую руку и получил эту опору от друга. Конечно, потребовались дополнительные расчеты, пришлось менять механизацию вспомогательных операций, вплоть до установки конвейерных лент от печи до молота. Переиначили порядок наладки и ремонта станков, и уже вскоре сказались результаты этого почина. По итогам пятилетки цех оказался с приростом поковок сразу на 25 процентов. Н. Е. Брызгунов тогда стал Героем Социалистического Труда, а М. К. Аркатова наградили орденом Ленина.

О нынешних отношениях между этими двумя славными людьми может кое-что сказать такой житейский факт. Николай Егорович с женой собирались под выходной на свадьбу в деревню — километров семьдесят от Волгограда. Было дано такое обещание родичам. Но случилось так, что второпях, за сборами да покупками, упустили время заказать такси, надеялись на удачу. И последний автобус

отходил раньше предполагаемого. Расстроенный шел Брызгунов со смены. Об этой его задаче с транспортом никто не знал, разве что заместитель начальника цеха Владимир Филиппович Тарасов...

Михаил Кузьмич к той поре успел помыться в душевой. На завтрашний день у него, как у всех, свои планы. Однако ровно в семь, как намечали Брызгуновы, у подъезда их дома стояла легковушка. За рулем сидел не таксист, а Михаил Кузьмич, с которым они распрощались у проходной, пожелав друг другу хорошего отдыха...

* * *

Славен этот завод на Волге людьми, мастерами своего дела. Многие страницы его почти полувековой истории написаны... золотом. Большие золотые медали и дипломы «Гран-при» Парижской 1937-го и Брюссельской 1958-го всемирных выставок. Золотая медаль выставки «Сельхозтехника» 1966 года. Наконец, восторженные отзывы посетителей совсем недавней выставки «Сельхозтехника-78» о новой модели трактора ДТ-75С. Это лишь некоторые вехи завидных достижений волгоградцев. Нельзя не вспомнить здесь и о том, что тридцать три квартала подряд они добиваются первенства в соревновании с родственными предприятиями отрасли и получают переходящие Красные знамена. Заводчанам, как говорится, есть что вспомнить в преддверии полувекового юбилея предприятия. И выходит, что половину этого пути прошел в первой шеренге Николай Егорович Брызгунов, человек, горячо и на всю жизнь полюбивший свою профессию. Рассказывать о ней он может долго...

— Кузнец — всегда импровизатор. Даже тогда, когда он принимает от подручного сотую или тысячную поковку за смену, полагается в ней угадать будущую деталь. Вот, предположим, сотая, та самая, которую Коля Клементьев вынул из печи и подал на ближний ручей, когда вы с нашим партгором Федором Павловичем Елисиным как раз подошли к молоту... Я размахнулся и той поре, только подавай! И все же заметил: в раскаленном стержне не пятьсот пятьдесят миллиметров, а поменьше. Мало ли почему? Отрубили в заготовительном коротко, а потом приемщики проглядели... А мне требуется длина пятьсот пятьдесят, не меньше. На осмысление обстоятельств и принятие решения — секунда, один лишь взгляд. И решение принято: вместо одного удара, подготовительного по-нашему, я опускаю на недомерок два удара, один — на удлинение поковки. Вижу: стержень поддался! А затем все пошло, как с нормальными поковками.

На прошлой неделе, — с усмешкой вспомнил кузнец, — получил наряд на изготовление шатунов. Не случайно такой заказ в цехе адресуют практически только двум нашим мастерам: Михаилу Кузьмичу Аркатову и Адольфу Васильевичу Пузанову — лауреату Государственной премии. Я лишь издали видел, как они справляются с шатунами. Еще подумал: а не спросить ли у них, нет ли здесь какой особенности, ведь другие кузнецы не случайно сбоят шатуны!.. В общем, понадеялся на интуицию. А жалы! Едва принялся за дело, тут же был наказан. Поковка не давалась! Одна, за нею еще одна пошла в отсев! И так бывает. Так что уметь многое еще не означает уметь все! Конечно, вскоре обрел нужную форму и наверстал упущенное. При задании 1550 отковал 1750 шатунов. Но секрета капризов шатуна до конца не разгадал...

Конечно, у каждого из нас свой опыт, свой почерк в работе. Но главные понятия о своей профессии кузнецы моего поколения брали у старших. Мы, в свою очередь, охотно передадим и передаем добытые за десятилетия навыки младшим, было бы у них желание учиться нашему древнему и нестареющему ремеслу.

Веря в свой безотказный молот, Николай Егорович понимает, конечно, что живет он в век постоянно меняющейся техники и обновляемых приемов труда. Он достаточно осведомлен: на подходе совсем иная техника для кузнецов.

— Будем внедрять в цех принципиально новую технологию изготовления поковок. Если сейчас мы за смену с немалыми усилиями выдаем по пятьсот — семьсот поковок, в недалеком будущем каждая бригада станет вырабатывать такое количество за час-полтора. При чем почти не будет отхода металла.

Николай Егорович не собирается расставаться со своей горячей профессией. «Вот подучусь на курсах мастеров!» — говорит он. В цехе Брызгунов уже сейчас мастер из мастеров. Но думы о будущем заставляют, видимо, заглянуть в себя еще глубже, поискать силы для нового взлета. Брызгунов чувствует в себе такие силы.

Г. Мелихов. Н. ЩОРС НА ПРИЕМЕ У В. И. ЛЕНИНА.

На развороте вкладки:
М. Соколов. В. И. ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА.

А. Лопухов. ВИХРЬ ОКТЯБРЯ.

ПЯТЬ ИНТЕРВЬЮ О СЧАСТЬЕ

СССР —
глазами
друзей

Новелла ИВАНОВА

Что такое счастье? Попробуйте задать себе этот вопрос, и вы убедитесь, что ответить на него не так-то просто! А в «Небуге» о счастье говорили многие, искренне, охотно.

Первое интервью в этом интернациональном студенческом лагере состоялось в «Диске» — так назывался очень популярный здесь дискуссионный клуб. «Социализм и культура», «Религия и современный мир», «Ближний Восток — проблемы и решения» — темы «Диска», а его «душой», по всеобщему признанию, был замполит лагеря преподаватель кафедры философии в МЭИ Евгений Иванов. Он серьезен, как и полагается быть молодому философу, любит юмор, как и подобает к нему относиться тому, кто без оглядки отдает свободное время молодежи. Я спросила Женю, почему каждое лето он едет в «Небуг». Ответ был краток: «Здесь я чувствую себя по-настоящему необходимым людям, а потому счастливым!» Замполит пояснил, что в «Небуге» изо дня в день на его глазах рождается та модель человеческого единения представителей разных стран, о которой всегда мечтали лучшие люди, и это стало возможным благодаря мудрой политике первой страны социализма, превратившей интернационализм в жизнь.

На протяжении двадцати семи лет в Московском энергетическом институте обучаются посланцы многих стран мира — в этом учебном году более тысячи, из шестидесяти двух государств! И в летнюю пору несколько преподавателей, аспирантов и студентов института отправляются под Туапсе и при участии еще тридцати вузов Москвы, Краснодар и Армавира организуют веселую интернациональную летнюю студенческую республику. Это именно республика, в которой нет гостей, а есть только хозяева! Когда я приехала в «Небуг», тут хозяйничали двести пятьдесят будущих инженеров, филологов, медиков, учителей и экономистов из Венгрии, Судана, Иордании, ГДР, Афганистана, Вьетнама, Шри-Ланки, Перу, Индии, Польши, Сенегала, Ливана, Палестины, Кубы, Сирии, Эквадора, Мексики, Эфиопии, Танзании, Непала, Кипра, Югославии, Франции, Сальвадора, Ирака, Лаоса и Доминиканской Республики.

...Он высок, худощав и очень застенчив. Мы разговорились после очередного «Диска», на котором он пылко говорил о том, что сегодня жизнь молодежи неотделима от политики и потому каждый должен быть борцом за счастье людей.

— Акрам, ты сказал, что счастье — это борьба. А как ты представляешь свое личное счастье?

— Для меня оно неотделимо от счастья моей многострадальной родины!

Родина Акрама Захде — Палестина, и путь на учебу в нашу страну был долгим. Первый человек из его большой семьи, который захотел учиться в Стране Советов, был двоюродный брат. Его арестовали в аэропорту, когда он садился в самолет, чтобы осуществить свою мечту. Десять лет провел этот парень в тюрьме, и Акрам, еще мальчишкой, стал тайком читать запрещенные книги о стране Ленина. Окончив школу, он уже знал, что хочет стать автоинженером, и отправился в Ирак. Поступил в университет, а чтобы оплачивать учебу, работал ночным портье в гостиницах. Жил впроголодь, тяжело заболел язвой желудка, пришлось бросить учебу. Когда Акрам узнал, что есть возможность продолжить ее в Советском Союзе, не поверил своему счастью.

— Да, это для меня огромное счастье — жить и учиться в СССР! Помню, я гадал в самолете — где же переночую, когда прилечу

в Москву? Один из моих братьев учится в Италии, и ему пришлось в первые дни ночевать просто на уличных скамейках. Когда же меня встретили в аэропорту как близкого человека и отвезли в общежитие, я с трудом сдерживал слезы. Чем я мог ответить советским людям на эту заботу? Я учусь здесь уже три года и ни разу не получал по специальности меньше пятерки!

— А если говорить о самом главном, о том, что ты узнал и увидел за эти три года?

— Главное мое открытие — советский образ жизни. Заботу о счастье каждого человека взяло на себя государство, и это замечательно. Я беседую с моими ровесниками и вижу: для них это дело само собой разумеющееся, любая мечта осуществима. Недаром в одном из сочинений для поступающих в наш институт была тема «Нам открыты все пути!». Какую же злобу вызывают эти достижения Страны Советов у врагов социализма! Прошлым летом я побывал у брата в Италии, и в кругу молодежи зашел разговор о жизни советских людей. Меня спрашивали, правда ли, что там все люди ходят в одинаковой одежде. Я со смехом ответил, что в Москве видел больше модно одетых людей, чем здесь. «Говорят, что в СССР едят только лук с картошкой». Я рассмеялся, услышав такой бред, а когда кто-то из ребят объявил, что советские люди живут все вместе в общежитиях, я не на шутку разозлился и прочел лекцию о советском образе жизни.

Еще одно интервью о счастье. Ее зовут Оливия, а фамилия она просила не называть: «Это может не понравиться владельцу фирмы, куда я хочу устроиться на работу».

Впервые Оливия увидела нашу страну во время поездки в Ленинград с группой туристов из Общества Франция — СССР и решила, что обязательно соберет деньги, чтобы приехать сюда еще раз. Студентка Парижского института сельского хозяйства стала работать в свободное время сначала гидом, а потом, когда ей удалось похулить на десять килограммов, стала манекенщицей. И вот второе путешествие: на этот раз она многое увидела как специалист сельского хозяйства и захотела во что бы то ни стало написать свою дипломную работу в Москве.

— У меня была тема диплома: развитие торговых отношений между СССР и Францией в 1960—1975 годах. Наш институт имел деловые контакты с экономическим факультетом Московского университета, и мне удалось приехать на десять месяцев в Москву. Радость моя померкла, когда я вернулась домой. Полгода проли в поисках работы по специальности. Только одна треть нашего выпуска сумела ее получить, в основном парни, а девушек фирмы брать не хотели. И в конце концов я принялась хлопотать о поездке в Московскую сельскохозяйственную академию для продолжения учебы. У нас это называется «аспирантура для себя». В декабре я закончу учебу и уже теперь с тоской думаю о расставании с Москвой, где я себя чувствую такой счастливой...

— А как тебе живется в «Небуге»?

— Честно сказать, я себя иногда просто не узнаю, так я здесь переменялась. Ну, например, никогда прежде у меня не было друзей среди африканцев. А здесь я познакомилась с чудесным парнем из Сенегала, и мы стали друзьями. К сожалению, во Франции на африканцев еще смотрят свысока, не в силах преодолеть расовый барьер. Пожалуй, я впервые поняла, что стоит за этим словом — «интернационализм». Больше всего меня поражает в советских людях их сердечность и простота. К этому трудно привыкнуть, потому что у нас люди разобщены, разделены классовыми, расовыми, наконец, денежными барьерами. Теперь я знаю, какой бы я хотела

видеть свою родину. Счастье жить в такой стране, потому что она дает тебе возможность быть в согласии с собой, совершать хорошие поступки и быть необходимой людям.

...«Внимание, в эфире очередной выпуск радиогазеты «Небуг!» — объявляет ведущий инженер кафедры атомных станций МЭИ Юрий Черятов. Услышав эти слова, Хосе Родригес Бельтрам, волнуясь, берет в руки микрофон. Сегодня, в день праздника революционной Кубы, он расскажет о своей стране. С чего же начать? Может быть, рассказать о своем отце, который прежде, до победы революции, работал с утра до ночи на сахарном заводе и никогда не мог досыта накормить семью? А может быть, вспомнить те самые счастливые дни, когда все ликовали: ПОБЕДА! КУБА СВОБОДНА! Ему тогда было десять лет, и он, как и другие мальчишки из маленького городка Карденас, мечтал, что тоже будет драться с врагами за свободу, как «бородачи» Фиделя. Но отец, который окончил только четыре класса, сказал сыну: «Тебе выпало счастье сражаться за знания». И парнишка из Карденаса отправился в Гавану, поступил на политехнический факультет университета. На четвертом курсе Хосе и еще семерых ребят пригласили в Министерство электропромышленности и предложили заняться разработкой проекта развития энергетики на Кубе. И вот теперь он аспирант МЭИ на кафедре атомных станций. Вместе с ним на кафедре учатся еще пятеро кубинцев. Надо торопиться — в 1985 году в Сьенфуэгосе будет введена в действие первая атомная станция, а к 2000 году на Кубе будут работать шесть реакторов, вырабатывая сорок процентов электроэнергии страны.

— Я счастливый человек! Моя мечта осуществляется: на Кубе рождается новая атомная промышленность, — сказал Хосе Бельтрам.

В день моего отъезда из «Небуга» ушло письмо в Кению, в Найроби, а в нем такие строки. Леонида Муенеси писала старшей сестре Маргарите: «Ты даже представить себе не можешь, какая я счастливая! Я только восемь месяцев живу в Советском Союзе и вот приехала отдыхать на берег Черного моря, где очень красиво. Нас тут очень много, студентов из разных стран, и мы интересно проводим время — отдыхаем, занимаемся спортом. Я участвовала в карнавале, а в дискотеках не могу — еще плохо знаю русский язык. Я подружилась с одной русской девушкой, ее зовут Марина, она только что окончила в Москве сельскохозяйственную академию. Самый веселый был день Африки. Нас тут семеро представителей африканских стран, и мы устроили настоящий концерт. Такое счастье, что я буду жить в Советском Союзе еще целых пять лет!»

Я спросила девушку, как она оказалась в Краснодаре в сельскохозяйственном институте.

— Мои родители живут в деревне на западе страны, отец был агрономом, он недавно умер. Семья большая — нас шестеро детей. Я окончила школу в Найроби, где жила со старшей сестрой.

Прочитала однажды объявление в газете, что можно поехать учиться в СССР, и кинулась с заявлением в редакцию. Сестра, узнав, что я еду в СССР, рассердилась: ты сошла с ума, там же холод минус 40, и ты умрешь! Женская организация, в которой я состояла, помогла мне получить возможность осуществить мечту, а сестру я уговорила.

Как я себя здесь чувствую? Замечательно! Прошел первый учебный год. Конечно, очень много заниматься мне пришлось. Помню самый первый урок русского языка. В поезде Москва — Краснодар я услышала и заучила первые слова по-русски: «Бери — ешь — хорошо». Нас приехало в СССР из Кении тридцать человек, из них — пять девочек. Моя будущая специальность — агроном. Что мне больше всего нравится у вас в стране? То, что люди умеют и любят работать сообща. Субботник — это же просто замечательно! Люди работают все вместе и для всех. Для меня самый счастливый день в СССР был тот, когда все мы работали на субботнике, и нам сказали, что заработанные деньги пойдут во Вьетнам людям, пострадавшим от китайской агрессии.

СТОЮ ПОСРЕДИНЕ РОССИИ...

Николай Ф Л Е Р О В

Сколько юных осталось
В поле, в море, в огне...
Наша слава рождалась
На гражданской войне.
Помнят в шахтах и селах
(А о многих скорбят)
Озорных, и веселых,
И безусых ребят.
Хлеб ребята растили,
Добывали руду.
А потом уходили
В сорок первом году.
Уходили, простились,
Шли дорогой прямой
И не все возвратились,
В сорок пятом домой.

Но опять поднималась
Комсомольская рать.
Новым сменам досталось
Целиною шагать,
Жить в пустынях, на льдинах,
Мирный атом найти,
Быть в разведках глубинных,
Вызвать в космос пути.
Нет предела отваге.
Монолитны шаги.
А партийные стяги
Светят, как маяки.

«Жизнь прожить — не поле
перейти...»
А посмотришь вдаль —

Какая малость!
Видно, мне на жизненном пути
Только поле перейти
Осталось.

Головоломки и шарады
Не для поэзии моей,
Пишу, чтоб люди были рады
Увидеть сразу сердце в ней.
И чтобы с самого начала,
Как будто бы в одной груди,
Оно, как их сердца, стучало,
Но словно где-то впереди.

Стою посредине России
У желтых речных берегов,
Где пращур в битвах косил
Несметные орды врагов,
И где, как столетние раны,
Сражений застывший парад, —
Курганы, курганы, курганы
В лесу и над степью стоят.
От давних хазарских набегов
До битой фашистской орды
Мы воинской славою дедов
Вовеки пребудем горды.
Пусть ратные ждут ураганы.
И путь будет грозен и крут, —
Как память о прошлом, курганы
Нас к славе грядущей зовут.

ВЕСЬ МИР ДАЮ ТЕБЕ...

Шаислам
ШАМУХАМЕДОВ

— Наставник мой, высокая душа,
Совета ожидаю, не дыша:
Скажи, что надобно иметь поэту?..
— Ум старика и душу малыша.

Строитель, человек,
создатель красоты,
В созданиях своих себя
оставил ты.
Но лучшие души своей
стремленья
ты выражаешь,
возводя мосты.

Когда в пустой степи
белеют шапки гор,
Нет, не дивись, душа,
с собой вступая в спор.
Нет, здесь не встал вулкан,
те горы — рукотворны:
Воздвигла осень их —
бессонный пахтакор¹.

¹ Пахтакор — по-русски хлопко-
роб.

Весенний ливень смолк —
цветов сияют свечи.
Когда ты щедр, как дождь, —
светлеет все на свете.
Обидишь ли кого —
и на душе зима.
Утетишь ли кого — и в сердце
солнце светит.

Сказал: «Весь мир дарю тебе
сполна.
Вот солнце в небе — хочешь?
Вот луна...»
Ответила: «Пусть солнце будет
в сердце,
Луна — во взгляде, я —
в душе одна...»

Вот вал морской —
сдержите на бегу!
Иль распрямите радуги дугу...
Мне говорят: «Люби,
но будь разумен», —
А я понять совета не могу.

Покуда жмет сапог —
простору мы не рады.
Ученость вся не впрок,
покуда узки взгляды.
Я в жизни знал людей ученых,
чем словарь,
Топтавшихся, как мул,
у каменной ограды.

Говорили, что мир беспределен,
Но ведь люди его облетели.
А сияющих высей в душе
Мы измерить еще не сумели.

Так двое схожи меж собой
чертами,
А в памяти себя различно
начертали.
Их мысли, их дела —
меняют их для нас!

Дивимся: «Как же их
похожими считали?»

Как тот чванлив и важен напоказ,
Чей чин важней, чем знания
багаж!
Зато местечка нет высокомерью
В душе того, кто мудростью
богат.

О, юбилеев сладкая хвала!
Тут что ни слово — сладкая
халва...
Белей виском — но и более
за дело!
И похвалу опередят дела.

Как ошибался горько я в друзьях,
Как мучился, из сердца их изъыв!
Но если б знать наверняка,
что — в них,
А не они во мне
ошиблись въявь.

Фальшивит звук надтреснутого
саза,
Изъян души уловишь в песне
сразу.
Не высидит сорока соловья,
Не слепит зависть
искреннюю фразу.

Коль не даны стиху
два легкие крыла —
Нужна хоть пара ног,
чтоб по земле несла.
Чем вечно на спине тащить
его с собою —
Уж лучше просто сжечь!
Полезнее — зола.

Смерть молвит жизни «нет»
и на коня садится —
И в ночь идет Хикмет,
и в гроб Гафур ложится...
Но силою стиха на свете жив поэт!

Увянет розы цвет,
но запах сохранится.

— Кланяйся! Слышишь!
Ребенок родился!
— Что ж это,
светоч былой воротился?
Обогатился ли гением мир?
— Нет же, глупец:
Человек народился!

Под корень срублен ствол,
но зеленеют ветви!
Родимой плоти стон
они не слышат в ветре.
Так, мать застав в слезах,
смеются малыши,
Путей добра и зла не ведая
на свете.

В лесу после бури
я падшие видел деревья,
Что прежде стояли от братьев
своих в отдаленье.
А те, что ветвями сплетались, —
остались стоять,
Готовые выдержать этой беды
повторенье.

Кто скажет, что без нас
просуществует мир?
Мы — этот мир и есть
в какой-то час и миг.
Недаром, проходя,
на всем мы след оставим —
Со славой ли прошли,
к забвенью ль напрямик.

Порой меня корят:
мол, песни коротки.
Порой я сам не рад:
недостает строки.
Но лучше услышать:
«Уже конец, как жалко...»,
Чем: «Скоро ли конец?» —
глухие шепотки.

Перевел с узбекского
А. НАУМОВ.

* * *

Очнулась она уже в районной больнице. Очнулась оттого, что почудился ей детский плач.

Некоторое время Катя лежала, глядя в потолок, бессмысленно отметила, что потолок вроде незнакомый. Потом стала думать, какой кошмарный сон ей привиделся: ток в Зеленом ключе, куда с обезумевшим криком: «Катерина-а... Беда-а!.. Зойка с Захаром сгорели...» — прискакала на коне Василиха. Потом она с Андроном едет... мучительно долго едет в Романовку, колотит старика кнутовищем, требуя, чтобы тот торопил лошадь, а он... Что он сказал-то, обернувшись? А-а, вытрясти тебя, что ли, говорит. Затем — белые космы дыма над тем местом, где стоит ее дом. Это она увидела будто еще из седловины меж холмов, где расположено деревенское кладбище. И желтые комья огня. Будто дом-то сгорел, превратился в груды дымящихся бревен, меж которыми еще плясали языки пламени. Раздуваемые ветром, они были отчетливо видны сквозь вечерний мрак. Потом она будто бы стояла возле пепелища, глядела, как Петрован Макеев железным крюком растаскивает обугленные бревна, а где-то внизу живота у нее все усиливалась и усиливалась нестерпимая боль, там все разрывалось... А сейчас вот боли никакой нет.

Она машинально сунула руку под простыню, чтобы погладить свой вздувшийся живот, но он был плоский и пустой. В это время послышался голос: «Скажите там — эта Афанасьева из колхоза глаза вон раскрыла». Катя повернула голову, увидела белые стены, несколько коек, на которых лежали под такими же, как она, простынями женщины, одна из них сидела и кормила грудью ребенка. Младенец сосал жадно, но вдруг завертел головой, закричал. В голове у Кати все помутилось, опять завертелось в сознании чудовищные картины: обезумевшая Василиха на коне, желтый огонь и дым сквозь вечерний сумрак, испуганное лицо старой Андроники, которая хрипела: «Задохтуром, живо... Скажите в район...»

«А-а-а!..» — безумно прокричала Катя и опять потеряла сознание.

Вторично она пришла в себя с ясной мыслью, что никакой это не сон, что весь этот кошмар произошел в действительности, что нет теперь в живых ни Зойники, ни Захара, погибли они лютой смертью. В груди она ощущала большой и холодный ком, будто из сердца вытекла вся кровь и оно остывало. Возле нее сидел худенький старик в белом халате, с усами и седой бородкой, он держал ее за запястье и смотрел на часы, лежащие у него в ладони.

— Ну-с, красавица, открылся белый свет? — спросил он весело.

— Нет, — шевельнула она бескровными губами. — Вовсе закрылся.

— Да, да... у вас там, что-то мне такое говорили... простите, — пробормотал старик виновато.

Рядом опять заплакал младенец, и Катя, не узнавая своего голоса, спросила:

— А мой ребенок... живой?

— Жива-ая... — протянул доктор. — Она у нас в тепле лежит, как в материнском животе. Поторопится на свет божий появиться, так пусть погрееется. Выходим, красавица, твою дочку...

...После, когда Кате впервые принесли желтоватого, со сморщенным, как у старухи, личиком, младенца, она долго глядела на него с каким-то неприятным чувством изумления и разочарования, никак не могла поверить, что это ее дочь. И лишь когда девочка беспомощным и тоненьким, как у котенка, голоском запищала, у Кати что-то ворвалось в выболевшем сердце живое и сладкое, она осторожно прижала младенца к себе и почувствовала, как по всему ее телу растекается теплая, согревающая кровь.

* * *

В больнице Катя пролежала с ребенком долго, выписалась где-то уж под самый конец ноября.

Несколько раз к ней приезжал старый Андрон, и каждую пятницу в палату приходила Мария-счетоводиха. Андрон являлся как бы по официальным делам, докладывал, как идет жатва и хлебосдача. «Все мы по уму, Катерина, делаем, бабенки как скаженные, робят и слушаются, ты всякое беспокорство-то и отбрось от ума», — говорил он каждый раз. Сообщал и о Кольке с Игнатом: «У нас куда живут, здоровенькие, ничего». Мария больше рассказывала деревенские новости, которые были скудными и не очень веселыми: мужик Василихи, правда, живой покуда, вот опять, говорила счетоводиха, письмо везу от него, а Легостаиха на второго сына перед ноябрем похоронную получила, за кордоном уже погиб, в стране Румынии, что и говорить, совсем почернела баба, теперь, говорит, жди на третьего, последнего...

— Ну, а эти... пилюгинские-то, что? — спросила однажды Катя, прижимая к себе обеими руками дочку.

— Лидия с Сонькой ушла от Федоты.

— Ушла?

— Ну, — кивнула Мария. — Василиха ее к себе пустила, живите, говорит, места много, не жалко. Пашку на десять лет засудили, Федотья одна, значит, в доме осталась. Появится иногда на крыльце или в окне, а так целыми неделями ее и не видно. Живая, нет ли — никто не знает, покуда дым с трубы не пойдет.

Из их же рассказов Катя узнала, что и как произошло в тот день в Романовке. Пашка выбрал для своего злодейства такое время, когда в деревне никого из взрослых, кроме старой Андроники да самой Марии, сидевшей в конторе за своими бумагами, и не было, даже кузнец, стучавший обычно с утра до вечера в кузне, уехал в поле — туда надо было отремонтированное полотно для лобогрейки свезти, старое порвалось на кочке. Он-то, возвращаясь с хлебного поля, и увидел первым с холма, что председательский дом в огне стоит, погнал с увала лошадь. Ну, а тут и Мария услышала истошный крик Андроники да стукоток макеевских дрожек, выскочила из конторы. Все втроем они и оказались у горящего костром дома, на траве валяются Колька с Игнатом обгорелые, режут. «Где, где Захар с Зойкой?» — затряс их Макеев. «Тама... Захарка нас через окно выкинул, за Зойкой пошел», — указал Колька на дом. Кузнец застался возле окошек, но из каждого хлестали тугие полотна огня, с половины лета стояла сушь, дом горел как порох, а ветер еще пуще раздувал огонь. Кузнец кинулся было в дом через двери, но кровля сеном, заполненных плотным дымом, уже трещала, обваливалась, сыпались вниз горящие обломки. А тут и вся крыша поползла вбок и рухнула...

— А Захарка с Зойкой еще до этого, ви-

дать, в горячем дыму задохнулись, — предположила Мария.

Рассказы эти Катя слушала, крепко стиснув зубы, молчала, будто бесчувственная, в лице ее, и без того бледном после перенесенных мучений, не было ни кровинки.

Один раз только она прервала Марию вопросом:

— Как же установили, что Пашка поджег? Никто ж не видел.

— А Сонька Пилюгина рассказала. Как рухнула крыша-то, она вынырнула откуда-то с визгом: Пашка, орет, поджег, ведро керосину на дом вылил. И ребятишки твои, Колька с Игнатом, рассказывают, что видели Пашку с ведром через окно. Ну испугались, говорят, зажались в дому-то, ну, как Пашка сейчас зайдет! А он из ведра начал плескаться на стены. Колька побольше, он рассказывает, что сперва и не поняли они, что такое Пашка делает, а когда огонь под окнами поднялся, кинулся, грит, я в сенки, а дверь на щеколду заложена снаружи... Ишь, все Пашка издевал! Да он и сам записаться не стал. Как Сонька-то все выложила, Василиха на ток за тобой поскакала, а кузнец кинулся к дому Пилюгиных, сдернул с Пашки одеяло, тот, ишь какой, уже и спать улегся. «Ты что, сбесился?» — заорала Федотья. И я зачем-то вбежала в их дом. Федотья вроде бы с жалобой ко мне: «Ребенок спит давно, чего он к нему суется?!» А тут из дверей опять зареванная Сонька высунулась, закричала в беспамятстве опять: «Он, он председателев дом поджег, я все видала!» Федотья коршуном на нее: «Ах ты, лгунья проклятая, как язык-то на брата родного... Ведь ему тюрьма за слова твои выйдет!» Ну, тогда-то и поднялся Пашка, спокойно так и холодно проговорил: «Ладно, баба... С тюрьмы-то вернусь, так первым делом язык ей и выдерну... вместе с головой. Пушай ждет и знает». Вот так оно... А за тобой тогда доктор вскоре примчался на легковушке. Вместе с ним и сам Дорофеев прибыл. Так в беспамятстве тебя и увезли. Добро, что ни у Андроники, ни в дороге ты еще не разродилась...

...Везла Катю домой тоже Марунька. Ехали на ходке, снегу еще не было, так, по канавкам да рывтинам была насыпана белая крупка, на мерзлых дорожных кочках колеса подскакивали, Катя бережно прижимала к себе ребенка.

— Назвать-то как, не надумала?

— Фросей назову, — сказала Катя. И, помолчав, спросила то, о чем все эти недели боялась и вымолвить: — А что ж, Зойнику с Захаром... так и не нашли под угольями? Али ничего от них не осталось?

— Ну как же, осталось... — хрипло ответила Мария. — Обоих нашли. Похоронили рядышком, в одной могилке. Андрон крест вытесал да поставил...

И уже перед самой деревней, как спускались с увала, Мария сказала:

— А с детьми твоими сейчас Петрован Макеев живет.

Катя лишь молча повернула к ней голову да вопросительно приподняла брови.

— Он отколотил пустой тихомилковский дом, привел его в порядок да забрал у Андроники Кольку с Игнатом. А мне седни сказал: и Катерину, понятно, сюда вези.

И на это Катя промолчала.

Тихомилковский дом был действительно обжит, полы стояли чистые и окна светлые. Когда Катя с Марией подъехали, Петрован в чистой рубашке, подпоясанный ремнем, вышел на крыльцо, почему-то не поздоровался, а только сказал:

— Давай мне дочку-то.

Катя поглядела на него и отдала.

Потом она, не снимая полушубка, а только развязав платок, долго сидела возле застеленного чистой скатертью стола и глядела, как Макеев разматывает орущего ребенка.

В Р А Ж Д А

— Мокрая же вся она, — проговорил он. Только после этого Катя поднялась и начала стаскивать с себя полушубок.

И в тот же день, под вечер, она молча и долго стояла над свежей еще могилкой, земляной холмик был слегка присыпан снежной крупкой. Когда она, так с момента возвращения из больницы ни слова и не промолвив, вышла из дома и побрела в сторону кладбища, Петрован Макеев двинулся следом, по пути стукнул в окно бабке Андронихе. Безответная старуха поняла все с полуслова, тотчас заторопилась к тихомилловскому дому, чтоб побыть с ребенком.

У могилки они, Катя и Петрован, стояли сперва вдвоем, а потом подошел неслышно дед Андрон и неслышно остановился рядом с кузнецом.

Глаза у Кати были сухими, только бесмысленными и холодными, как зола сгоревшего несколько недель назад ее дома, лоб от виска до виска прочертила глубокая складка. Выражения Катиного лица в этот момент ни кузнец Макеев, ни дед Андрон, стоявшие за ее спиной, видеть не могли. Зато они видели, как гулявший по кладбищу ветерок выбил у нее из-под платка и стал раздувать клок волос, прибеленный будто белой известью.

...А через пять месяцев и две недели была Победа.

Этого дня, ради которого довелось людям перенести столько лишений и страданий, столько принять неизбывного теперь уж никогда горя, давно ждали, каждое весеннее утро пробуждались теперь с одной-единственной мыслью: не свершилось ли? А пришел он все равно неожиданно, радостным обвалом свалился будто с самого неба, на котором играло веселое и щедрое майское солнце.

В романовском колхозе, как и повсюду, была в разгаре посевная. Катя в этот день привычно поднялась на рассвете, до солнцевосхода переделала множество дел — от семенного амбара отправила к сеялкам четыре подводы, поскалдила с двумя молодыми девушками-телятницами, по нерадисти которых молодняк содержался в грязи и плохо прибавлял в весе, выдоила с полдюжины коров — людей не хватало, двух доярок из трех Катя давно поставила на сеялки, и теперь каждое утро и вечер сама на ферме садилась под коров... Когда солнце поднялось над зеленеющими холмами, она была километрах в семи от деревни. Вчера вечером дед Андрон доложил,

что на самом дальнем яровом поле встал трактор, тракторист говорит, сломался, самому не отремонтировать, пошел-де в Березовку звонить в МТС, звать техпомощь, а по слухам, загулял там. Вот Катя и ехала узнать, в чем дело, это не шутка, что в такое время встал трактор, одно дело, если в самом деле сломался, тогда самой надо звонить в МТС и бить тревогу вплоть до райкома партии, до самого Дорофеева, а то посевной агрегат и неделю может простоять. А коли загулял тракторист, это полбеда, надо только укорить его да попросить, а скандалить и страдать бесполезно, от фронтовых ран на нем живого места нету и кисть левой руки у него в танке отгорела, это еще удивительно, как он, однорукий, приспособился водить трактор и работает коли не лучше, так и не хуже других, после сева даже премию ему какую-то надо выделить.

Катя ехала на своих дрожках, поглядывала на разгорающееся солнце и думала еще, что Петрован давно стучит в своей кузне, ребятишки ее теперь поднялись, обиходили Фроську, сменяли мокрые пеленки, и сейчас вот как раз Николай с Игнатом кормят ее из бутылки коровьим молоком — своего-то у Кати так почти и не было, с первых дней Фрося стала искусстvenницей. А как солнце встанет прямо над конторой, Петрован придет домой, сварит Фроське жиденькую кашку из толченого пшена или гречки. А коли у него там в кузне какие срочные дела приключатся, так и сами ребятишки сварят, Николай со дня гибели Захара с Зоинькой прямо на глазах повзрослел. Сперва Захар заменил по дому Михаила, взял на себя все главенство, теперь вот Николай заступил место Захара. Да и то сказать, большебный стал, вот-вот девятый исполнится. Уж в самом крайнем случае сбегут они за Петрованом в кузню, а если тот в отлучке, так к бабке Андронихе или еще к кому стукнутся, но в большинстве сами с Фроськой управятся, и она, Катя, спокойна за девчонку, может теперь хоть круглый день домой не заглядывать.

Так она раздумывала, покачиваясь в плетеном коробке, лошадь не торопила. Солнце припекало все щедрее, Катя сбросила с плеч сперва истертый ватничек: рано утром и поздно вечером без него бывало еще холодновато — потом и отцовский пиджак, совсем уже истрепанный, осталась в одной кофточке, кожей чувствовала благодатное тепло и наслаждалась им, подремывала.

Прохватились она от нарастающего стукотка тележных колес и дальних каких-то криков. В мозгу сперва прорезалось: это ж лошадь меня несет! Она машинально дернула вожжи, качнулась оттого, что мерин ее покорно остановился, и окончательно пришла в себя. Никуда ее лошадь не понесла, оказывается, дрожки ее недвижимо стоят среди дороги, зато навстречу ей бешено несутся бричка, в бричке во весь рост стоит какая-то бабенка, размахивает кнутом, юбка на ней полощется, у ног ее сидят двое мужиков и, чтобы не вылететь от толчков на землю, держатся за дробины. В одном из сидящих Катя еще издали признала тракториста, в голове ее промелькнуло: «Сомкнул сейчас, пьянчуги!» Она торопливо дернула вожжами, чтобы уступить дорогу, но летевшая навстречу бричка еще издали съехала на обочину, сделала у Катиных дрожжек широкий полукруг, правившая ею женщина, осаживая разгоряченную лошадь, наклонилась, чуть не падая, назад.

— Афанасьева-а! Председательша! С победой тебя-я! — заорала она, но Катя не взяла в толк, с какой это победой ее поздравляют, до окончания сева еще далеко и мысли-то все были о вставшем на поле тракторе, и она, сойдя с дрожжек, прокричала:

— Трактор-то чего, чинят али нет?

— Дура! Какой тебе сегодня трактор, — громко ответил тракторист, поднял обгорелую на войне руку, помахал ею в воздухе, как флагом: — Во-от! Гитлера прикончили!

— Мужики к нам отгудова, Катька, теперь привалят! Недолго ждать... — прокричала бабенка, стегнула лошадь, бричка дернулась, оббежала Катину лошадь перед самой мордой, завершила полный круг и понеслась дальше.

Только теперь до Кати дошло, о какой победе кричала бабенка, сердце ее заколотилось, грозя разорваться, ноги враз обессилели, она шатнулась к ходку, оперлась об него рукой. «Господи... да в деревне-то знают ли?!» — зазвенело у нее в мозгу, кружа голову. Потом все враз прошло, в ноги, в руки, во все тело волной залилась прежняя сила, она заскочила в кошовку, почти на месте поворотила повозку и погнала мерина, точно хотела догнать уже умчавшуюся с глаз бречку.

В Романовке о Победе знали. Не было в деревне ни телефона, ни радио, единственный на село батарейный колхозный радиоприемник еще в начале войны был сдан властям, и время еще стояло раннее, а весть эта каким-то образом все равно достигла до крохотной, застрявшей в холмах деревушки, может быть, птицы на хвостах ее принесли. Первой, кого Катя Афанасьева увидела, влетев в Романовку, была Василиха. Вечно угрюмая, всегда сторонившаяся людей, она на этот раз бросилась из переулочка наперерез Катиным дрожкам, и едва та натянула вожжи, с рыданием повисла у нее на плечах, без конца повторяя:

— Катенька, дождался! Катенька, дождался...

— А все... все знают? — зачем-то задала Катя глупый и ненужный вопрос.

— Да неужто ж нет?! Все работу седни побросали. Вон, гляди, каждый печет-варит... Гулять бабы собираются.

Тут лишь Катя заметила, что почти все трубы в деревне в это неурочное время дымилась.

...Гуляли возле колхозной конторы, ставив на чистый воздух столы, скатерти, табуретки, тут на молодой майской травке и собрался весь колхоз. А всех-то было десятка с три-четыре баб да подростков, а среди них всего два мужика — Петрован Макеев да старый-престарый дед Андрон.

Поначалу пришлось сказать несколько слов Кате, как председательнице, она от волнения вовсе и не соображала, что надо говорить, и, расплескивая мутный самогон из стаканчика, роняла неумелые и, как ей казалось, совсем случайно приходившие на ум слова:

— Светлый день, бабоньки родные, вот и настал. Жутко и подумать, что перенести довелось! Мужики там клали свои жизни... У меня вот отец да Степан Тихомилев... И у каждой семьи, почитай, такое ж горькое горе. А мы тут с вами пластались до смерти, до потери рук и ног каждый день. Спасибо вам всем за такую работу, какая и хлеб, и молоко, и мясо фронту давала. Хоть и мало нас, а тоже помощь посильная наша фронту была. Поздравляю вас, бабоньки... и, конечно, тебя, Андрон Игнатьич, с Петрованом Макеевым с долгожданной Победой над проклятым фашистом!

После первых рюмок за столом поднялся бабий рев — самогонка, ударив в голову, разжала у каждой сердце, где таилась через силу сдерживаемая боль от безвозвратной потери мужей, сыновей и братьев, и боль эта у каждой растеклась по всему телу. Плакала и Василиха и кладовщица Легостаиха, но эти двое больше от радости, что у первой остался в живых муж, а у второй хоть единственный сын. Но и эта их радость больше была тревожная и мучительная, каждая спрашивала сквозь слезы у Кати: «Уцелели али нет они до седни? Последнее письмо-то написано месяц назад было... Слышь, Катерина? Скажи ты, скажи!» Спрашивали так, будто именно от Кати зависело, чтоб за последний месяц войны с мужем Василихи и сыном Легостаевой ничего не случилось. Катя понимала, что им нужна была надежда, с которой они мучительно будут жить до следующего письма, что они сознавали — надежду эту никто им дать не может, но спрашивали так, чтоб хоть немного обмануть самих себя уверенностью других, что муж и сын останутся живы. И Катя отвечала:

— Живые останутся. Всю войну прошли, а тут какой-то месяц.

— Спасибо, Катенька. Сердешная ты душой у нас...

Долго еще бабы обтирали с распухших

щеки соленые слезы, но постепенно та же самогонка, наваренная, оказывается, к ожидаемому этому дню чуть не в каждом доме, всколыхнувшись боль и притупила, отодвинула на время, за столом все больше и больше поднимался беспорядочный говор, слышался смех, другой. И вот на дальнем конце стола кто-то затянул извечно грустную человеческую песню:

Во саду при долине
Громко пел соловей...

* * *

Ни капли не выпили в этот день во всей Романовке, пожалуй, только два человека — дряхлая Федотья Пилюгина да ее сноха Лидия. Федотья, когда бабы за столом расшумелись и распелись, выползла из дома, постояла на крыльце, опираясь на свою клюку. Потом она спустилась по ступенькам, втыкая костыль в землю, двинулась к конторе. Близко к столу она не подошла, остановилась поодаль, опять долго стояла недвижимо, холодно и ядовито глядела на пьяненьких женщин. Все бабы и сама Катя Федотью видели, но к столу ее не позвали, никто не повернул даже в ее сторону головы. Будто и стояла она неподалеку, а будто ее там и не было. Поставив, она повернулась, побрела к дому, постукивая палкой, взобралась на крыльцо, захлопнула за собой дверь.

А Лидия Пилюгина с весны опять пастушила, как всегда, до солнца она выгнала сегодня за холмы стадо, у Кати несколько раз до вечера мелькало, что в полях людей снует много, кто-нибудь там на пастбище и скажет ей о Победе, и Лидия не вытерпит, погонит табун в деревню. Катя время от времени поглядывала на седловину меж холмов, по которой обычно спускалось стадо. Но оно не появлялось.

Когда Пилюгина на закате пригнала коров, Катя, тотчас прибежав на ферму, крикнула:

— Лидия! Война ж закончилась! Победу объявили.

— Слыхала еще в обед.

— Наши-то вон бабы все загуляли сразу, не удержать, — кивнула Катя в сторону конторы, откуда все еще доносились пьяные голоса. — Я думала, и ты пригонишь табун. Да и пригнала бы, такой ведь день!

— Мне-то с какой радости гулять, — угрюмо ответила на это Лидия.

Еще час или два назад пьяненький дед Андрон подошел к Кате и сказал ей:

— Боюсь, что коровенки нынче останутся недоеными. Ишь они, доярки-то, какие. Катя кивнула и ответила:

— Пушай уж. Как-нибудь вдвоем с Лидией нынче выдоим. Попрошу ее помочь.

И теперь вот она, споласкивая под рукомойником руки, просить ее об этом боялась. Катя тоже несколько рюмок выпила, в голове немного шумело, и ей казалось, что Лидия в ответ на ее просьбу буркнет что-нибудь так же угрюмо и зло да и пойдет прочь. А одной ей тут до полночи возиться. Однако, едва она заикнулась об дойке, Лидия сказала:

— Ну, так что ж... давай подойник.

С тех пор, как погибли в огне дочка Данилы Афанасьева да сын Тихомилова Степана, Лидия и сделалась угрюмой. Дело делала любое, как и раньше, а разговоров лишних не разговаривала и по возможности Кати сторонилась.

Вот и теперь целых два часа сидела под коровами молча, молчком же помогла составить фляги с молоком в погреб-ледник, где оно всегда до утра и хранилось, а утром по холодку отправлялось в Березовку на «молоканку», то есть на маслозавод.

Так ни слова не вымолвив, она вымыла подойник после работы, поставила его на место и, не попрощавшись, ушла.

Еще похлопотав на ферме, Катя тоже побрела в деревню. Накатилась уже ночь, светлая и теплая, на небе высыпали крупные звезды, над Романовкой стояла тишина. Возле конторы давно уже никого, кроме Марии, не было, та при свете керосинового фонаря убирала со столов чашки, тарелки, стаканы и кружки, складывая все это

в большую корзинку, а в ведро сыпала остатки пищи.

Подойдя, Катя присела за краешек стола, положила перед собой усталые руки. От двухчасовой дойки ладони постанывали, а пальцы совсем не чувствовались, были как деревянные.

— Управились? — спросила Мария, не прекращая работы.

— Тут-то чего, все ладно кончилось? — вместо ответа проговорила Катя.

— Да ничего. Все на своих ногах уперлись, — сказала Мария, кивнув через плечо в сторону улицы. Дома вдоль нее стояли во мраке, будто тоже, как вот Катя, усталые, притихшие, окна светились редко где — погуляли их хозяйки, поплакали, попили, отвели души на радостях, а завтра чуть свет каждой на работу, да еще сегодняшние дела завтра же все доделать надо.

— Петрован-то по старой памяти не шибко перебрал?

— Не-е. Да он, как ты ушла на ферму, тож вскорости поднялся, детей, говорит, укладывать идти...

Как засудили Михаила, Петрован Макеев строго соблюдал свой зарок, ни разу и капли в рот не взял и сегодня, сев за стол и увидев перед собой кружку с самогоном, вопросительно поглядел на Катю. Она кивнула и проговорила: «Да в такой-то день чего ж...» С первого заряда он отпил половину, а потом лишь чуть отхлебывал, кружка так и стояла перед ним полной. И все же, уходя на ферму, Катя сказала ему: «Без меня-то не разойдись гляди». «Да что ты, Катерина...» — обиженно ответил он и вот в самом деле ушел почти трезвый, Кате вдруг стало больно оттого, что обидела его таким предупреждением.

— В контору, что ль, поставить? — кивнула Мария на корзинку с грязной посудой. — А то ночью собаки да кошки вылизут. Утром всяк свое разберет.

— Поставь, — сказала Катя.

Счетоводиха отнесла корзинку, вернулась с тряпкой. Обтирая крышки столов, спросила:

— Когда людей-то смешить перестанешь?

Катя понимала, о чем говорит Марунька, но все же подняла на нее вопросительный взгляд.

— Так не живешь ты с Петрованом. Держишь мужика при себе, как домработника. Али квартиранта. Ни себе, ни людям...

— Откуда вам знать, живу или не живу?

— А народ, он все знает, — сердито буркнула счетоводиха.

Катя опустила глаза, помолчала. Затем вздохнула устало и проговорила:

— Не осталось где глотка самогонки-то?

— Как не остаться, — проговорила Мария и ушла в контору.

Пока она находилась там, Катя невесело думала, что действительно чудно все это у них с Петрованом. Чувств у нее к нему вроде бы никаких не было, а привыкнуть — потихоньку привыкла, было спокойно и как-то приятно слышать, что он ходит по дому, возится с детишками, делает всякие разные дела на подворье. Когда он допоздна задерживался в своей кузне или уезжал куда на поле, в душе у нее возникало что-то заботливое: чего, мол, так долго там, голодный же... А жить с ним действительно не жила, Петрован спал в другой комнате, попервоначалу Катя думала, что если он сунется к ней на кровать, то она шуганет его и с кровати и из дома так, что и дорогу сюда забудет. Но время шло, Петрован даже и намеков не делал, что хочет к ней под одеяло, и однажды у Кати обиженно мелькнуло вдруг: да чего она, не баба, что ли? Такая обида на него мелькнула один только раз и больше никогда не приходила, но она теперь нет-нет да подумывала: а все ж таки рано или поздно, все равно он... Как ей тогда поступить с ним?

Но этого она не знала и до сего дня.

Так вот они и жили под одной крышей, не муж и не жена, не родные, да будто и не чужие теперь. Вроде созревало иногда у Кати решение: уходи, мол, Петрован, хватит в самом-то деле потешать людей, но в

последнюю минуту высказать ему это духу не хватало. Не хватало, может, потому, что люди, как ни странно, над их отношениями вовсе не потешались, сплетен и пересудов об них никаких не ходило, уж об этом Катя бы знала. И что всего удивительнее — люди в самом деле, как и уверял кузнец, потихоньку привыкали к мысли, что Фроська самая настоящая Петрованова дочь. Лишь попервоначалу Федотья Пилюгина пробовала было звонить прежние: «Ишь придумал чего, присвоил, бес колченогий, дитя чужого, Артемушкина дочь это, все едино отберу...» Подобные слова Пилюгина почему-то выкрикивала чаще всего перед молчаливой Василихой, но та слушала-слушала, да и огорошила однажды Федотью: «А заткнула бы ты хайло-то свое. Народу лучше тебя знать, от кого у ней дочь».

С тех пор и Федотья умолкла. И в метриках стояло отчество Катиной дочери — Петровна. Так требовал записать Макеев, да он же в сельсовете, когда ездил с Катей регистрировать ребенка, и назвал имя отца, а она не возразила...

Мария вышла из дверей конторы с бутылкой, двумя гранеными стаканами и чашкой, в которой лежали соленые огурцы да краюшка хлеба. Катя сама налила — Марии побольше, а себе треть стакана.

— Ну, Маруня... Еще раз с долгожданным праздником.

Зажевав едкую жидкость, они помолчали. Сидели друг напротив друга и молчали, будто слушали ночную деревенскую тишину.

— А все же таки, Катерина, решайся, — проговорила наконец Мария. — Мужик он славный, пить вот бросил. Кого тебе ждать-то?

Катя никак не откликнулась на эти слова, еще посидела недвижимо, затем устало разогнулась.

— Ладно, пойду я.

Пока шла до дому, под черепом у нее все долбило и долбило: «Решайся... мужик он славный. Кого тебе ждать-то? Кого ждать... Кого?!» И то ли от этих звенящих в мозгу Марунькиных слов, то ли от глотка самогонки голова у Кати стала сильно кружиться. Вся ее усталость куда-то исчезла, тело сделалось легким, кожа на лице, на груди, на ногах — она это почувствовала — взялась горячим жаром. «И решусь я! Кого ждать? Некого... Давно, дуре такой, решить надо было... А не мучить мужика», — лихорадочно мелькало теперь у нее.

Последние метры до дома она уже не шла, а бежала, дверь в сенцы распахнула, а закрыть не успела. По кухне, которая была и прихожей, пронеслась в два прыжка, рванула дверь, за которой спал Макеев, и тоже забыла ее закрыть.

— Петрован!

Он, видимо, не спал, а просто лежал в темноте, потому что сразу откинул одеяло и сел на кровати.

— Петрован! Петрован! — Она опустилась перед ним на колени, уткнула голову в его горячие ноги и зарыдала.

— Да ты чего... Катерина? Детей пробудишь... — растерянно проговорил он.

— Дура-то я какая, Петрован! — Она схватила в темноте его жесткие, пахнущие железной окалиной руки, прижала их, обливая слезами, к своему лицу. — Мне бы давно решиться! А я тебя истерзала. Руки-то у тебя какие... золотые же!

И она стала целовать его ладони.

— Погоди ж, Катерина! — выдохнул он. — Ты ж спьяна все это.

— Не спьяна! Завтра в сельсовет поедем... Ты понял? Понял?

Тут только руки его дрогнули, он провел ими по мокрому Катиному лицу, по горячеей ее шее, крепко сжал ее за плечи.

— Катерина! Катя...

— Ага, ага... Родимый!

Он хотел встать, но она опередила, властно положила его на кровать и, лишившись голоса, без сил прошептала ему в лицо:

— Ты лежи, лежи! А я сейчас. Дверь вот прикрою...

Продолжение следует.

Тимур Сергеев.

КОМПОЗИ

Я. БЕРЛИНЕР

Фото автора

С волнением слушал я эту балладу в концертном исполнении автора. Трепет детского сердца, потрясенного хатынской трагедией, звучал в музыке. У людей, сидевших в зале, влажно блестели глаза.

Это удивительно, но балладу написал десятилетний композитор Тимур Сергеев, у которого уже более двадцати произведений.

Еще с двух лет, как заметили родители, Тимур любил слушать музыку. Вскоре он овладел инструментом, научился читать ноты.

О необычайно талантливом мальчике узнал педагог по классу фортепьяно В. М. Кузьменко. Три года он бесплатно учил Тимура, готовил его к поступлению в специальную музыкальную школу при Белорусской консерватории. Мальчик перешел в 4-й класс с отличными отметками.

Недавно я был в семье Сергеев. В доме царил хаос — перевернутые стулья, беготня по комнатам, шум, крик, пальба из игрушечных пистолетов: Тимур отдыхал со своими друзьями-однолетками. Пришлось долго ждать, пока детвора уgomонится.

Заходит разговор о музыке, и Тимур сразу делается серьезным. Рассказывает, как у него зарождаются ритмы, как возникает мелодия.

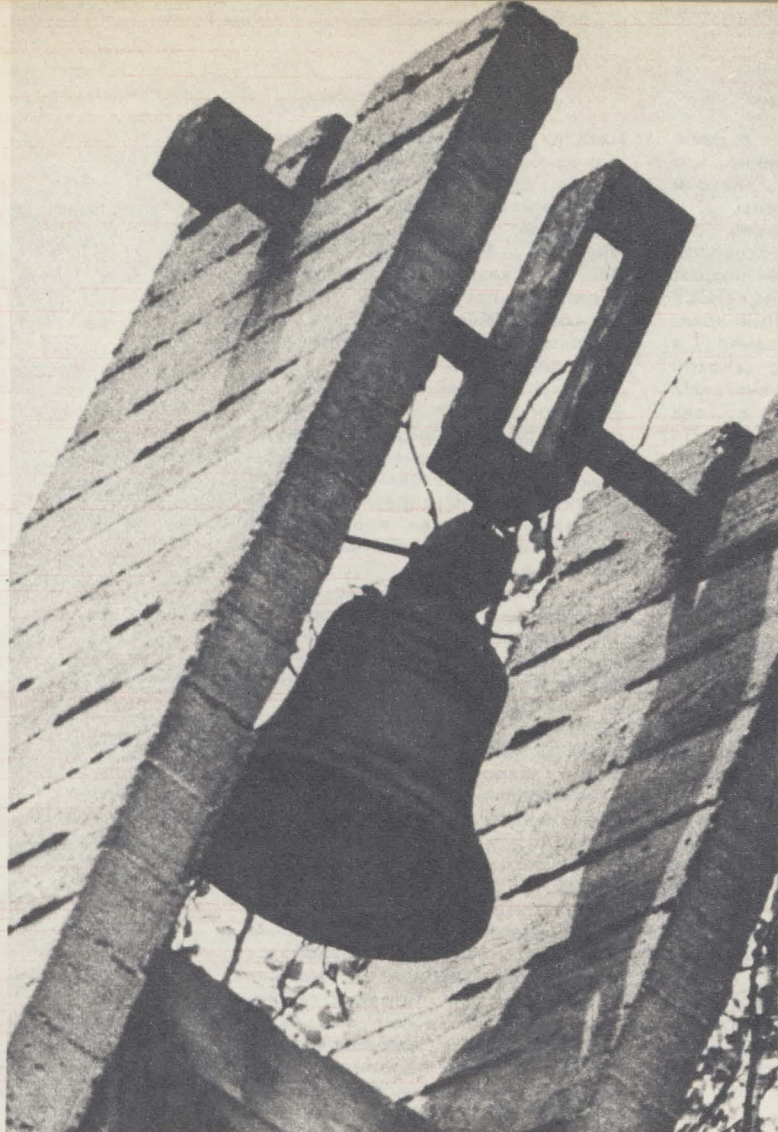
Тимур тонко разбирается в классических произведениях великих композиторов — Бетховена и Вагнера, Моцарта и Шопена. Когда мальчику было восемь лет, он успешно выступал с камерным оркестром Белорусской филармонии, с Белорусским симфоническим оркестром.

О Хатыни Тимур говорит с горечью, не по-детски задумавшись. Сколько несчастий принес фашизм взрослым и детям! Этого забыть нельзя. Это не должно повториться.

Он говорил, и мне не верилось, что передо мною десятилетний мальчик, полчаса назад так шумно носившийся с дружкойми-однолетками...

«Хатынская баллада» в исполнении композитора.

На этих колоколах высечены имена погибших.

Друзья по школе.

ТОРУ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный
корреспондент «Огонька»

Фото автора

Душанбе
меняется год от года (или, как мне кажется, от одного моего приезда к другому). Там, где каких-нибудь десять — пятнадцать лет назад я видел дувалы, глинобитные домики, полузаросшие пустыри, теперь не только поднялись здания, но и выросли парки, по виду которых никак не скажешь, что они переживают младенческий возраст. Нежно-зеленые даже в пору осени плакучие ивы с мощными, неохватными стволами, быстрорастущие долгожители — чинары, стройные тополя, неизвестные мне кусты, сплошь усыпанные лилово-розовыми цветами. Казалось, чтобы поднять этот зеленый заслон от жары и пыли, нужны годы и годы. «У нас все быстро растет — была бы вода», — поясняют душанбинцы.

Вместе с Курбанали Ибрагимовичем Наимовым, заместителем главного архитектора города, едем по улицам, знакомимся с новыми районами.

— Вот здесь будет сооружен Дворец профсоюзов, а тут встанут три двенадцатизатажных жилых дома. Первый из них уже строится...

Сворачиваем на улицу Нигмата Карабаева. Это не столько улица, сколько широкий проспект, центральная часть которого занята пыльным бульваром. А над деревьями — провода... Душанбе так вырос, что пришлось использовать территории, уже занятые. Так в черте города оказалась мощная ЛЭП. Чтобы не терять впустую землю, вырастили под линией зеленый пояс.

— В ближайшей пятилетке будет в городе ледовая арена. В парке Дружбы появится молодежный театр, детский каток, комплекс для лучников — успехи наших спортсменов в стрельбе из лука общеизвестны. Вот здесь — мы уже вернулись на улицу Ленина — возле Дома политического просвещения поднимется новое здание издательства и типографии ЦК Коммунистической партии Таджикистана, — рассказывает Курбанали Ибрагимович.

А мне вспоминается фраза в одной из книг о старом Душанбе: «В 1925 году утвердили городом то, чего еще не было». Из столиц среднеазиатских республик Душанбе — город самый молодой. На его территории до Советской власти располагалось три грязных кишлака, из которых самый большой назывался Душанбе — понедельник. В этот день недели здесь собирался базар.

Душанбе бурно растет, быстро набирает мощь и силу Таджикистан в градостроительном отношении. И это не исключение, а наглядный пример расцвета бывших

российских восточных окраин. Хотя это не значит, конечно, что градостроительство идет гладко и все проблемы уже решены.

Заместитель председателя Госстроя Таджикской ССР Всеволод Глебович Веселовский — лауреат Государственной премии СССР имени Рудаки, заслуженный архитектор республики — поднял в местной печати вопрос: «Какой быть архитектуре Таджикистана?» Развернулась дискуссия, до сих пор сталкиваются мнения. Но вывод один: как можно меньше должно быть обезличенного строительства. Разумеется, одними дворцами город не заставишь. А вот типовые здания... Архитекторы дают проекты, пытаются по возможности разнообразить облик домов и кварталов, но это их стремление подчас упирается в инертность строителей, нежелание изменить методы работы. Есть, как и в других городах, некоторая распыленность сил по объектам, затягивается незавершенное строительство. Уже более десяти лет возводят в городе крытый рынок, здание давно стоит, но когда в него войдут покупатели? А киноконцертный зал? Сооружение его затянулось также на долгие годы. Душанбинцы шутят, что, наверное, даже сами авторы проекта забыли, как он должен выглядеть...

По одной из разросшихся улиц Душанбе — улице Путовского, мимо новых магазинов и административных зданий, мимо новых микрорайонов города и далее по Гиссарской долине мчим в город, недавно названный именем замечательного поэта — Турсунзаде (бывший Регар).

Хлопковые поля плотно обступают дорогу. Серебрятся опоры высоковольтной линии, тугие, налитые энергией, провисают провода. Откуда они тянутся и куда? Мне приходилось бывать в Нуреке в разное время. В жару, в облаках пыли работали экскаваторы, с надрывным воем поднимались из котлована мощные МАЗы со скальной породой. Позже я видел первую воду, прошедшую по отводным туннелям и первую воду, принятую водохранилищем. Встало здание станции, был пущен первый агрегат. И вот оно — завершение. Станция вышла на полную мощность — два миллиона семьсот тысяч киловатт — на год раньше срока.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в недавнем приветствии строителям, монтажникам, машиностроителям, проектировщикам, всем участникам сооружения Нурекской ГЭС сказал:

«Отрадно отметить, что Нурекская ГЭС наряду с выработкой дешевой электроэнергии позволила щедро оросить хлопковые поля трех братских республик и почти полностью возвратила народному хозяйству затраченные на ее строительство средства». Провода от Нурека тянутся туда, где за полями, у самых гор поднимаются огромные корпуса, высятся трубы, прочерчивают дуги в синеватой дымке строительные краны. Проносится у дороги бетонная буква «А» и надпись: «Таджикский алюминиевый завод». Предприятие — основной потребитель энергии Нурека. Завод со временем будет одним из крупнейших не только в Таджикистане, но и в целом регионе. Завод уже дает

металл, но от таджикских металлургов ждут еще больше продукции, и ведется сооружение все новых и новых цехов.

Главный инженер предприятия Анатолий Никанорович Курохтин, рассказывая о заводе, говорит, что предприятие работает по совершенной технологии. Это уменьшает вредные выбросы в атмосферу, что жизненно важно для окружающей долины. Металл уже сейчас идет хорошего качества — три года продукция завода отмечается заветным пятиугольником. И опять сетования в адрес строителей: не справляются, не осваивают средства, плохо обстоит дело с «соцкультурным».

В самом только Турсунзаде, кроме алюминиевого, сооружается еще и завод фарфоровый. Алюминиевое производство — почти «чисто» мужское, поэтому необходимо и другое предприятие, чтобы занять женщин.

Первый секретарь Регарского райкома партии Муратали Сафарович Табаров говорит:

— Население района растет, естественный прирост у нас ежегодно около пяти тысяч человек. В сельском хозяйстве новых площадей не предусматривается, да и на старых за счет механизации будут высвобождаться рабочие руки. Вот они-то и понадобятся двум новым заводам так же, как и производство потребуется им. Школы района каждый год оканчивают по две с половиной тысячи человек. Они пополняют в основном заводские коллективы.

Возле алюминиевого — небольшой «городок»: несколько зданий, бассейн с фонтаном во дворе, мастерские. Это профессионально-техническое училище — ГПТУ-59. Готовит оно электролитников — основная профессия на предприятии, машинистов крана, электрослесарей, ремонтников и других специалистов, необходимых растущему производству. Директор ГПТУ А. Ш. Шаймарданов приглашает в классы. Хорошее оборудование, наглядные пособия, макеты. Деловая обстановка и заинтересованные лица ребят. Есть здесь и русские, и узбеки, и таджики. Ребята из города и из кишлаков. В кабинете химии бойко отвечает на вопросы Фархот Рафиев, учащийся отделения слесарей-ремонтников. Он садится на место, и я узнаю, что это училище окончил и его брат Рустам, а Карим тоже уже работает в литейном цехе. У Фархота есть еще братья и сестры, — как и большинство семей в Таджикистане, особенно в селе, эта семья большая. И наверняка Фархот не последний из семьи, кто пришел в эти классы...

Мы покидали Регар — Турсунзаде в понедельник. Краски осени уже тронули зелень долины, ветви в садах тяжелели от плодов — гранатов, груш, желтели собранные дыни. Размахивая портфелями, брели веселыми компаниями по обочинам шоссе школьники, смеялись, задирали девчонок. Для них понедельник был обычный счастливый день...

Душанбе — Турсунзаде.

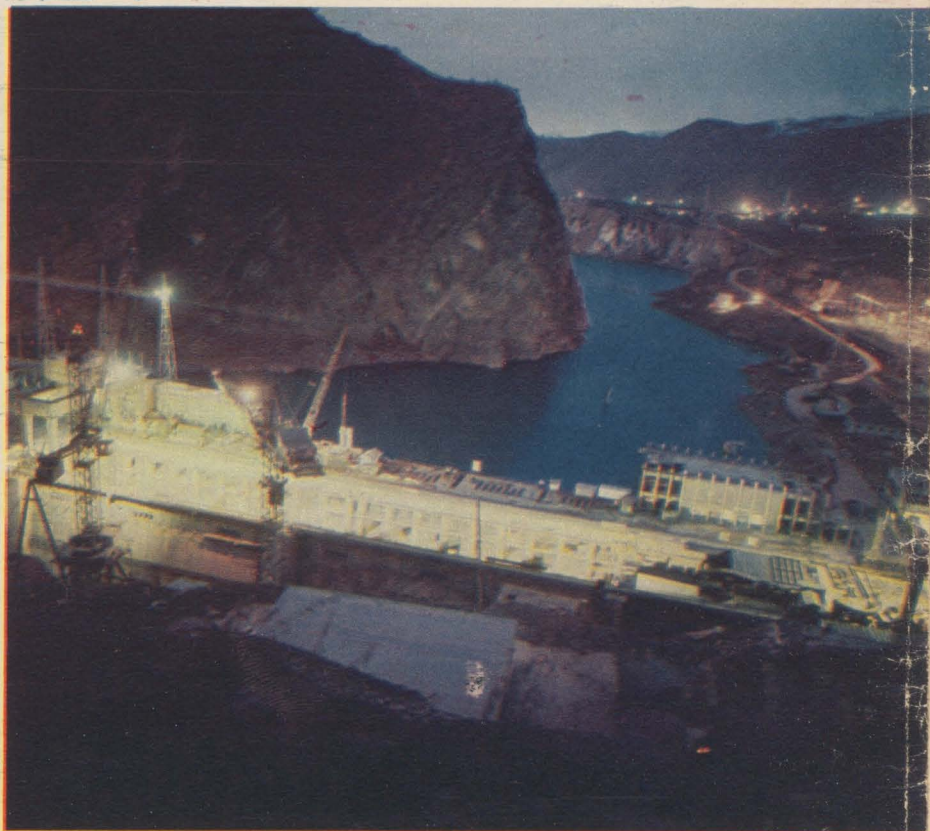
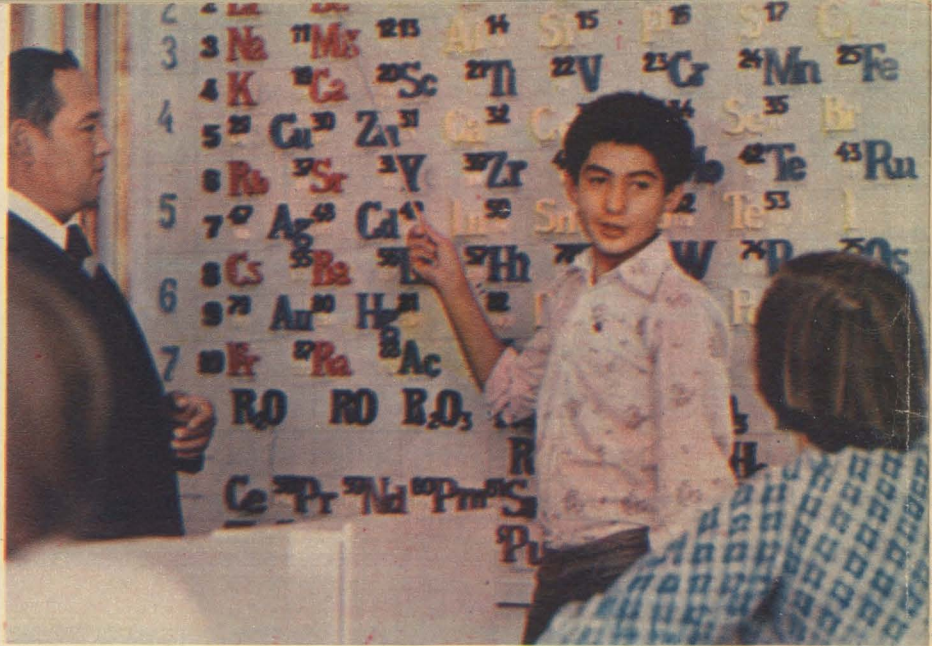
Комплекс памятника Садриддину Айни недавно украсил столицу Таджикистана. Авторы комплекса скульптор О. Эльдаров, архитекторы — Р. Каримов и А. Агаионов.

ПОНЕДЕЛЬНИК — СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

КАКОЙ БЫЛ ДОЛГИЙ ГОД

3

Он проснулся от плеска воды. Кто-то совсем рядом, шагах в двадцати, до неосторожности громко, непугано переходил вброд речушку. Дерябин перекатился на живот и чуть было не вскрикнул, почувствовав, как больно закололо в паху, — видимо, остудился на холодной земле, — вцепился рукой в камень. В конце косы, у самого завала, по колено в воде стояла косуля. Вспугнутая резким движением Дерябина, она высоко взвилась, перемахнула через осклизлые бревна. Дерябин швырнул камень вслед, промахнулся. Косуля врубилась в дудковые заросли, и с громким щелчком ломая их, понеслась в чащобу, живой, шевелящийся след пополз по верхушкам дудок.

Дерябин досадливо ударил кулаком по гальке, крепко зажмурился, чувствуя, что из глаз вот-вот вырызнут слезы, но не дал им воли, окоротил. Он понимал, что нельзя раскисать, что надо держаться и держаться, если уж на то пошло, до последнего, — его ведь ищут, ищут и обязательно найдут: сегодня, завтра, послезавтра — неизвестно когда, но обязательно найдут. А вертолет, тот, наверное, уже давно нашли. И ребят нашли...

Его сбил с пути кедровый лес, в который он попал, — ведь по солнцу хорошо ориентироваться, когда идешь по степи, по долам, где все небо как на блюдечке преподнесено, все изгибы, все извилины видны, не говоря уже о светиле, а в плотной тайге, в которой деревья стоят часто и каждое — не в обхват, за облака цепляется, на двадцать метров от земли вверх ушло — ни одного сучка, гладкие, литые стволы, скользкие от пренеющей в духоте коры, — тут не особенно-то сориентируешься, тут ты слеп, как кутенок-однодневка.

Вот Дерябин и сбился, и промахнулся стороной избушку дяди Миши Поросятникова, и третий уже день плутает по тайге, пробавляясь ягодами да рыбой — подножным кормом, словом. Вот такие-то невеселые дела...

Он поднялся, на коленях подполз к кромке косы, зачерпнул рукой воды и, болезненно щурясь, с полминуты смотрел, как на темном фоне измазанной грязью и костерной копотью ладони колышется, смещаясь и кривясь, его собственное отражение: обросшее, с клочковатой щетиной лицо, остро ввалившиеся подкулья, губы, пухлые от комарьих укулов, исчерченный морщинами лоб — в общем, ничего хорошего... На черта ты, Дерябин, стал похож! Он слил воду с ладони, потряс пальцами, словно ожегся, зачерпнул снова, плеснул студию в лицо, протер глаза.

Солнце уже вскарабкалось довольно высоко, хотя времени было не много — примерно половина шестого утра. Дерябин сел верхом на корягу, подумал, что неплохо было бы и покурить вместо завтрака, и тут же растрепанно крикнул — в тайге, черт возьми, нет табачных киосков, — помотал головою; ларьков-то нет, это верно, но вот наскрести щепоть старого, перемешанного с хлебными крошками табака можно. В карманах, в сусеках, в швах, в заплатах материи наверняка кое-что сохранилось. Хотя он приберегал содержимое этих сусеков на самый крайний случай, когда станет совсем невмоготу, когда без курава человек готов впасть в висельное состояние... Он поколебался немного, потом махнул рукой, решив, что этот «самый крайний» наступит,

пил, достал из куртки записную книжку, оторвал аккуратно листок, потом осторожно вывернул уголки одного кармана — набралась щепоть табачно-хлебного месива. Твердые, почти каменные крошки хлеба он выбрал и сыпал в свернутый из листка кулек, потом вывернул другой карман... Через полминуты он скрутил неуклюжую, короткую, расклеивающуюся по шву самокрутку, запалил ее, растянул довольно рот, привычно ощутив, как во рту пленкой начал оседать терпко-горьковатый привкус табака, утоляющий голод, истому, все слезное, беспокойное, что накопилось в нем.

Сколько же еще он сможет бродить-плутать по тайге? Где предел возможностям человеческого? В принципе с грехом пополам можно держаться и на подножном корме, но... Спички кончатся, соль кончается, батарейка в фонаре почти что полностью села — так скоро и сказочка может кончиться. Вот такие-то дела. Значит, недолго...

Он докурив сигарку и, когда от нее остался лишь маленький обслынявленный клочок бумаги с обгорелыми краями да несколько табачных крупинок, от которых проку все равно нет, без сожаления швырнул обсосок в воду.

— Все, — произнес он вслух, потом, поразившись обиженной беспомощности этого слова, досадливо поморщился...

Где же находится избушка лесника Поросятникова — на западе, на востоке, на севере, на юге, где? Где могут располагаться ближайшая деревня, поселок или город, а? Куда идти? В сторону, откуда появляется солнце? На восток? Или на запад, куда солнце закатывается, где земля изгибается горбиной? Ну, куда? Выбраться бы на хоженую тропу, на малую дорогу, а там он найдет людей, доцарапается до них. К людям! Люди... Какое это все-таки хорошее, какое доброе слово... Дерябин поскреб щетину на щеке, схлебнул слюну, печально усмехнулся. Надо все-таки идти на восток, откуда выплывает эта вот косо повисшая в небе, раздобревшая краяха.

Далеко на востоке, за гольцами — это было видно в прогал между двумя каменными стенами — чернела гряда горелых сопков. Пожар, надо идти туда.

Он перешел вброд речку, приблизился к зарослям дудок, подскочил к сапогам два ствола, двинулся дальше — в ноздри шибануло грибами, теплой пренеющей землей, мокротью, мелькнул пружинистый хвост испуганной гадюки, показавшись и тут же исчезла большая ящерка с обломанной у самых ног репкой. Под ноги Дерябин не глядел, тут стрелку-медянку не встретишь, она обычно водится на открытых местах, на тропах, он старался не упустить путающееся в метелках верхушек солнце, его лезвистые лучи, остро кусающие глаза.

— Выше фотокарточку, приятель, — произнес он на ходу, хриплым, отечным голосом, усмехнулся убогой банальности этой фразы: ни уму, ни сердцу такое утешение. Но тем не менее продолжил, поскольку его подбадривал звук собственного голоса: — Держись, казак, атаманом будешь. Загнаться тебе права никто не давал. Па-анятно?

Он закашлялся, умолк, стер на ходу слезы, выступившие от кашля.

— Держи портрет бодрее, керя, — сказал он напоследок и умолк.

Чем же сейчас занимаются его близкие? Ну, например, Тоська, шестилетняя дочка. Тоська сейчас, конечно, спит, раскинув руки в кроватке, толстощекая, посапывающая, — в его родном городе, где он родился, провел детство, юность, где сейчас находится его дом, время еще ночное, разница в целых четыре

часа. А что делает сейчас Тоська-старшая? Дерябин приподнял плечи — или же спит, или у себя в общежитии по учебникам шурует, к перекламенке готовится, или же в поздней компании находится, сидит и молча курит, к разговорам прислушивается. Тоська-старшая обижена на него, обижена за то, что не взял с собой в тайгу, за свинское его поведение — за многое обижена.

Но не мог он ее взять с собой, не мог! Во-первых, зачем ей лишний риск в жизни; во-вторых, непонятно, как быть с перекламенкой... Есть еще и в-третьих и в-четвертых...

Задание, с которым дерябинский вертолет перебрасывали сюда, на восток, в тайгу, было несложным и, как сказал на прощание командир отряда, «особого ума не требовало» — подсобить картографам в замеры тайги, в уточнении всех ее изгибов, петель и поворотов.

И надо же было случиться, что в полете оказалась машина...

Когда он все-таки доберется до дома, то первое, что сделает, — бухнется перед Тоськой-Тосей-Таисией-старшей на колени и обязательно напомним ей о первой встрече. О встрече второй он тоже напомним...

4

...Часто самолеты падают? — повторила свой вопрос девушка.

Лалин еще раз хмыкнул, отер толстой, обрызганной кустиками пуха рукой взмокший нос, возвел глаза куда-то под потолок, собираясь с мыслями; Дерябин же поерзал на продавленной шляпе табурета-винта, отхлебнул немного кофе, произнес твердым размеренным голосом:

— Нет, дочка, не часто... Часто только звезды падают. — Подумал, что он слишком молод еще, чтобы называть эту девушку дочкой, и что в таком обзыве кроется грубость, нарочитость, тут что-то от хиппи, непристойное, неряшливое, потом махнул рукой: «А-а, обойдется! Подумаешь, фифа, непристрога какая! И вообще пусть не лезет с расспросами, когда видит, что людям не по себе».

— Простите, но у вас такой вид, словно что-то произошло...

— Ничего, дочка. Ничего не произошло. Ничего особенного. Считаю, что мы ведем сугубо служебные разговоры.

Лалин же, видя, что его вмешательство не потребовалось, заказал еще по пятьдесят коньяка и по бокалу апельсинового сока — кофе второй раз брать не отважился, Дерябин кивнул на прощание девушке — видите, мол, делом заняты, — повернулся лицом к стойке. Потом он еще долго чувствовал за своей спиной часто мигающие обиженные глаза — два окошка-хлопунца с хорошо смазанными ставнями, в зрачках такой наив, неприкрытый, без примесей, что... В общем, владельцы таких чистых мордашек и таких глаз обычно верят всему-всему; скажи, что на простой «прылке» можно слетать на Луну, только надо преодолеть потолок, при котором исчезает сила земного притяжения и начинается невесомость, — поверят и такому вранью и ни на минуту не усомнятся.

Когда они с Лалиным выходили из бара, у Дерябина было ощущение, что он повстречается с девушкой еще раз, вот только когда и где — неизвестно, но повстречается обязательно.

Дерябин действительно встретился с ней еще раз — два дня спустя, в дождливую субботу. Он стоял под козырьком кассы кинотеатра в

Окончание. См. «Огонек» № 44.

бушующей, пьяно качающейся очереди, безуспешно пытаясь добыть себе билет на «дефицитный» фильм, как вдруг увидел ее под дождем, тоже сшибающую лишний билет у счастливых, спешащих в кино. Он выскочил на дождь, схватил ее, удивленную и упирающуюся, за руку, потащил под козырек.

— Вы? — узнав, спросила она тихо.

Он кивнул, посмотрел на нее несколько виновато, вдруг остро на самом себе ощутив обиду, нанесенную ей два дня назад, ощутил еще что-то горькое, тяжелое, беспмятное, — вроде бы беда на него обрушилась.

Она, старательно стряхивая с волос капли дождя, некоторое время рассматривала Дерябина молча, сосредоточенно и серьезно. Потом, старательно вытерев руку о плащ, протянула худенькую, сложенную рыбешкой ладонь.

— Тоська. Это меня так девчата в общежитии зовут. А вообще — Таисия.

Дерябин вздрогнул от неожиданности. Его дочь тоже звали Тосей, Тоськой-Таисией. И в этом случайном совпадении он уловил для себя нечто весьма важное, весомое, что поможет ему в личной жизни, расставит знаки препинания, все точки, запятые, кавычки, восклицательные знаки...

Полтора года назад он разошелся с женой, и, согласно решению суда, Тоську оставили с отцом — не отдали девушку матери, доверили Дерябину. Он вызвал из деревни бабушку, организовал детсад на дому — дочку надо было воспитывать. Примерно через год Дерябина стали донимать приступы одиночества — долгие, изнурительные, от которых не было лекарства, и ни общение с людьми на работе, ни новые знакомства не помогали. Он понял, в чем дело, понял — и стал искать человека — единственного, неповторимого, до слез, до спазм, до сердечного останова необходимого...

Тот дождливый вечер прошел незаметно, быстро, одним мигом, и Дерябин удивился, когда, взглянув на часы, увидел, что стрелки показывают уже половину двенадцатого ночи. Остановив на пустынном проспекте такси, он долго уговаривал водителя, чтоб тот за большую, почти тройную плату подкинул до студенческого общежития, где обитала Тоська, и которое, кстати, без четверти двенадцать закрывалось; а толстую угрюмую старуху вахтершу было трудно чем-либо прошибить: после двенадцати она не открывала дверь ни на какие отчаянные стук — видимо, в этом усматривала главный смысл своей работы.

Успели! Договорились, что через день Таисия-Тоська ему позвонит. Но назавтра Дерябина, к сожалению, вызвали в отряд, приказали собираться в спецрейс, и таким образом сеанс телефонной связи состоялся у них только через неделю. Он услышал в телефонной трубке далекий тоненький голосок, едва слышимый, словно Тоська находилась по ту сторону земного шара, голос ее он сразу узнал и, обрадовавшись, с полминуты бормотал в телефонную трубку разные односложные фразы.

Через два месяца он сделал ей предложение. Они сидели вечером в кафе, глядя, как несколько пар выделывают замысловатые па под звуки небольшого оркестра. Медлительный Дерябин, который на всякие твисты, шейки, прочие быстрые позы танцоры мог смотреть только со стороны, сожалеюще качал головой да недоуменно пожимал плечами, когда очередной кавалер подходил к их столу, чтобы пригласить Тоську, а Тоська отказывала, и Дерябин, жалея ее и себя, требовал каждый раз у официанта очередную бутылку сухого вина и пил его, как воду, стаканами. Когда же один танец все-таки выдался нормальным, без умопомрачительной, делающей человеческое тело тощим, быстроты, Дерябин встал и, трезвый, как стеклышко, словно не было выпитого вина — хмель улетучился в считанные секунды, — пригласил Тоську на испотанный ногами пятачок. Он танцевал, неуклюже обхватив ее спину широкими ладонями, и испытывал приступы нежности и жалости к этой худенькой большеглазой девушке, понимая, что Тоська — именно тот человек, которого он искал — искал, искал и вот наконец повезло — нашел...

— Таисия! — прокричал он, стараясь пересилить медленный грохот оркестра. — Тося, выходи за меня замуж...

— Прямо так? Без объяснений в любви? — с

серьезным видом спросила Тоська. — А разве так можно?

— Можно, — вдруг погрузнев, кивнул Дерябин.

— Нет, — подумав, отозвалась Тоська, — мне вначале надо институт закончить, и только уж потом замуж.

У Дерябина даже руки опустились — он не ожидал такого оборота, горло захлестнуло проволоочной петлей-удавкой, стало невозможно дышать, он налился красной густотой и выскочил из танцевального окоема, из шарканья и тягучего мленья на обочину.

Их отношения вылились в сдержанно-дружелюбную форму, встречи, и долгие и быстрые, были теплыми и каждую из них Дерябин запомнил надолго, и вот только перед самым отъездом он поссорился с Тоськой, которая заявила, что если Дерябин один уедет в дальневосточную тьмутаракань, без нее, то... Словом, она не знает, что сделает с Дерябиным, она побьет его, она навсегда с ним рассорится, она... Несмотря на предупреждение, Дерябин улетел один, улетел со смутным чувством, что произошло что-то непоправимое...

5

Испачканный донельзя, с черным ввалившимся ртом, Дерябин с камнем в руке подбирался к большой, крикливой цвета сойке, с тупым усердием склевывавшей задохлыша-живца, угодившего ей на глаза. Подобрался поближе, он с обмершим сердцем прицелился потщательнее, стараясь унять дрожь, потом с тихим всасывающим сипом метнул камень в птицу. Повезло — попал точно в голову — сойка взбрыкнула лапками, подергала ими в воздухе и хлопнулась наземь. Привалившись спиной к высохшей лиственнице, Дерябин быстро ошипал птицу, потом запалил костерок, поджарил сизоватую, в крупных пупырышках тушку.

В этот же день у него кончилась соль — на сойку он истратил последнюю щепотку.

Он долго отдыхал у листоватого тулова, подставлял лицо, руки, шею теплу, стараясь думать о городе, о людях, которые его ждут, но это было нелегко — думать о сытой жизни, когда силы уже на исходе, когда трудно сделать лишнее движение, когда все предметы разрисованы черной краской. В кармане он нашупал записную книжку, выдрал двойной листок, твердым обломком уголька нацарапал несколько строк. «В квадрате 15—28 потерпел аварию вертолет. Есть раненые. Пришлите срочно помощь». Он не мог дать себе твердого объяснения, зачем написал это послание — ведь он еще жив, не погиб, он существует, чувствует, дышит, — записки царапают, когда безглазая уже косою по пяткам стрижет, когда холод смерти уже опалил внутренности, и сожжены все мосты, и нет дороги назад.

Дерябин подышал на пальцы, словно согревал их, усмехнулся коротко, ожесточенно, неверяще, сунул записку в нагрудный карман куртки, продел пуговицу в распах петли — записную книжку теперь свободно можно будет пустить на растопку, а эту бумаженцию, послание это, надо будет обязательно сохранить. Он похлопал рукою по карману, скосил уголки рта — ведь мало ли что может случиться, надо быть готовым ко всему, — и к встрече с безглазой тоже...

Он завозился на земле, отталкиваясь спиной, лопатками, локтями от листоватого когтя, посмотрел на расплавленную горбуху — солнце уже висело над самой головой, жарило беспощадно, — пришел полдень. Какие сутки он бредет по тайге? Пятые, шестые? Счет дням он, честно говоря, потерял. Дерябин двигался теперь на восток, не меняя направления — на востоке, он знал, сквозь тайгу была проложена асфальтовая нитка, соединявшая золотые разработки с областным центром. А потом, на востоке, — осталось идти уже совсем немного, — протекала большая судоходная река. По ней туда-сюда косяками ходят буксиры, толкачи, баржи. Стоит добраться до берега, как его тут же подберут.

С четверенек он поднялся на цыпочки, потом с трудом встал и, заваливаясь всем телом на суковатую, железной твердости палку, вырубленную три дня назад, двинулся на восток, к черной гаревой полосе, которую увидел в прогал между двумя каменными стесами, ког-

да промышленная хариусов в бурной таежной речушке. Тогда полоса казалась далекой, но не настолько, чтобы до нее было несколько дней тяжелого ходу по согкам, долам, галечным откосам, по удушливой, забитой гнилью чащобе. Вон как далеко было видно сквозь каменную расщелину.

— Нич-че-го, парень, — прохрипел Дерябин, ставя палку под углом к телу, чтобы было удобнее на нее опираться, — док-кос-тыляем. Не можем мы не док-костылять... И не в таких перепадах бывали.

Когда он вошел в гаревую полосу и случайно ковырнул палкой огромный, в толстых наростах древесных грибов пнище, тот рассыпался на глазах, подняв высоко вверх столб густого липкого пепла. А потом Дерябин вдруг увидел, как метрах в пятидесяти от него беззвучно рухнул черный, съеденный огнем кедр, одиноко высившийся на пути — страшный пожар, прошедший по этим местам, не пощадил ничего живого. Несказанно худо, щемяще сиротливо стало при виде спаленных в прах, распластанных по земле стволов и пыхающего мертвым дымом, стреляющего из-под ветра хлесткими фонтанчиками пеплового одеяла.

Дерябин прикинул, какова же ширина мертвой полосы... Ну, пять километров, ну, от силы десять... Не больше. Не обходить же пожар стороной в конце-то концов. А потом, обойти его не так просто — неизвестно еще, где обрывается полоса гари — может, огонь этот докатил до самой тундры.

К концу дня он потерял спички — схватился ближе к сумеркам за карман, а в кармане — пусто. Хотел было двинуть обратно по следу, но стало быстро темнеть, и следы, четкие, глубокие, пропали в ночной густоте, растворились — и ни разобрать ничего, ни различить... Дерябин щелкнул пупырышем выключателя, поводил вокруг себя фонарем; оглядевшись, в слабом пятне света стал разрывать пепел, по локоть окуная в него руку и нащупывая твердый земляной слой, потом подумал, что зря, бесполезно все это, придется жить без спичек, без огня. Хорошо, что хоть сойка подвернулась и теперь не так остро сосет в желудке. Над горелыми сопками висела глухая, беззвонная и ночных всплесков тишина. Все живое давно покинуло эти места.

Ночью ему вдруг приснились спички, и он, морща во сне лоб, мучительно вспоминал, какой же была коробка и свои ли спички он видит, потом вспомнил, что коробка была потеряна, с основательно ободраным серным слоем, желто-черная этикетка злоежески призывала: «Уничтожайте мух!» Под жирными, плохо прокрашенными буквами стояла надпись помельче: «Мухи переносят заразу». Да, эта спичечная этикетка надолго останется у него в памяти — наверное, на всю жизнь, как на всю жизнь застрял, отпечатался в мозгу номер винтовки по службе в армии.

...Наступили голодные дни. Дерябин повыбрал из карманов, из нитяных рубцов плесневелые дрожжинки хлеба — последнее из съестного, что принял его организм. Он переходил из одной пади в другую, огибал сопки, а когда их нельзя было обойти, шел напролом, накрепко вцепясь обеими руками в палку, задыхаясь и падая, но поднимался на ноги снова и снова двигался вперед и только вперед, жадно хватая спекшимися серыми губами воздух. Он не думал ни о чем, он почти отключился от жизни — все движения его были механическими, как у робота — и лишь в минуты отдыха он слабо удивлялся тому запасу прочности, который таит в себе не такой уж и могучий человеческий организм. Когда закрывал глаза, из глубокой жаркой тьмы всплывали две фигуры — Тоськи-большой и Тоськи-маленькой: Тоська-маленькая была одета в клетчатое шерстяное платье (сам выбирал в ГУМе), в волосах — широкий атласный бант, на губах — радостнейшая из всех улыбок, которые только знало ее лицо; Тоська-большая была, напротив, строгой и молчаливой, в глазах стыл и ширился немой, не по-женски тяжелый, жесткий укор. Дерябин встряхивался, обводил взглядом сопки, тщетно пытаясь отыскать в однообразной черноте зеленую куртину, не находил, крутил недоверчиво головой и двигался дальше. Он не помнил, какой уже по счету пошел день, когда его нога натолкнулась на что-то слабо звякнувшее. Дерябин присел на корточки, слепо пошарил руками перед собой,

нащупал старую, проржавевшую ребристую банку — это была коробка противогаса. Сюда, судя по всему, был сброшен десант пожарников-парашютистов, противогазовая коробка — их причиндал.

И вдруг ему на глаза попала зелень — нестерпимая, яркая, вызывающая оторопь, тошноту, слезное ослепление, — свежая весенняя зелень, легкая, как дым. А среди дыма Дерябин увидел гнедого коня — сытого, с блестящими крутыми боками. Он сглотнул комок слюны, подумал о конской колбасе, которой в далеком военном детстве угощал его солдат-татарин, товарищ погибшего отца. Интересно, продают сейчас такую колбасу в магазинах или не продают? И почему это ползет в сторону, кособочится горизонт, ну, почему? Он пошатнулся, но устоял на ногах. Вообще-то колбаса из конины — пища королей; не только татары ее любят — и башкиры, и калмыки, и малайцы, и индонезийцы, и австралийцы ее то-

чтоб подобрал... Он попробовал было подняться, но не смог — перевернулись и ушли в сторону сопки, тело отказывалось повиноваться. Хрипло выругался — не-ет, нас за так не возьмешь, нас не сломишь. Шум не исчезал, он был неподвижным и с прежней ровностью доносился до Дерябина — малость приглушенный, с посторонней примесью, спокойный. Значит, не вертолет, значит, не... Дерябин застонал от бессилия, от осознания собственной беспомощности, хрипя и сплевывая сгустки пепла, поднялся на четвереньки, выгнул горбом спину, ощущая непрочную тяжесть позвоночника, дивясь слабой огруженности тела, его непослушности, потом, чувствуя, что на ноги он сейчас не сможет подняться, пополз. На четвереньках, по локоть зарываясь руками в пепел, взбивая столбами пыль. Он полз, полз, полз, потом ткнулся головой в крепко сжатые кулаки, замер. Он долго так лежал, бессильный, неподвижный, прислушиваясь к бою собственного

...Со стороны кустов послышались неясные звуки. Седой вгляделся в прозрачную зелень, в ее немощь, ничего не увидел, отвернулся. Костер громко пощелкивал, выпуливал огневую дробь, дышал жаром. Седой встал, извлек из раскрытого рюкзака матерчатый кулек с крупой, отмерил немного ладонью, ссыпал в воду, отдернул пальцы от жгучих брызг. Потом ловко, в три приема очистил луковичу и большими кружками нарезал прямо в котелок.

Над сопками повис дух еды — забытый, сильный, заставляющий терять сознание. Дерябин собрал последние силы — все, что было, весь запас, весь остаток — и медленно, чувствуя, как дрожат, подламываются ноги, поднялся, высокий, худой, грязный, с бессильно обвисшими руками, шатаясь и приседа, пошел на костер. Как во сне он увидел, что седой метнулся к палатке, выхватил из ее матерчатого нутра «йжевку», щелкнул курками. Дерябин ничего не понимал и, стараясь держаться ровно,

же любят. Продают колбасу в магазинах, лавках и лавчонках, в увеселительных заведениях Сингапура, Каира, Калькутты, Порт-Саида, Бомбея, Шанхая, Ниццы, Лиссабона, острова Кипр; возят ее машинами, теплоходами, поездами, самолетами...

Горизонт снова подпрыгнул, накренился, словно палуба посуды, попавшей в шторм, потом задержался судорожно, знобко, без останова, на жилы, опоясывающие горло с боков, кто-то жестко и сильно надавил. Дерябин захрипел, пытаясь удержаться на ногах, заскреб пальцами по воздуху, отшвырнул палку в сторону, скользнул головой в зольный нарост. Пепел взрывом стрельнул вверх, и он погрузился в душную, горячую, забившую горло липким массу.

Очнулся от шума — откуда-то сверху (вот странное ощущение) до него доносился слабый, то ли чем-то одобренный, то ли приглушенный шум, спокойный и равномерный. Первой мыслью было — где-то стороной идет вертолет, точно, вертолет! — и надо сделать все, чтобы пилот увидел его, летчика Дерябина,

сердца, острыми уколами отдававшегося в височных вдавлениях, в ушах. Передохнув, пополз дальше, упрямо и туло раздвигая грудью, головой глубокие зольные наросты.

В пади, обжигая низкий, не успевший еще подняться молодец — это была первая зелень, которую Дерябин увидел в горелой полосе сопки, — потрескивал костер. Над костром на сильно прогнувшейся рогулине висел большой, нечищенный, густо-черный от нагара котелок, в котором звучно булькала вода. Рядом с костром, стянув с себя штаны и широко расставив толстые потные ноги, сидел на брезентовом складне клочкобородый человек с седой головой и, быстро и привычно орудуя иглой, ставил большую, не в цвет к штанам заплату. Из палатки, припиленной углами к металлическим костылям, торчали ноги в ботинках-триконях, доносилось сонное сопенье, чмоканье. Седой, часто поглядывая на котелок, напевал бессловесную песенку, что-то очень знакомое, близкое, этот мотив Дерябин слышал тысячу раз, не меньше. Невдалеке, стреноженный путами, хрумкал гнедой конь...

свернул в сторону и шел теперь уже на седого, на пустые зрачки двустолки, отмеряя шагами сантиметровые куски земли, и ему казалось, что шаг у него длинный, быстрый, пластичный, как у гимнаста, и парадный марш громом отдавался у него в ушах, в голове. Он, кажется, улыбался. Потом, вспомнив о чем-то важном, он захрипел, с трудом поднял руку, залез в карман, вытащил из нее записку, бросил под ноги. Записка упала текстом вверх, на нее тут же вскарабкался неизвестно откуда появившийся муравей, забегал проворно взад-вперед, шевеля длинными упругими усиками. И была записка эта видна издали.

Дерябин шел долго, он целую вечность шел, и ему казалось, что прожил он очень долгий год, что до встречи с Тоськой-большой и Тоськой-маленькой осталось всего ничего, считанные дни, и на ходу пробовал прикинуть в своем гаснущем мозгу, сколько еще времени он сможет прожить, прочувствовать, просуществовать. Он, Дерябин, не имел права умирать — слишком много у него было несделанных дел в жизни...

КАИССА ОТБИРАЕТ СИЛЬНЕЙШИХ

Олег СКУРАТОВ

Фото А. БОЧИНИНА,
И. ТУНКЕЛЯ, ТАСС

Почти два месяца миллионы любителей шахмат жили в атмосфере волнующего ожидания... Непрерывной чередой шли к ним вести с двух межзональных турниров. Вначале из осенней Риги, затем с другой стороны планеты, из только вступившего в весеннюю пору Рио-де-Жанейро. График этих интереснейших соревнований оказался исключительно удобным для болельщиков. Когда первый турнир финишировал, во втором лишь развернулось сражение.

Бразильцы познакомились с большими шахматами в 1973 году, когда в Петрополисе состоялся такой же межзональный турнир. Проходил он в полупустом зале, и только блестящий успех гроссмейстера Энрико Мекинга привлек к шахматным столикам первый отряд болельщиков. По этому поводу одна из местных газет заметила: «Сердца бразильцев принадлежат футболу. Сто тысяч граждан идут на стадион, сто чудачков предпочитают смотреть на шахматы». «Хорошо, что не наоборот», — говорили участники, порядком устав тогда от бурного проявления чувств, с которым поклонники Мекинга встречали чуть ли не каждый его шахматный ход.

И теперь Энрико стартовал в Рио, но после двух неудачно проведенных партий выбыл из турнира. Болельщики обрушились на врачей, которые настояли на этом решении и тем, дескать, лишили их любимца первого приза в 5 тысяч долларов... Вся эта история выглядела странной: ведь болеет Мекинг давно, и состояние его здоровья не было секретом до начала игры. Некоторую ясность внесла газета «Глобо», сообщив, что за девять часов, проведенных за шахматной доской, бразильский гроссмейстер получил от страховой компании «Атлантика Бовиста» еще более крупную, чем первый приз, сумму — шесть с половиной тысяч долларов, обещанную за участие в межзональном турнире. Количество сыгранных партий оговорено не было...

Огорченные болельщики сразу же переключились на поддержку другого земляка — двадцатидвухлетнего студента Жаиме Суние. Сперва казалось, что большой радости своим почитателям он принести не сможет: ведь у него (редчайший случай в турнире такого ранга) не было даже звания международного мастера. Да и шахматный рейтинг выражался в самом скромном показателе — 2375.

Но молодой мастер явно не желал быть мальчиком для битья. Более того, в середине дистанции он настиг группу лидеров, одержав верх над Л. Портисом (имевшим самый высокий рейтинг в турнире — 2640), Ю. Балашовым,

Михаил Таль.

Лев Полугаевский.

Тигран Петросян.

Нана Иоселиани.

Нана Александрия.

Л. Велимировичем, Я. Смейкалом...

Что творилось в зале! По требованию главного судьи Г. Голombeка наиболее темпераментные болельщики перешли в соседнее фойе, где они могли вести себя, как на привычном им футбольном стадионе «Маракана». Здесь разрешалось курить, шла торговля кофе и горячительными напитками, во всех концах зала заключались пари. Для удобства публики партии Ж. Суние подробно комментировались специалистами. И все равно шум стоял невообразимый. Остудить пыл болельщиков смогли лишь Э. Торре, Р. Хюбнер и Б. Ивков, которые, спасая престиж гроссмейстеров, выиграли подряд три партии у бразильского мастера. Заметим, что сам Жаиме Суние показал себя выдержанным, корректным партнером и, хотя не смог развить первоначальный успех, досрочно выполнил норму международного мастера. Очевидно, от него можно многого ожидать в ближайшем будущем.

Из фойе, где кипели шахматные страсти, болельщики часто навдывались и в другой зал, где семнадцать лучших шахматисток мира проводили свой первый межзональный турнир (второй позже начался в Испании).

Шахматистки закончили турнир чуть раньше мужского. Отметим, что борьбы за первое место не получилось. Его уверенно заняла двукратная чемпионка Европы среди юниорок Нана Иоселиани, показавшая феноменальный результат — 14,5 очка из 16! Второе место также без особой конкуренции заняла венгерская спортсменка Жужа Вереци, а вот вокруг третьей претендентской путевки развернулась ожесточенная борьба. Милунка Лазаревич, Нана Александрия и бурно финишировавшая Гизела Фишдик решили спор лишь в последнем туре. В число претендентов вошла советская шахматистка.

Шахматные статистики уже подсчитали, что в рижском турнире результативность поединков равна 60,8 процента. Боевой турнир! За всю историю подобных соревнований решительней играли лишь участники ленинградского турнира 1973 года. Но и турнир в Рио претендует на звание боевого. Разумеется, как всегда, зачинателями «снайперского движения» стали основные соискатели претендентских путевок.

Без пяти минут претендентом называют теперь голландского гроссмейстера Яна Тиммана. Всех поразил его яростный финишный рывок... Впрочем, успехи последних лет и высокий рейтинг (2625) обязывали его ко многому, но так сложилось, что первую победу он одержал лишь в восьмом туре, да

и то не без помощи партнера. Затем Тимман начал великолепный спурт, такой же, какой совершил в рижском межзональном Олег Романишин... Увы, и того и другого гроссмейстера выстроенный ряд единиц лишь вплотную приблизил, но не привел к заветной цели. Видно, каждую половинку очка надо беречь со старта...

Как это надо делать, показал блестяще стартовавший Роберт Хюбнер — 6 очков из 7! Гроссмейстер из ФРГ — специалист по классической филологии. И в шахматах он приверженец классического позиционного стиля. Хюбнер в четвертый раз играет в межзональном турнире. В 1970 году он стал претендентом, но проиграл в четвертьфинальном матче. Тогда Хюбнера справедливо упрекали в слабых бойцовских качествах, в излишней нервозности. В том проигранном Т. Петросяну поединке он после серии ничьих и всего одного поражения неожиданно сдал матч.

Но это случилось девять лет назад. Сегодня Хюбнер показывает пример выдержки, что в сочетании с высоким классом игры ставит его в число реальных претендентов на матч с чемпионом мира.

Как обычно уверенно и расчетливо шел к цели Тигран Петросян. Среди участников межзональных турниров он держит своеобразный рекорд: успех в каждом из шести выступлений. И на этот раз экс-чемпион мира, которому недавно исполнилось пятьдесят лет, показал более молодым советским гроссмейстерам хороший пример собранности и волевых качеств, пройдя без поражений труднейшую дистанцию. Поклонники «железного Тиграна» давно подметили, что за его внешне спокойным стилем игры скрывается особое умение рисковать, переломить ход борьбы и с юношеской энергией довести партию до победы.

Лучше других участников сыграл с нашими шахматистами венгерский гроссмейстер Лайош Портис, и это во многом определило его турнирную судьбу. Сделав ничью с Петросяном, он победил идущих вплотную за лидерами Юрия Балашова и Рафаэля Ваганяна. В графе результатов у него вообще очень мало ничьих. Таков непримиримый стиль игры ветерана межзональных турниров. Семь раз выходил он на старт, четырежды терпел неудачу, но три последние попытки неизменно выдвигали его в ряды претендентов. В Рио Портис показал огромную пробивную силу (9 побед!), но одновременно стал автором трех, прямо скажем, сенсационных проигрышей. В первом же туре его одолел филиппинец Э. Торре, в середине дистанции — молодой Ж. Суние и, наконец,

возле самого финиша — аутсайдер турнира С. Каган.

К последнему туру сложилась крайне напряженная ситуация. Зал «Копакабана палас отеля» заполнили зрители, журналисты, работники телевидения. Решалась судьба всех трех призовых мест...

Наибольшее количество очков было у Хюбнера — 11,5, но он уже закончил турнир и никак не мог повлиять на свою судьбу. Сразу трое участников имели возможность настичь лидера... Первым это сделал Л. Портиш, быстро сыгравший вничью с Л. Шамковичем.

Задача Т. Петросяна и Я. Тиммана была труднее — оставалось лишь одно вакантное место...

Петросяну, чтобы сравняться с лидером, надо было обязательно выиграть черными у Б. Ивкова. А того и белыми одолеть нелегко. Но советский гроссмейстер показал лучшие черты спортивного характера, добившись успеха в нервном и остром поединке. В староиндийской защите он четко отразил угрозы, использовал промах соперника и блестящей контратакой принудил его к сдаче.

Шестидесят семь ходов осаждал позицию гроссмейстера Г. Гарсия герой финиша Тимман. В случае успеха он четвертым набирал 11,5 очка, и тогда четверо начинали новый турнир за три заветных места... Надо ли говорить, с каким вниманием следили все за этим поединком. Уже в глубоком эндшпиле кубинец жертвой коня форсировал ничью. Ян Тимман остался четвертым...

Итак, межзональный турнир в Рио-де-Жанейро назвал еще трех претендентов на шахматную корону — Т. Петросяна, Л. Портиша и Р. Хюбнера. Месяцем ранее почетное право бороться дальше завоевали в Риге еще два советских гроссмейстера — М. Таль и Л. Полугаевский. Вместе с уже имевшими это право советским гроссмейстером Б. Спасским и В. Корчным они начнут весной олимпийского года матчевые поединки. А кто же восьмой участник? Читатель, наверное, помнит, что в уходящий из Риги претендентский экспресс в последний момент сели (с одним билетом на двоих) венгерские гроссмейстеры А. Адорьян и З. Рибли... И теперь в дополнительном матче земляков судит Каисса.

Болезнь со стажем помнят увлекательные межзональные турниры прошлого, в которых появились яркие новые звезды — Михаил Таль, Роберт Фишер, Анатолий Карпов... Эти молодые таланты сразу же заявляли о себе, с триумфом прокладывая путь к шахматной короне. Но вот уже во втором розыгрыше чемпионского титула мы не видим новых имен. Строгая Каисса, тщательно отбирая сильнейших, пока останавливает свой выбор на ветеранах, и только участников дополнительного матча Адорьян — Рибли можно отнести к молодому поколению...

Кто же встретится с Анатолием Карповым? Этому не знает даже сама шахматная богиня. Суровый отбор будет продолжен, и поклонников шахмат вновь ожидает волнующая пора. Из восьми сильнейших уже весной останется только четверо, летом — двое, а осенью станет известно имя того, кто прошел сквозь огонь и медные трубы шахматного отбора.

Он и скрепит шпагу с чемпионом мира.

Ленинградский
Дворец
спортивных игр.

ОЛИМПИАДА НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

Михаил ЭСТЕРЛИС

В жизни Ленинграда физическая культура и спорт всегда занимали достойное место. Более миллиона его жителей посещают спортшколы, группы здоровья. В распоряжении ленинградцев 51 стадион, 70 легкоатлетических площадок, 23 плавательных бассейна, 315 футбольных полей. И не случайно в Ленинграде получили широкое распространение «стадионы под окнами» — новая форма оздоровительной работы по месту жительства. А так как массовость, как известно, — залог спортивного мастерства, то вполне закономерны и успехи атлетов с эмблемой «Л» на соревнованиях самого высокого ранга. Только за последние пять лет спортсмены Ленинграда завоевали 262 призовых места на чемпионатах мира и Европы. За время участия советских спортсменов в Олимпийских играх, то есть с 1952 года, 58 ленинградцев стали олимпийскими чемпионами.

Сейчас Ленинград деятельно готовится к встрече Олимпиады-80, ведь здесь будет проведен один из четырех групповых футбольных турниров и один из четвертьфиналов. Поэтому главное внимание уделялось стадиону-гиганту, который расположен в приморском парке Победы. Этот стадион после реконструкции вместит 72 тысячи зрителей, и те, кто придет сюда 20 июля 1980 года, не узнают его. Полностью реконструировано футбольное поле, создается искусственное освещение, рассчитанное на цветную телетрансляцию в вечернее время, обновлены все пятьдесят две трибуны, да и прилегающая к стадиону территория спланирована заново.

В предолимпийские заботы Ленинграда входит, конечно, не только главный стадион, ведь участников футбольного турнира надо также обеспечить удобными местами для тренировок. В их распоряжение будет отдан другой стадион города, носящий имя Ленина, на котором проведены фундаментальные работы. Они коснулись и самого футбольного поля, и освещения стадиона, и подсобных помещений, в которых теперь будут иметься не только душевые, но также бассейны и сауна. В случае ненастья футболисты смогут тренироваться на искусственном поле нормальных размеров, которое имеется во Дворце спортивных игр.

Дворец спортивных игр на улице Бутлерова — не единственное спортивное сооружение такого рода. Сейчас завершается стройка универсального зала с трибунами на 25 тысяч человек. И это монументальное сооружение сферической формы, одно из крупнейших в Европе, украсит новый жилой район неподалеку от парка Победы. Оно будет располагать футбольным полем нормальных размеров, а также ледовой дорожкой и хоккейной площадкой.

Одновременно с реконструкцией двух главных стадионов города в Ленинграде ведутся большие работы по сооружению серии олимпийских объектов. Строители сдали в эксплуатацию гребную базу «Динамо», центральный яхт-клуб, дворец спорта для борцов, а скоро войдет в строй здание городского врачбно-физкультурного диспансера.

Много делается для того, чтобы удобно разместить зрителей, и в городе сооружается несколько

новых отелей, среди которых 16-этажная гостиница на 2400 мест «Прибалтийская» уже вступила в строй, а недавно открыта Невско-Василеостровская линия метро, которая соединяет эту гостиницу с центром города. Строится вместительный морской вокзал на Васильевском острове, совершенно необычной архитектуры, который примет туристов, прибывающих в Ленинград водным путем.

Вклад ленинградцев в проведение Олимпиады-80 очень разнообразен. Вот один из примеров. Когда возник вопрос о необходимости создать новую модель факела, в котором будет доставлен олимпийский огонь из Греции, организационный комитет «Олимпиада-80» доверил это дело группе ленинградских инженеров, которую возглавил Б. П. Тучин. На испытательном стенде факел прошел буквально огонь и воду: и ветер ураганной силы, и ливень, и тепловые нагрузки. Комиссия рекомендовала образец в производство, теперь изготовлено около 5000 копий факела, которые останутся на память участникам «огненной эстафеты».

Большой популярностью пользуются ленинградские сувенирные изделия с олимпийской символикой. Диплом № 1 получил Ленинградский завод художественного стекла. Широкую известность приобрели изделия, выпущенные фарфоровым заводом имени Ломоносова.

— Можно заверить гостей Олимпийского футбольного турнира, что Ленинград достойно примет их, — сказал председатель ленинградского оргкомитета «Олимпиады-80», первый заместитель председателя Ленгорисполкома Н. Д. Филонов.

Так оно и будет.

В начале года «Огонек» начал разговор о культуре одежды, о моде, о мере разумного отношения к ней и просто о том, что модно в этом сезоне. И вот тут-то выяснилось, что наши милые женщины, наши читательницы соскучились по таким разговорам, когда можно откровенно побеседовать о том, как поразить гостей своим кулинарным искусством и как правильно нанести румяна, какой подарок сделать дочке к шестнадцатилетию и как приготовить освежающую маску из огурца.

Словом, мы решили открыть специальную страничку для женщин и приглашаем всех желающих принять в ней участие.

Пишите нам о том, что вас волнует, предлагайте темы для разговоров, задавайте вопросы, вносите свои предложения.

Сегодня мы поговорим о красоте, ибо общеизвестно, что некрасивых женщин не бывает, нужно только захотеть разглядеть эту красоту, ну, еще чуть-чуть уметь ее подчеркнуть, кое-что скрыв, кое-что выделив. Поможет нам в этом разговоре главный художник лаборатории косметических работ Центрального проектно-технологического бюро Министерства бытового обслуживания населения РСФСР Светлана Федоровна МОЖЕЛЕВА.

хочет. С того момента, когда заболит мать протирает маслом ребенку складки пухлых ножек, припудривает тельце тальком и т. д. Тем более непонятны утверждения некоторых женщин, категорически отрицающих всякую косметику. Что это? Эгоизм, равнодушие или просто непонимание. Ведь гораздо приятнее смотреть на красивое, ухоженное лицо. Девиз сегодняшней моды: «Платье должно быть струящимся, каблук высоким, а кожа без дефектов». И косметологи призваны помочь женщине выполнять этот последний завет.

— Когда же нужно прибегать к советам специалистов-косметологов?

— Этот вопрос всегда решается индивидуально. Главное — не упустить момент. За красоту нужно бороться и помнить, что красота до 25 лет — подарок, до 40 лет — это работа, а после сорока — это трудная работа.

Какие рекомендации можно дать отважной женщине, решившей бороться за свою красоту?

Любая кожа требует постоянного ухода. О том, каким он должен быть, решает специалист. Шаблонных типовых советов не существует. Если врач-косметолог назначает вам массаж или питательные маски, то и пользоваться ими надо строго по назначению, никогда не рассчитывая на мгновенный эффект. В косметологии важен отдаленный результат, ибо отбелить кожу, как покрасить забор, в один

есть каждая женщина имеет возможность для проявления вкуса, для наиболее полного выражения своей индивидуальности. Все это относится в еще большей степени к макияжу. Только кажущаяся простота здесь еще опаснее, чем в выборе платья. Прежде чем начать «делать лицо», не забудьте к зеркалу прикрепить девиз: «Осто-

Рисунки М. Ушица

рожно! Опасно для жизни». Потому что неумеренное, неправильное пользование косметическими средствами — это, как превышенная дозировка сильнодействующего лекарства, может иметь обратный эффект. Вместо того, чтобы освежить, оживить естественные краски, формы, оно состарит вас на годы, сделав вместо лица раскрашенную маску.

Лучший макияж такой, когда

ло умелого макияжа — всегда исходить из своих чисто индивидуальных особенностей, не пользоваться без разбору косметическими средствами только потому, что они у вас под руками. Конечно, в наших магазинах не всегда еще бывает необходимый ассортимент для декоративной косметики, но, наблюдая девушку с ярко-зелеными веками, красными губами и в черном свитере, невольно подумаешь, что у наших женщин иногда слишком большой набор этих средств.

Современная мода очень требовательна, особенно в подборе цветовой гаммы.

Выбор красок должен быть очень тщательным. Если ваш туалет решен в теплой цветовой гамме, то ни в коем случае не допускайте употребления цветов другой, холодной гаммы. Весь облик современной женщины должен решаться в едином ключе и по цвету и по стилю.

— Что же модно в макияже-80, каковы его характерные особенности?

— После эксцентрических всплесков, о которых мы уже говорили, мода повернулась в сторону женственности. Этот стиль царит.

Тон для лица должен быть близок к естественному цвету кожи. Вернулась в моду рассыпная пудра. Раньше кожа у женщины была, как маска, сейчас она приобретает живой, естественный вид. Помада в моде прозрачная, блестящая, естественных тонов. Контуры на веках по-прежнему актуальны, но он растушеван, не четок, осталась и классическая миндалевидная форма глаза. Тени для глаз сразу двух-трех тонов, от светлых к более темным к внешним уголкам глаза. Нанесение теней одного тона считается сейчас слишком примитивным, устаревшим решением. Особенно важны румяна. Ведь они не только придают свежесть, но корректируют лицо, его форму. Пользоваться румянами надо в зависимости от типа кожи, времени года: компактными, жидкими, сухими, рассыпными, кремообразными.

Очень важны брови: форма естественная, цвет всегда чуть светлее волос. Черные брови — только для брнеток.

— Еще один практический вопрос: какие конкретные рекомендации можно дать женщинам, интересующимся макияжем?

— Любый грим надо начинать с тщательной подготовки кожи: протереть лицо можно лосьоном, пропитать кремом (увлажняющим — летом, более жирным — зимой), излишки крема аккуратно снять салфеткой. Только тогда наносится тональный крем или пудра, гримируются глаза, губы, наносятся румяна.

Еще одно важное правило: макияж никогда не переделяется, а на ночь грим обязательно снимается влажной ваткой, смоченной растительными, косточковыми маслами.

Макияж надо уметь носить так же, как платье. Лицо в гриме должно быть естественно. Но главное украшение — это приветливое выражение лица. Без улыбки никакое, даже очень хорошо сделанное лицо не будет красивым.

Чаще улыбайтесь, милые женщины!

Беседу вела В. МОРОЗОВА.

ЗА КРАСОТУ НУЖНО БОРОТЬСЯ

«Берегите фигуру, лицо можно сделать», — говорят французы.

— Так ли это? — обратились мы с первым вопросом к Светлане Федоровне.

— Косметика — искусство украшать. Она может творить поистине чудеса, если ею умело пользоваться. Но она может сыграть злую шутку, если нарушить ее законы.

Искусство это очень древнее, и косметологи шутят иногда: «Неосомненно, что обезьяна, прежде чем слезть с дерева, сначала украсила себя, чтобы понравиться другой».

Если же говорить всерьез, то с косметикой человек связан с младенчества, хочет он этого или не

сеанс невозможно. Только систематический уход дома и в косметическом кабинете может сохранить то, что дала природа.

— Есть в арсенале косметологов такое чудодейственное средство, как макияж, декоративная косметика. Но именно ее особенно в штыки принимают скептики. Чем же это объяснить?

— Действительно, история развития косметики претерпевала на своем пути периоды бурного развития и спады. Древняя медицина всегда уделяла большое внимание косметическим средствам и приемам. В XVI—XVIII веках широкое распространение получили ароматические вещества, белила, румяна, грим, пудра, парики.

Если вернуться к нашим дням, то долгое время отношение к макияжу было достаточно прохладным и лишь с шестидесятых годов он вновь занял свое достойное место. А с того момента, когда в современной моде вновь начала царить женственность, макияж стал особенно важен.

«Огонек» уже писал о том, что современная мода очень изысканна, требовательна и вместе с тем демократична. Она не категорична. Предлагая сразу несколько направлений, она дает свободу самовыражения. «Мода для всех и для каждого в отдельности», то

все сделано — и как будто ничего не делалось. Кричит безвкусица — вкус молчит.

Раньше, когда царил утрированный восточный стиль, макияж был прост: блондинки, брнетки, курносые, круглолицые, полные и худые женщины — все наносили густую, четко выраженную линию на верхнем веке, удлинняя глаз, прорисовывали линию бровей, словом, все ходили в стиле «а ля Нефертити». Потом на смену пришел в моду совсем противоположный рисунок лица с круглыми глазами, очень тонкой, рисованной линией высоких бровей и яркими, густых цветов губами. Сейчас эта категоричность ушла. Это закономерно. Ведь для выражения индивидуальности женщины, для выявления вкуса и мастерства единого решения не может быть.

В сегодняшней моде важен ансамбль, общий стиль и в одежде, и в причёске, и, конечно, в применении тех или иных косметических средств, будь то спортивное или романтическое направление.

Сегодняшний макияж сложен особенно тем, что он почти естествен. Его главная цель — сделать женщину еще более женственной, придать свежесть ее лицу, деликатно обратить внимание на ее достоинства, смягчив, приглушив недостатки. Еще одно прави-

1001 улыбка

Редакция советской прозы издательства «Молодая гвардия» предложила мне составить и отредактировать сборник произведений молодых юмористов.

Идея понравилась, и я охотно принялся за работу. Теперь, когда все уже позади и сборник вот-вот появится на прилавках книжных магазинов, я, оглядываясь назад, с полной искренностью могу сказать: если бы я знал, что меня ожидает, я бы вряд ли имел мужество согласиться.

А ожидали меня мешки рукописей. На разных языках. С подстрочниками и без. Рассказы, юморески, стихи, эпиграммы, рисунки и даже романы.

Я никогда не предполагал, что у нас в стране столько людей пробуют свои силы в сатирическо-юмористическом жанре.

Одним словом, выбор был большой. Нам удалось обнаружить немало интересно мыслящих и остроумно пишущих новых авторов.

Около ста из них стали авторами сборника «1001 улыбка». Под одной обложкой здесь встретились писатели и художники почти из всех союзных и автономных республик нашей страны. Книга переводилась с двадцати двух языков. Как она получилась, предоставим судить читателям.

Из «1001 улыбки» я выбрал несколько, которые, льщу себя надеждой, понравятся читателям «Огонька».

Наум ЛАБКОВСКИЙ

ПРИЯТНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Л. МАЛИНСКИЙ
(Латвия)

Мы приходим с работы в одно и то же время и поэтому всегда встречаемся у лифта.

— Добрый вечер, — говорю я, пропуская его в кабину.

— Добрый, — говорит он, приподнимая шляпу. — Благодарю вас. Дверь за нами закрывается.

— Не правда ли, чудесная по-

года? — говорю я для начала разговора.

— И не говорите! Весна! — радостно подхватывает он.

— Скажите, а... — Но тут лифт останавливается, и мне пора выходить. Ему ехать выше, на девятый.

Я выхожу и тут же забываю, о чем хотел спросить. Но мне кажется, что о чем-то очень интересном. Мне симпатичен этот добрый человек, он, наверное, приятный собеседник, и нам есть о чем поговорить. Как жаль, что я живу на четвертом этаже.

И каждый день:

— Добрый вечер...

— Благодарю вас...

— Не правда ли...

— И не говорите! Жара!

— А...

Двери раздвигаются, и что-то главное не сказано, а что?

И вот однажды, когда мы успешно обсудили дождь, я спросил:

— Скажите, а...

Лифт остановился, как всегда, но дверь не открылась.

— Скажите, а... — повторил я, пытаюсь вспомнить, что я хотел узнать у него.

Дверь не открывалась.

— Скажите, а... не правда ли, противная погода? — наконец выдал я.

— И не говорите, — обрадовался он, — льет как из ведра.

И мы замолчали. Молчание в лифте можно сравнить с одиночеством человека в ночной пустыне. Но мы же интеллигентные люди. Я так мечтал с ним побеседовать.

— Да... погода, — сказал я, проклиная себя за скудоумие.

— Дождь, — констатировал он. — Противная погода.

— И не говорите, — сказал я. Мой собеседник стал казаться мне полудиотом.

— С самого утра льет, — сказал сосед с девятого этажа, глядя на меня, как троллейбусный заяц на контролера.

— Омерзительно, — сказал я, и он вполне мог бы принять это слово на свой счет.

— Дождь — это всегда плохо, — процедил он сквозь зубы.

Дался нам этот дождь! Можно было подумать, что в лифте разверзлись хляби небесные. Я отчаянно скрипел мозгами, пытаюсь найти хоть одну тему для беседы.

— Не правда ли, мерзкая погода? — с ужасом услышал я собственный голос.

— И не говорите. Ливень.

Если бы он был уверен, что справится, он наверняка задушил бы меня.

— Дождь! — заорал я, и в ту же секунду дверь открылась.

— Скажите, а... — пришел мне в голову замечательный вопрос, и, главное, на совершенно другую тему, но дверь уже закрылась, лифт уехал, а я забыл, о чем хотел спросить.

...Мы приходим с работы в одно и то же время, и поэтому всегда встречаемся у лифта. Правда, езжу я теперь один. Он идет на девятый этаж пешком, на третьем отдыхает, а на шестом принимает нитроглицерин...

УРОК ВЕЖЛИВОСТИ

Р. ХАМИДУЛЛИН
(Татарская АССР)

Утро.

— Хазиахмет-абзы!

— Что тебе? Не видишь разве — с человеком разговариваю.

— Простите, Хазиахмет-абзы. Дайте, пожалуйста, мотоцикл, братишка на самолет опаздывает!

— Ну что за народ пошел! Кричат, орут! А кто за тебя здороваться будет? Ведь как было раньше? Пойдешь к старшему, остано-

вишься на почтительном расстоянии от него, поздравляешься. Да подожди, не перебивай!.. Так вот. Если старший, бывало, разговари-

вает с кем-нибудь, ждешь, пока он тебя не позовет. А то на тебе — под самое ухо: «Хазиахмет-абзы!» А где почтение? Где терпение? Где, я спрашиваю? Нет их у вас! И сроду не было... А может, у меня горе какое? Может, у меня сын помер? Может, я болен? Спросить надо, если сам не знаешь.

Или тебя не учили этому? Да погоди, не торопись! Ты вежливо подойди, поздравляйся. И не перебивай человека. Может, у меня важный разговор. А хоть бы и неважный! Все же я старше. Ты сначала спроси, как мое здоровье.

Опять же про семью не забудь. Про скотину. Может, мор на нее какой... Вот когда я сам спрошу, какое у тебя дело ко мне, — скажешь. Эй, куда же ты! Тыфу!

Вечер.

— Здравствуйте, Хазиахметулла-абзыкай!

— А-а, это ты. Слава аллаху, здравствуй.

РЫБАК РЫБАКА...

Н. АБИЛЕВ
(Казахстан)

— Здравствуйте, Искандер Маженович, — сказал он. — Вчера я подал вам заявление с просьбой принять меня на освободившуюся должность.

— Да, я видел его, — ответил директор. — Но, к сожалению, вы нам не подходите.

— Значит, не берете?

— Нет.

— И правильно делаете, Искандер Маженович. — Он подошел к столу и сел в кресло. — Ведь тако-

— Как здоровье, Хазиахметулла-абзыкай?

— Ничего, сынок, не жалуюсь. Да ты подойди поближе... Не стесняйся.

— Как здоровье у Асмабикз-апа, Хазиахметулла-абзыкай? Не болеет ли?

— Спасибо, сынок, и она пока не жалуется.

— А как здоровье у детей, Хазиахметулла-абзыкай? Не болеют ли чем?

— И дети, слава аллаху, живы-здоровы.

— А как себя чувствуют родственники, Хазиахметулла-абзыкай? Все ли у них в порядке?

— Ничего, сынок, и им не на

что жаловаться. И у них все нормально.

— Все ли благополучно со скотиной, Хазиахметулла-абзыкай? Не терпите ли какую беду?

— Не жалуюсь пока, сынок. Спасибо за учтивость и участливость. Всегда таким будь. У тебя ко мне какая-нибудь просьба, сынок? Не стесняйся, говори...

— Да нет, Хазиахметулла-абзыкай. Мимо прохожу, дай, думаю, скажу.

— Что же ты хочешь сообщить мне, сынок?

— У вас, Хазиахметулла-абзыкай, баня горит!

Перевел С. ОФФЕНГЕНДЕН.

го пройдоху, как я, пригнать — смертный грех. Если хотите знать, я дня не могу прожить, чтобы ко-

го-нибудь не обмануть или что-нибудь не присвоить. У меня это хроническая болезнь. Но хуже всего то, что ни одна ревизионная комиссия не может обнару-

жить у меня недостачи. Я так надеялся, что у вас я исправлюсь...

Я с работы ушел, чтобы не искушать себя. Да вот не получается, видимо, опять придется взяться за старое. — У него на глазах появи-

лись слезы. — А ко всему прочему я еще и подхалим. В кабинете у последнего шефа я каждый ме-

сяц по полста рублей «забывал», то под газетой, то в ящике стола.

А в субботу, как правило, шефу коньяк, торт, икра красная... — Он замолк, не в силах подавать ком,

подступивший к горлу.

— Неужели вас ни разу не поймали? — вдруг спросил директор.

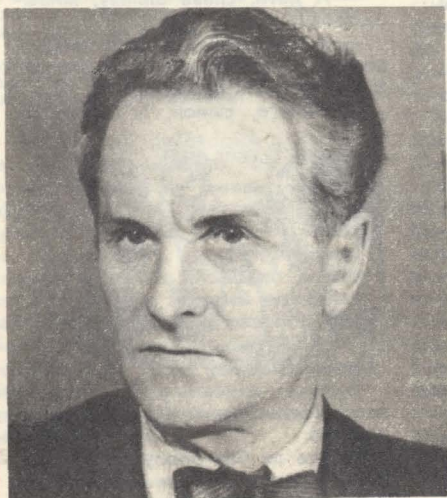
— Нет, — покачал он головой, — ни единого разочка. Просто ужасно...

Директор окинул его пытливым взглядом.

— Ну ладно, — сказал он строго, — оформляй документы, примем. Проверим, на что ты годен...

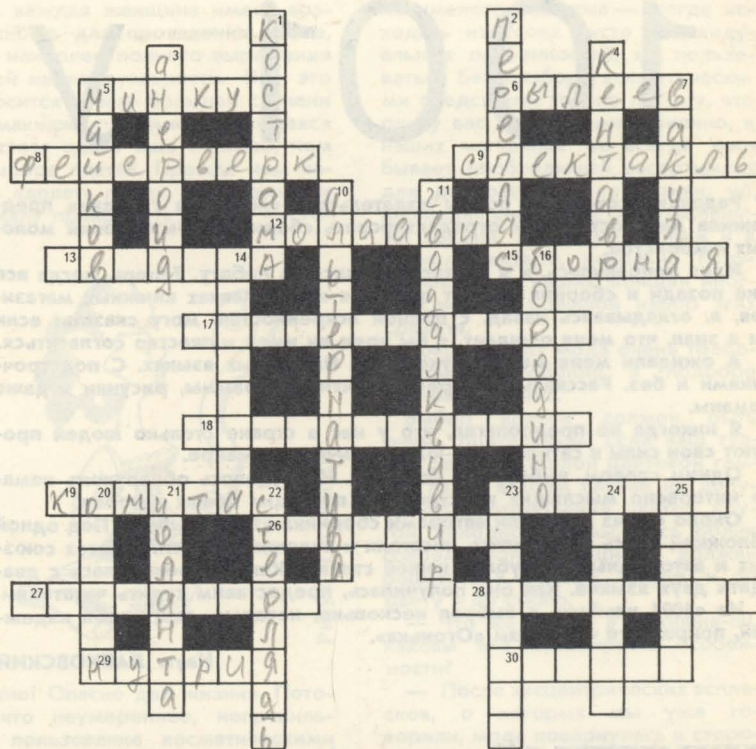

В МАЛОМ ТЕАТРЕ- ЮБИЛЕИ

Работы ветеранов

Итак, новых вам ролей, новых свершений, новых успехов, юбиляры!..

К Р О С С В О Р Д

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

Фото Г. Розова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕ-
ЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора),
И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ [ответствен-
ный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель глав-
ного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ,
Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патристический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 15.10.79. Подписано к печати 30.10.79. А 00743.
Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 762 000 экз. Изд. № 2557. Заказ № 1352.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

1917 1979

МИР !!!
РАЗОРУЖЕНИЕ
РАЗРЯДКА

КУКРЫНИКСЫ-79

Рисунок КУКРЫНИКОВ

Мир Октября,
надежней мира нет!
Он против разрушительных ракет.

И надувательства пустые пузыри
Их не прикроют,
как тут ни хитри.
Дм. Дёмин

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

